

Nik D
**Величие.
Система
несокрушима**

18+

Nik D

Величие. Система несокрушима

<https://litres.ru/73979834>

SelfPub; 2026

Аннотация

Идёт война. Враг наступает. А в тени, за спинами армий, действует таинственная Башня древняя сила, чьи слуги не чувствуют боли, не знают усталости и не умирают. Они уже здесь. Они уже ищут.

«Величие. Система несокрушима» - первая книга трилогии о войне, тайнах прошлого и о том, что закон о статусе можно нарушить. Но цена этого нарушения может оказаться слишком высокой.

Содержание

Слова автора.	4
Глава 1 "Война идёт"	5
Глава 2 "Королевство Фелдора"	13
Глава 3 "Встреча"	21
Глава 4	28
Глава 5 «Потеря»	34
Глава 6 "Испытания"	44
Глава 7	56
Глава 8 "Прошлое: «Долина смерти»"	70
Глава 9 «Лагерь»	86
Глава 10	91
Глава 11 «Тренировки»	96
Глава 12 «Ночной дозор»	110
Глава 13	126
Глава 14 «Пленники»	143
Глава 15 "Воспоминания о прошлом"	156
Глава 16 "Приезд в Лунный город"	164
Глава 17 «Королевская аудиенция»	174
Глава 18 «Выходной»	188
Глава 19 «Волк и Ястреб»	207

Nik D

Величие. Система несокрушима

Слова автора.

Признателен вам за то, что заглянули в моё произведение.

Буду рад любым комментариям, ведь обратная связь от читателей для меня бесценна.

Желаю вам хорошо провести время за книгой!

Глава 1 "Война идёт"

Меч утратил своё былое сияние. На его поверхности появились сколы, и даже трещины начали образовываться. Но он продолжал служить своей цели - резать, колоть и убивать. Под ногами, вместо земли, хлюпала грязь в перемешку с кровью и частями тел как людей, так и лошадей. В воздухе витает запах пороха и гнили, а звуки далекого грома и криков раненых создают атмосферу ужаса.

Солнце, едва пробивающееся сквозь облака дыма, окрашивает все в кроваво-красные оттенки. Вдалеке слышны звуки борьбы - выстрелы, взрывы и команды командиров. Это место стало символом страха и потерь, где каждая капля крови рассказывает свою историю о храбрости и трагедии.

Тут и там образовались холмы из тел воинов, которые защищали свои земли, на которых жили их семьи. Они знали, что если они проиграют, если дадут захватчикам пройти дальше этого горного перевала, то полк подкрепления не успеет прийти во время, и тогда враг успеет укрепиться, а также занять высоту, которая дает преимущество защитникам. Они вымотаны. Они не могут больше, их руки и ноги не слушаются. Они хотят убивать, но не могут.

Тишина, которая иногда накрывает поле, кажется особенно устрашающей - она предвещает новые ужасы, которые могут произойти в любой момент. Вокруг царит хаос, но среди

все этого есть моменты героизма: раненые, которые пытаются помочь друг другу, или медики, рискуя своей жизнью, спешат на помощь.

Численность противника в три раза превосходит их батальон, и эта разница ощущается на каждом шагу. Бои идут уже не одни сутки, и напряжение нарастает с каждой минутой. На вопрос о состоянии стен крепости даже инженер, который их проектировал, не смог бы дать точного ответа - они подверглись жестоким испытаниям и теперь выглядят просто ужасно. Осадные машины, которые без усталости "трудятся" над разрушением защитных конструкций, уже начали разваливаться от постоянного использования.

Командование обеих сторон пытается разработать стратегии для достижения своих целей, но на каждую новую идею противник отвечает контрмерой. Каждая минута кажется вечностью, а часы растягиваются в дни, полные напряжения и ожидания. Одни стремятся к как можно более быстрому захвату крепости, жаждут славы и победы, в то время как другие пытаются тянуть время, надеясь на подкрепления и на то, что крепость сможет устоять под натиском.

Мораль защитников постепенно снижается; они начинают чувствовать безысходность ситуации. Подкрепления так и не приходят, и это осознание давит на психику солдат, заставляя их терять веру в успех. На поле боя начинаются волнения - кто-то шепчется о том, что нужно сдаваться, кто-то пытается поднять дух товарищей, но настроению падать уже

некуда. Каждый звук, каждая тень становится источником тревоги; страх проникает в сердца защитников, и они понимают, что время играет против них.

В воздухе витает запах пота и крови, смешанный с запахом страха и отчаяния. Каждый удар осадной машины отзывается в сердцах защитников как громкий удар молота по наковальне. Стены крепости дрожат от мощи атак, и каждый новый взрыв заставляет солдат вздрагивать. Они понимают, что если не найдут способ переломить ход событий, то вскоре окажутся на грани полного поражения.

С каждым часом атмосфера накаляется все больше. Защитники начинают обмениваться взглядами полными тревоги и усталости. В их глазах отражается не только страх, но и решимость: они знают, что должны сражаться до конца, даже если надежда тает на глазах. Время идет, а надежда ускользает, как песок сквозь пальцы. Каждый из них осознает: эта битва может стать последней, и лишь мужество и стойкость могут спасти их от неминуемой смерти.

"В крепости Арто"

Некогда величественный зал поражал своим величием и атмосферой. Высокие потолки, украшенные резьбой и фресками, создавали ощущение простора и торжественности. Теперь же от этого не осталось и следа. Здесь царила гнетущая атмосфера, которая угнетала всех, кто приходил сюда с донесениями о ходе боя.

В центре зала стоит длинный деревянный стол, заваленный картами и свитками. Стулья с высокими спинками обиты дорогой тканью, а на стенах криво свисали портреты предков, их взгляды будто следят за каждым шагом.

- Чёрт бы их побрал! Где они?!

Тысячник не мог успокоиться. Его глаза горели яростью и жадной мести, а также усталостью. Он внушал страх и подавлял слабых своим величием и силой.

Внезапно отворилась дверь, и в зал вбежал юноша, весь в поту и крови. Его ноги тряслись от усталости, и он едва держался на ногах, как будто каждое движение давалось ему с огромным трудом. В руках у него было письмо, скомканное и запачканное, но все еще сохранившее свою важность. Все присутствующие повернули головы в его сторону, и в их глазах читалась надежда, смешанная с тревогой.

- Господин барон! Господин барон, это письмо от графа Бире! - воскликнул юноша, подлетая к тысячнику и протягивая ему сверток с нетерпением и страхом. Его голос дрожал от волнения, и он едва мог вымолвить слова.

В этот момент в зале воцарилась тишина. Все, кто находился здесь, были готовы забыть о правилах и условностях. Им было совершенно наплевать на то, что обычный парень не спросил разрешения войти, что он пренебрег всеми установленными нормами поведения. Важнее всего было то, что они ждали этого письма с замиранием сердца. Каждый из присутствующих понимал: от содержания этого письма зави-

село будущее не только их самих, но и всей земли, которую они защищали. Взгляды людей наполнились ожиданием; они словно замерли в ожидании судьбоносного момента.

Юноша, тяжело дыша, смотрел на барона, его глаза полны надежды и страха - он знал, что именно от этого письма зависит не только его судьба, но и судьба всех тех, кто сражается за правое дело.

"В полевом лагере королевства Эльдория"

Статный мужчина средних лет, облачённый в сверкающие доспехи, с гордым видом смотрел на поле боя, и то, что он видел, вызывало у него глубокое недовольство.

Их план по стремительному захвату территории, который казался безупречным на бумаге, не увенчался успехом. Согласно изначальным расчётам, крепость должна была пасть всего за сутки, однако информация, донесённая разведчиками, оказалась далека от истины. Удача, которая когда-то сопутствовала им, внезапно отвернулась, и в критический момент на них обрушился ливень, который испортил дороги до неузнаваемости. Перевозить орудия, которые и так двигались медленно, стало почти невыполнимой задачей. К тому же их заметили слишком рано - враг успел подготовиться и отправил в крепость армию из тысячи воинов, готовых защищать свои земли до последнего.

-Мы недооценили их решимость, генерал. К ним скоро придёт подкрепление в лице Бире с семью тысячами пе-

хотинцев, двумя тысячами лучников и пятью стами тяжёлой конницы. Граф Бире - хитрый человек, и он знает, как использовать ситуацию в свою пользу. Слухи о том, что практики из Башни согласились помочь, подтверждают, что они готовы на всё, чтобы защитить свои земли. Если они действительно присоединятся к ним, наши шансы на успех значительно уменьшатся.

Генерал нахмурился, его ум работал на пределе возможностей.

-Значит, нам нужно действовать быстро. Если мы не сможем захватить крепость до прибытия подкреплений, наши потери могут стать катастрофическими. Каковы наши варианты?

Советник, не теряя времени, начал перечислять:

-Мы можем попытаться провести ночную атаку, у них почти сил не осталось, мы не даем им выспаться, да и ночь обещает быть темная. Или же отступить и укрепить наши позиции на более выгодной территории. Также есть возможность попытаться подкупить кого-то из их командования - возможно, это даст нам преимущество.

Генерал задумался, его взгляд скользнул по полю боя, где вдалеке уже виднелись силуэты врагов.

-Ночная атака Это рискованно, но может сработать. Если мы сможем сбить их с толку и взять крепость врасплох, у нас появится шанс. Однако, если это провалится, наши потери будут непоправимыми.

-Я согласен с вами, генерал. Но если мы решим идти на риск, нам нужно подготовиться как следует. Я соберу лучших бойцов и подготовлю план.

Генерал кивнул, его решимость укрепилась.

-Сделай это. И пусть никто не знает о нашем замысле. Мы должны сохранить элемент неожиданности.

Советник быстро развернулся и оставил генерала наедине с его мыслями.

Вернувшись в палатку, Генерал посмотрел на карту, разложенную перед ним, и начал отмечать возможные пути атаки. В его голове уже вырисовывался план, который мог бы изменить ход сражения.

Через несколько часов, когда ночь окутала лагерь, советник вернулся с группой опытных бойцов. Они выглядели сосредоточенными и готовыми к действию.

-Мы готовы, генерал, - сказал он, глядя на собравшихся. - Каждый из нас понимает важность этой миссии. Если мы не сможем взять крепость, наши шансы на победу в этой войне будут минимальны.

Генерал обвел взглядом своих людей. Он знал, что каждый из них готов пожертвовать собой ради общего дела.

- Мы будем действовать быстро и молча, - начал он. - Наша цель - захватить ворота крепости до того, как враг поймет, что мы атакуем. Мы будем использовать темноту в свою пользу.

Он указал на карту.

-Здесь, есть узкий проход. Мы сможем пробраться туда незамеченными. После этого разделимся на две группы: одна будет отвлекать противника с фланга, другая - прорываться к воротам.

Бойцы кивнули, их лица выражали решимость.

- Мы должны быть готовы к любым неожиданностям. Если что-то пойдет не по плану, не теряйте головы. Главное - действовать слаженно.

Ночь углублялась, и тишина вокруг становилась все более напряженной. Генерал посмотрел на небо - звезды мерцали, как надежды их народа.

- Вперед! Пусть эта ночь станет нашей!

Группа бойцов выдвинулась в сторону крепости, сердце стучало в унисон с шагами. Наступила решающая минута. Время действовать.

Глава 2 "Королевство Фелдора"

Лунный град был городом, который никогда не спал. Даже глубокой ночью, когда луна поднималась над острыми шпилями дворца, жизнь в его стенах не затихала - она лишь меняла лицо. Днём столица Фелдора дышала звоном монет и криками торговцев, а ночью начинала шептать. Шептать о долгах, о голоде, о завтрашнем дне, который всё никак не желал становиться лучше.

Стены из белого гранита, возведённые ещё при основателе династии, казались вечными. Они вздымались на пятнадцать метров, и через каждые тридцать шагов с них глядели боевые башни, увенчанные тяжёлыми арбалетами. Эти стены пережили три осады и ни разу не были взяты штурмом. Но у каждой крепости есть уязвимость, и порой она скрывается не в камне, а в сердцах тех, кто живёт за её защитой.

Внутри кольца стен картина была пёстрой, как лоскутное одеяло. В Верхнем городе, ближе к дворцу, мостовые блестели чистотой, а воздух пах жареным мясом и благовониями. Здесь жили купцы, владевшие кораблями и караванами, банкиры, ссужавшие золотом даже корону, и аристократы, чьи родословные уходили вглубь веков настолько, что терялись во тьме легенд.

Нижний город был иным.

Здесь улицы сужались до ширины вытянутых рук, а небо

над ними исчезало за верёвками с сохнувшим бельём. В воздухе стоял запах кислого вина, древесного дыма и той особой сырости, что никогда не покидает каменных подвалов. В этих кварталах люди не жили - они выживали. Семья из семи душ могла уютиться в одной комнате, а дети, едва научившись ходить, уже понимали, что такое голод.

Именно здесь, в этом лабиринте нужды, и зарождалось то, что впоследствии назовут по-разному: одни - смутой, другие - пробуждением.

Центром Нижнего города была площадь, неровный пятючок земли, окружённый покосившимися домами. В центре её стояла статуя основателя Лунного града. Когда-то он привёл сюда первых поселенцев, обещал им свободу. Теперь его каменное лицо равнодушно взирало на очередь за хлебом, что каждое утро выстраивалась у благотворительной пекарни храма.

Элиза приходила на эту площадь почти каждый вечер. Она была молодой женщиной с уставшим лицом и руками, огрубевшими от стирки чужого белья, но в её глазах ещё теплился огонёк, тот самый, что отличает сломленных от несломленных. У неё было трое детей, и каждый день она делала выбор, который не должен делать ни один человек: кто сегодня поест, старший сын или младшая дочь.

Она приходила на площадь не за подаяннем. Она приходила слушать.

В тот вечер, когда всё изменилось, небо над городом висе-

ло низкое, серое, обещавшее дождь. Толпа на площади была гуще обычного, пронёсся слух, что опять подняли цены на муку, и люди пришли выплеснуть гнев. Но гнев быстро угас, сменившись привычной апатией: кричать было бесполезно, а бунтовать - смертельно.

И тогда из тени переулка вышел он.

Человек в простом плаще, с надвинутым на лицо капюшоном. Он двигался спокойно, как хозяин, осматривающий свои владения, и толпа расступалась перед ним без слов, будто подчиняясь безмолвному приказу. Он поднялся на низкий парапет фонтана, давно пересохшего, и заговорил.

Голос его был негромок, но странным образом достигал самых дальних углов площади. Элиза потом вспоминала, что ей показалось, будто он шепчет прямо ей в ухо.

- Нас много, - сказал человек в капюшоне. - Нас больше, чем их. Но мы молчим. Мы приходим на эту площадь, кричим, плачем и расходимся по норам, а наутро всё остаётся по-прежнему. Как долго?

Люди зашевелились. Кто-то хмурился, кто-то сжимал кулаки.

- Мы ждём справедливости от тех, кто никогда не делился ничем добровольно, - продолжал он. - Справедливость не даруют. Её берут. Но не мечом - меч сломается о стены дворца. Её берут единством. Когда нас будет не сотня, а тысяча. Когда нас будет десять тысяч, стоящих плечом к плечу. Мы должны создать коалицию - не против короны, а против

несправедливости.

- Но как? - выкрикнула какая-то женщина. - У нас ничего нет!

- У вас есть голос, - ответил человек. - У вас есть гнев. Если каждый из вас приведёт завтра на площадь ещё одного, то нас станет вдвое больше. Если каждый из вас расскажет соседу то, что услышал сегодня, нас услышат.

Элиза стояла в первых рядах и чувствовала, как её сердце бьётся часто-часто. Она не знала, кто этот человек и откуда он пришёл. Но его слова ложились на что-то глубокое, давно дремавшее в её душе. Надежда? Пожалуй. Но не та тихая надежда на чудо, с которой она засыпала каждую ночь. Это была иная надежда, острая, почти болезненная, как первый вдох после долгого удушья.

Той ночью Нижний город не спал. В тёмных комнатах, при свете лучин, люди говорили о том, о чём раньше боялись даже думать.

Король Эдриан узнал обо всём на следующее утро.

Он сидел в малом зале совета, отделанном тёмным дубом, и смотрел на донесение, написанное рукой начальника городской стражи. Доклад был сух: в Нижнем городе объявился неизвестный оратор, речи его носят подстрекательский характер, но прямых призывов к насилию не содержат. Толпа расходится мирно. Арестовывать некого.

Эдриан отложил свиток и подошёл к окну. Отсюда, с высоты дворца, Лунный град лежал перед ним как на ладони:

белые башни Верхнего города, зелень садов, блеск куполов храмов. И где-то там, за этой красотой, прятался другой город - серый, голодный, злой. Город, о котором он, если честно, не вспоминал уже много лет.

Король был не злым человеком. В молодости он даже слыл идеалистом. Но годы правления научили его одной простой истине: государство - это корабль, и чтобы он плыл, кто-то должен грести, а кто-то стоять у руля. Те, кто гребёт, всегда будут недовольны. Это неизбежно.

На следующий день Эдриан, облачившись в простой плащ и надвинув на лоб капюшон, вышел из дворца через боковую дверь, которую использовали слуги. С ним был только один охранник, немолодой ветеран, умевший молчать.

Они спустились в Нижний город.

Эдриан не был здесь много лет, с тех самых пор, как объезжал королевство после коронации. Тогда Нижний город был просто бедным. Теперь он выглядел иначе. В глазах людей, что попадались навстречу, король видел не просто нужду, он видел отчаяние, уже переходящее в глухую ярость. Так смотрят люди, которым больше нечего терять.

На площади он увидел Элизу. Она стояла у статуи основателя и разговаривала с двумя другими женщинами. О чём - он не слышал. Но её лицо, измождённое и одновременно одухотворённое, врезалось ему в память.

Вернувшись во дворец, король собрал советников.

- Мы занимаемся не тем, - сказал он без обиняков. - Мы

обсуждаем налоги на ввоз шёлка, когда в двух лигах от этого зала дети умирают от голода. Мы укрепляем границы, забывая, что самая опасная граница проходит внутри города - между теми, у кого есть всё, и теми, у кого нет ничего.

Советники переглянулись. Кто-то нахмурился, кто-то отвёл глаза.

- Я хочу, чтобы вы подготовили план помощи беднейшим кварталам, - продолжал король. - Снижение налогов для мелких ремесленников. Беспроцентные ссуды на открытие лавок. Общественные работы - ремонт дорог, чистка колодцев, за которые будут платить звонкой монетой. И никаких подачек, я хочу дать людям работу, а не милостыню.

Решение это далось ему нелегко. Богатые дома, чьи представители сидели в совете, встретили его холодно. Но спорить с королём, за которым стояла и армия, и любовь простого народа, они не решились.

Прошло несколько лет. Лунный град изменился. Нет, он не стал раем, и пропасть между Верхним и Нижним городом никуда не делась. Но на улицах, где раньше просили подаяние, теперь стучали молоты и пахло свежей стружкой. Новые мастерские росли как грибы, ярмарки привлекали купцов из соседних королевств, а вчерашние нищие получали место у станка или прилавка. Элиза открыла маленькую пекарню, не бог весть что, но её дети больше не ложились спать голодными.

Человек в капюшоне исчез так же внезапно, как появился.

Одни говорили, что он ушёл в другие земли нести своё слово. Другие шептались, что его убрали люди короля. Третьи, что его вообще не существовало, а был он лишь порождением общей воли, призраком, которого сотворило само отчаяние Нижнего города.

Но король Эдриан знал правду. Оратор существовал. И он не уходил.

Однажды ночью, за год до начала войны, король сидел в своём кабинете над картами северных границ, когда дверь отворилась без стука. Вошёл человек в простом плаще.

- Ты хорошо поработал, - сказал король, не поднимая головы.

- Как и ты, - ответил вошедший, и в его голосе не было подобострастия. - Но боюсь, наших трудов недостаточно.

Он подошёл к столу и развернул свой собственный свиток - донесение разведки.

- Эльдория стягивает войска к нашим границам. Это не учения, Эдриан. Это подготовка к вторжению.

Король долго смотрел на карту. Он знал, что этот день настанет. Он готовился к нему все эти годы, укрепляя армию, строя крепости, привлекая лучших инженеров и тактиков. Но в глубине души он надеялся, что ошибётся. Что жадность соседей не перевесит страх перед его мечом.

Он ошибался.

- Что ж, - произнёс Эдриан, поднимаясь. - Если они хотят войны, они её получают.

Оратор - бывший оратор, а ныне первый королевский советник по особым поручениям - склонил голову. Никто в королевстве не знал его настоящего имени. Но все знали другое: пока король и этот человек действуют заодно, у Фелдоры есть шанс.

Война приближалась. Она была ещё далеко, за горами и перевалами, за линиями пограничных крепостей, но её дыхание уже ощущалось в воздухе. И Лунный град, город контрастов и противоречий, замер в тревожном ожидании.

Никто пока не кричал на площадях о наборе в армию. Никто не трубил в рога, сзывая ополчение. Но те, кто умел слушать, уже различали в тишине далёкий гул наступающей грозы.

Глава 3 "Встреча"

Город Торнхилл, королевство Фелдора. За год до начала войны

Темнота пахла гнилью.

Алекс лежал на холодных булыжниках и смотрел в небо, а точнее, в узкую полоску между крышами, где не было ничего, кроме серой пелены облаков. Он не мог сказать, сколько времени прошло с тех пор, как его перестали бить. Может, час. Может, вечность. Боль стала фоновым шумом, как гул далёкого прибора. Она уже не пугала, она просто была.

Хуже боли была мысль. Мысль о том, что он умрёт здесь, в этом переулке, провонявшем кошачьей мочой и гнилью, и никто даже не обернётся.

Шаги раздались внезапно. Не торопливые, не случайные, размеренные, тяжёлые. Так ходит тот, кому некуда спешить, потому что мир всё равно подождёт.

Алекс не стал поднимать голову. Зачем? Если это грабитель, то пусть берёт, что хочет. Если убийца - пусть заканчивает быстрее.

Шаги смолкли прямо над ним. Наступила тишина - долгая, густая. Затем скрипнула кожа сапог: незнакомец присел на корточки.

- Живой?

Голос был низким, хриловатым, но без старческой сла-

бости. Такой голос бывает у людей, которые много молчат.

Алекс разлепил веки. Над ним нависал силуэт - широкоплечий, закутанный в плащ. Капюшон скрывал лицо почти полностью, лишь в глубине ткани угадывался острый подбородок и тусклый блеск глаз.

- Пока да, - выдавил Алекс. Губы не слушались.

Человек помолчал.

- Идти можешь?

- Не уверен.

- Попробуй.

Это было сказано без раздражения, но и без жалости. Незнакомец не протянул руки, он просто ждал. Алекс, превозмогая боль, упёрся локтями в камни и попытался встать. Мир качнулся, ноги подкосились. Он бы упал снова, но чужая рука, крепкая, как дерево, поймала его за плечо.

- Плохо, - констатировал незнакомец.

- Сам знаю.

Он закинул руку Алекса себе на плечо и поволок его вглубь переулка. Шли долго, петляя, сворачивая, временами замирая в тенях. Алекс не спрашивал куда. Сил не было. Да и страх, тот самый липкий страх, что ещё недавно сжимал горло, вдруг отступил. Может, потому что рядом был кто-то, кто явно знал, что делает.

Дверь, в которую они постучали, ничем не отличалась от десятков других. За ней оказалась крошечная комната с низким потолком и одним окном, заклеенным промасленной бу-

магой. Пахло старым деревом и сушёными травами.

Незнакомец скинул Алекса на топчан и наконец отбросил капюшон.

Алекс увидел лицо, которое трудно было забыть. Мужчина лет сорока, может, чуть старше. Измождённое, с резкими тенями под глазами и глубокими складками у рта. Короткая, небрежная борода. Волосы тёмные, с проседью, спутанные. Но не это бросалось в глаза. Главным был взгляд, тяжёлый, медленный, взгляд человека, который видел слишком многое и не спешит этим делиться.

- Кто вы? - спросил Алекс.

Мужчина прошёл к столу, взял кувшин, плеснул воды в кружку. Поставил рядом с топчаном.

- Имя - звук, - произнёс он. - Звуки не важны. Важно то, что за ними. - Помолчал. - Называй Калиостр.

- Вы... лекарь?

- Нет.

- Тогда почему помогли?

Калиостр сел на стул напротив. Движения его были медленными, но не от усталости, а от привычки никуда не спешить.

- Ты задаёшь вопросы, ответы на которые тебе не нужны, - сказал он. - Тебе нужно не «почему», тебе нужно «что дальше».

Алекс сглотнул. Этот человек был... странным. Он не угрожал, но и не успокаивал. Он просто был, как скала или

как старый дуб. И от этого становилось одновременно и жутко, и почему-то спокойно.

- Я видел знак. У одного из них. Треугольник с глазом.

Калиостр не шелохнулся. Только пальцы его левой руки медленно сжались в кулак и так же медленно разжались.

- Башня, - произнёс он едва слышно.

- Вы их знаете?

- Каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать. - Калиостр поднял глаза. - Ты знаешь слишком много для прохожего. Это опасно.

- Что мне делать?

- Жить. - Калиостр поднялся. - Остальное - после.

Следующие несколько дней Алекс почти не помнил. Он то проваливался в сон, то выныривал из него, пил горькие отвары, которые оставлял у постели Калиостр, и снова засыпал. Хозяин почти не разговаривал. Иногда Алекс слышал, как он ходит по комнате, перебирает бумаги, что-то тихо напевает под нос, мелодию без начала и конца.

Когда жар спал и Алекс смог сидеть, они впервые заговорили снова.

- Почему вы живёте один? - спросил он.

Калиостр, чинивший ремешок на сапоге, не поднял головы.

- Одиночество - это выбор. Толпа - это привычка. Люди часто путают одно с другим.

- У вас нет семьи?

- Семья - это те, о ком ты помнишь. Остальное - родственники. - Он затянул узел. - У меня есть те, о ком я помню. Их нет здесь.

Алекс замолчал. Он чувствовал, что каждое слово этого человека несёт в себе вес, который не сразу можно понять. Как камни, брошенные в воду: круги расходятся долго.

Прошёл месяц.

Раны зажили. Алекс окреп, и Калиостр начал выводить его в город. Сначала ненадолго, потом всё дольше. Они никогда не шли прямым путём. Всегда переулками, проходными дворами, через подвалы и чердаки.

- Зачем так сложно? - спросил однажды Алекс.

- Прямая - кратчайший путь, - ответил Калиостр. - Но не самый безопасный.

Он вообще говорил так - коротко, загадочно, словно за каждым ответом скрывался ещё один вопрос. Алекс иногда злился, иногда восхищался, но чаще - замолкал и думал. Именно этого, кажется, Калиостр и добивался.

Однажды вечером они сидели на крыше заброшенной мельницы. Внизу, в долине, горели огни Торнхилла. Ветер трепал волосы, пахло приближающейся осенью.

- Научите меня, - произнёс Алекс.

Калиостр не повернулся.

- Чему?

- Драться. Выживать. Думать.

- Думать - долго. Драться - больно. Выживать - страшно.

- Я готов.

Калиостр повернул голову. Долго смотрел на Алекса - тем самым взглядом, от которого становилось не по себе. Затем кивнул - один раз, скупно.

- Смотри, - сказал он. - Запоминай. Спрашивать будешь потом.

И начались тренировки.

С каждым днём они становились всё ближе друг к другу - насколько это вообще было возможно с таким человеком, как Калиостр. Он никогда не хвалил, но и не ругал. Он просто показывал - и отходил в сторону. Иногда, когда у Алекса что-то получалось, он коротко бросал: «Хорошо». И это «хорошо» стоило дороже любых похвал.

Однажды ночью, когда они сидели у костра за городом, Алекс решился спросить:

- Кто вы на самом деле? Я не про имя. Я про... кто вы?

Угли в костре треснули. Искры взвились в тёмное небо.

Калиостр долго молчал, глядя в огонь. Затем произнёс - тихо, но так, что каждое слово впечатывалось в память:

- Человек, который когда-то смотрел на мир так же, как ты сейчас. А потом научился видеть.

- И что вы «видите»?

- Тьму. И тех, кто её носит в себе.

Он поднялся, накинул плащ и добавил вполголоса:

- Сегодня ты сделал на один удар больше, чем вчера. Это важно. Война начинается не с труб - она начинается с перво-

го удара, который ты наносишь самому себе. Ложись спать. Завтра продолжим.

И ушёл в темноту, оставив Алекса одного у догорающего костра.

Глава 4

Год пролетел незаметно, словно один миг в бескрайнем океане времени. Алекс превратился в здорового, подтянутого молодого человека, его тело стало крепким и выносливым. Серый цвет кожи, который некогда выдавал его усталость и измождённость, уступил место загару, придающему ему вид уверенного и сильного человека. Он научился не только выживать, но и наслаждаться жизнью, полон энергии и стремления к новым знаниям.

Каждый день Алекс посвящал тренировкам, оттачивая свои физические навыки и укрепляя дух. Он понимал, что сила - это не только мускулы, но и умение контролировать себя в любых ситуациях. В выходные он погружался в изучение знаний, которые передавал ему Калиостр. Эти уроки были не просто теорией, они стали для него настоящей основой жизни. Мужчина делился с ним мудростью, опытом и стратегиями, которые помогали Алексу развиваться как личность.

Они никогда не задерживались на одном месте дольше месяца. Их жизнь напоминала бесконечное путешествие - переезды из одной деревни в другую, ночёвки под открытым небом или в укромных местах леса. Каждый новый город оставлял за спиной лишь воспоминания, а впереди открывались новые горизонты и возможности. Алекс постепенно

осознавал, что каждая остановка - это не просто место на карте, а уникальная история, полная людей, культуры и приключений.

С каждым новым местом он учился у местных жителей их традициям и обычаям. Он впитывал атмосферу каждого города, ощущая его ритм и жизнь. Эти встречи обогащали его внутренний мир и расширяли горизонты понимания. Калиостр всегда говорил о важности понимания окружающей среды и способности находить общий язык с разными людьми.

Из-за постоянного движения, Алекс чувствовал себя живым. Он понимал, что каждый день - это шанс стать лучше, чем он был вчера. С каждым новым уроком и каждой новой тренировкой он всё больше осознавал свою силу и потенциал. Путешествия с Калиостром стали для него не просто физическим испытанием, но и настоящим духовным ростом.

Однажды, когда они остановились в маленькой деревне у подножия гор, Калиостр решил, что пришло время научить Алекса чему-то новому. Они нашли укромное место в лесу, где Калиостр начал объяснять основы самозащиты и тактики боя с мечами.

- Слушай, - сказал он, - хоть я это и говорил, но повторюсь, настоящая сила не только в физической мощи, но и в умении предугадывать действия противника. Ты должен быть на шаг впереди. Важно не только уметь драться, но и знать, когда лучше отступить. Иногда именно это может спасти жизнь.

Парень внимательно слушал, впитывая каждое слово. Они начали тренировку, и вскоре Алекс почувствовал, как его тело движется с лёгкостью и уверенностью. Он стал лучше понимать свои рефлексy и научился использовать окружающие предметы в своих интересах. Вечером, сидя у костра, они обсуждали свои планы на будущее. Калиостр говорил о том, что мир полон опасностей, но также и возможностей заработать и славу, и состояние.

Вскоре они покинули деревню и направились в крупный город. Там Алекс впервые столкнулся с настоящими трудностями. В городе царилa напряжённая атмосфера - люди были насторожены и подозрительны. Они быстро поняли, что здесь действуют свои законы.

Однажды вечером, прогуливаясь по улицам, Алекс заметил группу молодых людей, которые выглядели угрожающе. Он почувствовал, как адреналин зашкаливал, но вспомнил слова Калиостра о контроле над эмоциями. Вместо того чтобы испугаться, он просто обошёл их стороной, стараясь не привлекать внимания.

Калиостр наблюдал за ним издалека и одобрительно кивнул. Это был ещё один шаг к тому, чтобы стать сильным и мудрым человеком.

В один из дней они стали свидетелями конфликта между двумя группами местных жителей. Ссора быстро переросла в драку. Алекс хотел вмешаться, но Калиостр остановил его.

- Не твое дело, - тихо произнес он. - Мы не знаем, кто

прав, а кто виноват. Лучше держись подальше.

Алекс послушался наставника и отошёл в тень. Он наблюдал за происходящим и понял, что иногда лучше оставаться в стороне - это также часть силы. Наконец, когда конфликт утих, они решили покинуть город. По пути Калиостр снова заговорил о важности самоконтроля и осознанности.

- Ты видишь? Жизнь полна неопределённостей. Ты должен быть готов ко всему - как физически, так и эмоционально. И помни, что сила без цели - это лишь пустота, а истинная сила приходит не только из тела, но и из сердца. Важно знать, зачем ты это делаешь. Каждый из нас должен найти своё предназначение и свою цель в жизни.

Алекс кивнул. Он чувствовал себя более уверенным в своих силах и понимал, что впереди его ждёт ещё много испытаний. Но теперь он знал: у него есть не только физическая сила, но и мудрость - качество, которое не менее важно для выживания в этом мире.

Невозможно, чтобы жизнь всегда была безоблачной и спокойной. Однажды утром, когда все люди проснулись и отправились на работу, по улицам побежали мальчишки и стали кричать, что началась война и королевство объявляет набор в свою армию. Алекс и Калиостр, находившиеся у себя в комнате, услышали шум и поспешили на площадь. Толпа людей собралась вокруг мальчишек, которые с горящими глазами рассказывали о том, что враг вторгся на границы королевства. Наступала паника, и в воздухе витал страх.

- Учитель, что нам делать?

- Мы идем в столицу, Лунный город, - ответил Алексу мужчина с мрачным взглядом. Его голос звучал так, будто он уже видел все ужасы войны.

Алекс почувствовал, как его сердце забилось быстрее.

- Но почему именно в Лунный город? Мы не знаем, что происходит. Может быть, нам стоит остаться здесь и подготовиться к защите?

- Со временем ты сам поймешь. Мы отправимся сегодня же, - сказал Калиостр. - Нам нужно подготовиться к долгому пути. Каждый из нас должен взять с собой всё необходимое: еду, воду и теплую одежду.

Как только они закончили сборы, группа вышла из деревни. Путь в Лунный город лежал через леса и горы, и каждый шаг приближал их к неизведанному. По дороге они встречали людей, и когда она останавливались на отдых, те делились своими историями: кто-то потерял близких в недавних стычках, кто-то был полон надежд на лучшее будущее. Алекс слушал их внимательно, понимая, что за каждым словом стоит личная трагедия и желание защитить своих родных.

За разговорами они не заметили, как пролетел месяц, и вот уже перед ними возникли долгожданные стены столицы. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в яркие оттенки оранжевого и пурпурного. Огромные стены Лунного города, выстроенные из древнего камня, возвышались перед ними, словно защитники. Алекс почувствовал, как серд-

це забилося быстрее от волнения.

- Мы на месте, - прошептал он.

Глава 5 «Потеря»

Из-за военного времени количество стражи на стенах и у ворот увеличилось. Каждый день новые патрули выходили на охрану, а старые стражники, уставшие от постоянной бдительности, сменялись свежими силами. Алекс заметил, что атмосфера более напряженная, чем в деревнях, что посещали на пути в столицу. Люди, что стояли в очереди к воротам, шептались о слухах о приближающемся враге, и страх медленно заползал в их сердца.

- До границы далеко, недели две на хорошем коне, переживать не стоит, - сказал стражник на воротах, заменив обеспокоенный взгляд парня. - Да и не пройдут они дальше границы, не пустят их наши.

Но Алекс не мог успокоиться. В его голове крутились мысли о том, что даже самые надежные укрепления могут быть разрушены, если враг решит атаковать неожиданно.

В тот вечер он решил посетить трактир, чтобы немного отвлечься от тревожных мыслей. Трактир был полон местных жителей и странников, которые искали утешение в пиве и разговорах. Алекс сел за столик в углу и заказал кружку эля.

- Ты слышал о слухах? - спросил его сосед по столу, старый рыбак с морщинистым лицом. - Говорят, что враг собирает силы на востоке.

- Да, слышал, - ответил Алекс, стараясь не выдать своего беспокойства. - Но разве это не просто сплетни?

- Сплетни? - усмехнулся рыбак. - Война никогда не бывает сплетнями. Она приходит неожиданно и уносит всё на своем пути. Лучше готовься к худшему.

- Ты прав, - сказал Алекс, потянувшись к кружке. - Но что мы можем сделать? Мы всего лишь простые люди.

- Простые люди? - перебил его рыбак, наклонившись ближе. - Мы не просто люди, мы защитники своих домов. Каждый из нас может сыграть свою роль. Если враг действительно собирается атаковать, нам нужно быть готовыми.

В этот момент трактир наполнился смехом и разговорами, но Алекс чувствовал, что за этой атмосферой скрывается нечто более серьезное. Он поднял кружку и произнес:

- За нашу безопасность и единство!

- За это! - отозвались вокруг.

После этого разговора Алекс вышел на улицу. Ночь была тихой, но что-то тревожило сердце молодого человека.

Алекс проснулся поздно. Солнце уже всюду светило в окно, и в комнате было душно. Голова гудела после вчерашнего эля, а во рту стоял мерзкий привкус. Он с трудом сел на кровати, растирая виски.

На столе, прямо посреди грязной тарелки и пустой кружки, лежало письмо.

Сердце ёкнуло. Алекс встал, поморщившись от боли в висках, и взял сложенный лист. Алекс узнал бы этот почерк

из тысячи: буквы острые, как клинки, но с неожиданно мягкими завитками.

«Алекс,

Если ты это читаешь, значит, я уже ушёл. Не ищи меня. Я отправляюсь туда, куда давно собирался. Один мой старый должок требует уплаты.

Я оставил тебе сундук. Там книги, заметки и одна вещь, которую береги пуще глаза. Не продавай её и не показывай никому без нужды. Придёт время - поймёшь.

В этом мире всё решает статус твоей семьи. Это закон. Так говорят все. Но законы, Алекс, пишут люди. А люди смертны. Как и законы. Помни об этом, когда станет трудно

Ты многому научился за этот год. Но главные уроки ещё впереди. Не бойся их. Бойся только одного - бездействия.

Если встретишь людей с тату - уходи сразу. Не геройствуй. А пока - живи.

Калиостр»

Алекс перечитал письмо трижды. Затем аккуратно сложил и сунул за пазуху. В груди было пусто - ни злости, ни обиды. Только тихая, ноющая пустота, как после вырванного зуба. Калиостр ушёл. Оставил его одного в чужом городе, где они и так почти никого не знали.

«Сам виноват, - подумал Алекс. - Нечего было привыкать».

Он подошёл к сундуку, что стоял в углу. Тот был не за-

перт. Внутри лежали несколько книг в потёртых переплётах, стопка свитков, пара запасных ножей и маленькое медное кольцо. Алекс взял его, повертел в пальцах. На внутренней стороне виднелась едва заметная руна, то ли компас, то ли колесо с восемью спицами, каждая из которых заканчивалась крошечным символом. Он надел кольцо на палец - оно село как влитое.

Следующие несколько часов он просто сидел, листая книги. В голове было пусто. Мысли возвращались к одному: «Что теперь?»

Ближе к вечеру Алекс решил выйти. В комнате было слишком тихо, а тишина сейчас давила.

Город встретил его привычным шумом, но что-то в этом шуме изменилось. Люди на улицах говорили громче обычного. У лавок собирались кучки - не покупатели, а просто зеваки, обсуждавшие новости. Алекс невольно замедлил шаг.

- Слышал? Говорят, на перевале уже бои идут.
- Да брось, какой перевал? До него недели две скакать...
- А мне сосед сказал, его брат служит у графа, так тот говорит - ещё месяц, и Эльдория пойдёт всерьёз.

Алекс прошёл мимо, не останавливаясь. Слухи. Война всегда начинается со слухов. Калиостр учил его отличать правду от вымысла, но сейчас, без наставника, он чувствовал себя потерянным.

На главной площади былолюдно, но не так, как обычно. Не было глашатаев, не было призывных пунктов. Просто лю-

ди стояли группами, переговаривались, качали головами. В воздухе висело ожидание - душное, как перед грозой.

Алекс уже собирался уйти, когда чей-то голос окликнул его:

- Эй, парень! Ты что, не местный?

Он обернулся. Перед ним стоял высокий юноша примерно его возраста, одетый щеголевато: кожаный камзол, высокие ботинки, чёрные штаны. На поясе - ничего похожего на оружие, зато на пальце блестел перстень с сапфиром. Улыбался он широко, как старый знакомый.

- Допустим, не местный, - осторожно ответил Алекс.

- Я так и понял. У тебя лицо такое... задумчивое. Местные с такими лицами не ходят. У них лица либо скучные, либо хитрые. - Юноша подошёл ближе и протянул руку. - Лиам, просто Лиам, без титулов и прочей ерунды.

Алекс пожал руку. Ладонь у Лиамы была мягкая, явно не привыкшая к работе.

- Алекс.

- Ну вот и познакомились. Ты давно в Лунном

-Неделю.

- А я здесь родился. Поверь, это сомнительное удовольствие. Сбежал из дому даже.

- От чего сбежал? От женщины? — улыбнулся Алекс.

- От отца, — Лиам на мгновение стал серьёзным, и в его глазах мелькнуло что-то, чего Алекс не понял. — Он хочет, чтобы я стал... кем-то, кем быть не желаю. Он мне все уши

прожужжал про долг и ответственность.

- И что, он богат? Лиам улыбнулся — странной, кривой улыбкой.

- Можно сказать и так. Очень богат. И очень влиятелен. Но я не хочу его денег. Я хочу свободы.

Они медленно пошли вдоль площади. Лиам болтал без умолку, перескакивая с темы на тему: то жаловался на отца, который «не даёт жить как хочется», то расхваливал местную кухню, то вдруг начинал разглядывать проходящих девушек и комментировать это шёпотом.

- Слушай, а ты чего такой молчаливый? - спросил он наконец. - Что-то случилось?

Алекс пожал плечами.

- Друг ушёл. Сегодня утром. Даже не попрощался.

Лиам присвистнул.

- Паршиво. Друг - это не просто знакомый. Это... ну, ты понимаешь. Но ничего, в этом городе скучать не дадут. У нас компания собирается вечером в «Кривой таверне». Пойдешь?

- Пойду, - неожиданно для самого себя согласился Алекс.

Таверна была полна. Пахло жареным мясом, дымом и дешёвым вином. В дальнем углу уже сидели несколько человек - те самые, о которых говорил Лиам. Пятеро парней примерно одного возраста и две девушки, сидевшие чуть в стороне.

- Народ, это Алекс, - объявил Лиам, плюхнувшись на скамью. - Он новенький. Не обижайте.

Парни зашумели, задвигались, освобождая место. Один из них, круглолицый здоровяк с рыжими волосами, хлопнул Алекса по плечу:

- Садись, выпьем. Ты откуда?

- Из Торнилла.

- Далеко. Слышь, а у вас там слухи какие?

- Такие же, как здесь, - ответил Алекс. - Война на носу.

- Вот и мы о том же, - подхватил другой, худой и чернявый. - Только никто ничего толком не знает. Король пока молчит, набор не объявляют, но народ уже шепчется. Брат мой говорит - если что, пойдёт добровольцем.

- А ты? - спросил Алекс.

Худой пожал плечами.

- Да я бы тоже... только вот жена грозитя, что если я пойду на войну, она сама меня прибуёт. Говорит, зачем отпускать мужа на верную смерть, если можно убить его дома и не мучиться.

Рыжий прыснул в кружку.

- Это правильно. У моей тётки был муж, так он на медведя с рогатиной ходил. Медведь его не тронул - оценил храбрость. А вот тётка, когда узнала, так отходила скалкой, что он до сих пор в лес без спросу не ходит.

- Да ну вас, — отмахнулся худой.

Рыжий улыбнулся и пододвинул к Алексу кружку. - Давай ещё по одной.

Разговор перекинулся на другие темы. Говорили о ценах

на зерно, о новом трактирщике, который разбавляет вино, о том, что в порту видели подозрительные корабли.

Девушки сначала молчали, но потом тоже втянулись. Одна из них, темноволосая, жалобно вздохнула:

- Вот вы всё о войне да о войне. А жить когда? Может, и не будет никакой войны, а вы уже друг друга хороните.

- Не хороним, а готовимся, - возразил рыжий. - Это разумно.

- Разумно - это не паниковать раньше времени, - отрезала девушка.

- А по-моему, - встрял Лиам с лукавой улыбкой, - самое разумное - найти хорошего лекаря. Если война, то пусть он тебя штопает, а если мир - пусть лечит от последствий весёлой жизни. И в обоих случаях ты в выигрыше.

- Ты, Лиам, даже войну к бабам сведёшь, - фыркнула темноволосая.

- А что, война - не повод познакомиться? Представь: битва, кровь, дым, и тут является прекрасная дева с бинтами...

- И даёт тебе по голове за то, что ты геройствовал без толку, - закончила за него вторая девушка, светловолосая.

- И это тоже! - ничуть не смутился Лиам. - Главное - внимание.

Все снова рассмеялись.

- Ты бы хоть раз для приличия покраснел, - покачала головой темноволосая.

- Не могу, - развёл руками Лиам. - Я пробовал. Лицо крас-

неет, а совесть нет. Говорят, это неизлечимо.

- Это точно, - подтвердил рыжий, поднимая кружку.

- Я его знаю с детства. Однажды он умудрился назначить свидание трём девушкам в один вечер и в одной таверне. Еле ноги унёс.

Лиам расхохотался.

- Это был не рекорд. Однажды я пригласил на танец дочь герцога, не зная, кто она. Её отец хотел меня высечь. Но не смог.

- Почему? — спросил кто-то. Лиам вдруг осёкся, словно сказал лишнее.

- Потому что я быстро бегаю, — небрежно бросил он.

- А я думал, ты герой, - усмехнулся Алекс.

- Герой не тот, кто побеждает, а тот, кто вовремя убегает!

- под общий хохот объявил Лиам и поднял кружку. - За нас! За тех, кто ещё жив и пока не женат.

- Вот с этого и надо было начинать, - кивнул Алекс, чокаясь с ним.

Компания загудела, задвигала кружками. Вечер покатился дальше - шумно, беззаботно, словно никакой войны и не было. Алекс пил эль, слушал болтовню, иногда вставлял слово. Ему было странно легко, впервые за долгое время.

Когда он возвращался домой по пустым улочкам, в голове шумело. Но мысли были ясные.

«Жить. Пока просто жить».

Он сжал в кулаке кольцо, ощутил холод металла. Где-то

там, в далёких горах, может быть, уже гремят мечи. Но здесь, в Лунном городе, у него появились первые знакомые, первый глоток новой жизни. И даже смех - простой, трактирный, бездумный - звучал сейчас как обещание, что не всё ещё потеряно.

А завтра будет новый день. И он встретит его так, как учил Калиостр: без суеты, но с готовностью ко всему.

Глава 6 "Испытания"

Утро встретило Алекса не звоном колоколов и не криками глашатаев, а тупой болью в висках и сухостью во рту, напоминавшей о вчерашнем вечере в «Кривой таверне». Он сел на кровати, сжимая голову руками, и несколько минут просто слушал, как за окном просыпается город. Мысли о Калиостре никуда не делись - они сидели глубоко, словно заноза, которую не вытащить. Но поверх них уже нарастало новое: любопытство. Любопытство и предвкушение.

Сегодня был день вступительного экзамена.

Они с Лиамом договорились вчера, уже под конец попойки, когда рыжий ушёл домой, а чернявый задремал прямо за столом. Лиам тогда икнул, хлопнул Алекса по плечу и заявил: «Мы с тобой, друг, обязательно пойдём. Покажем этим солдафонам, на что способны настоящие парни». Алекс в ответ только кивнул, но внутри что-то шевельнулось - может быть, азарт, может быть, то самое желание жить, о котором говорил Калиостр в своём письме.

Он умылся ледяной водой, плеснув её из кувшина, и взглянул на своё отражение в мутном зеркале. За последний год он изменился. Раздался в плечах, стал выше, а во взгляде появилось что-то новое - не дерзость, но спокойная уверенность, которая приходит только после сотен часов тренировок и десятков падений. Он коснулся пальцем медного коль-

ца на левой руке. Руна на внутренней стороне холодила кожу. «Береги его», - написал Калиостр. Алекс никому не показывал кольцо и сам ещё не знал, что оно означает. Но оно было с ним, и от этого становилось чуть легче.

Площадь перед городским плацем бурлила. Солнце ещё не успело подняться высоко, но уже припекало вовсю, обещающая жаркий день. Со всех улиц стекались люди, в основном молодые парни от шестнадцати и старше, но попадались и мужчины средних лет, чьи лица были обветрены и серьёзны. Кто-то пришёл с отцами и братьями, кто-то, как Алекс, один. Толпа гудела сотнями голосов, словно улей, потревоженный палкой.

Алекс нашёл Лиама почти сразу. Тот стоял в тени старого дуба, прислонившись спиной к стволу, и лениво перебрался шутками с каким-то незнакомым юношей. Завидев Алекса, он расплылся в улыбке:

- А, вот и наш молчаливый герой! Я уж думал, ты после вчерашнего решил, что война - это не твоё, и остался досыпать.

- Я бы остался, - признался Алекс. - Но задолжал тебе кружку.

- И то верно! — расхохотался Лиам. - Долги надо возвращать. Даже такие. Ладно, идём, а то эти бюрократы в мантиях, - он кивнул в сторону столов регистрации, - сейчас начнут без нас.

У столов уже выстроились очереди - по четыре в каждой

из четырёх секций, на которые поделили площадь. Алекс и Лиам пристроились в ближайшую. Ждать пришлось долго. Солнце поднималось всё выше, тени укорачивались, и в воздухе запахло пылью и разогретым камнем. Кто-то в очереди нервно переминался с ноги на ногу, кто-то грыз ногти, а один парень, стоявший прямо перед Алексом, тихо повторял про себя строчки из устава - видимо, заучил наизусть. Лиам же не терял времени даром: он успел перекинуться парой фраз с девушками в соседней очереди и вернуться на место с видом победителя.

- Ты вообще волнуешься? - спросил его Алекс.

- Я? - Лиам картинно прижал руку к груди. - Волнуются только те, у кого совесть нечиста или живот слаб. У меня ни того, ни другого. К тому же, если провалимся, всегда можно сказать, что мы героически уступили более достойным. Или что нас сглазили. Злые языки, знаешь ли.

- Или что вечером перепили, - добавил Алекс.

- Вот! Тоже вариант. Но я предпочитаю версию со сглазом.

Она загадочнее.

Наконец подошла их очередь. За длинным деревянным столом сидели четверо: двое в мантиях, с пергаментами и чернильницами, и двое в облегчённых доспехах, при мечях. Один из учёных, сухой старик с козлиной бородкой, поднял на Алекса раздражённый взгляд:

- Имя?

- Алекс Бальсамо.

- Возраст?

- Семнадцать.

- Грамоте и счёту обучен?

- Да.

Второй писец, тот, что помоложе, устало заносил ответы в огромный свиток. Крайний военный - высокий, с седыми висками и шрамом через левую бровь - вдруг оживился:

— Бальсамо? Не родственник тому самому? - он осёкся, присмотрелся и махнул рукой. - Впрочем, неважно. Ладно, парень, вот тебе вопрос: что важнее в бою - сила или скорость?

Алекс задумался лишь на мгновение. Калиостр любил задавать такие вопросы - без правильного ответа, чтобы проверить, как человек мыслит.

- Ни то, ни другое, - ответил он. - Важнее - момент. Сила без своевременности - пустой удар. Скорость без точности - суета. А момент - это когда ты понимаешь, что враг сейчас моргнёт или сделает вдох. И бьёшь.

Военный со шрамом ничего не сказал, только хмыкнул и обменялся взглядом со своим коллегой. Тот едва заметно кивнул.

- Хорошо, - произнёс старик-писец. - Ты направлен в группу младшего офицерского состава. Следующий!

Лиам, услышав это, оживился и шагнул к столу, словно на сцену. Его опрос прошёл быстрее и с бóльшим количеством улыбок. Он умудрился отпустить шутку даже в ответ

на вопрос о навыках боя, заявив, что его главное оружие - обаяние, а меч - так, на случай, если обаяние не сработает. Военный со шрамом не улыбнулся, но отправил его в ту же группу, что и Алекса.

- Видишь? - шепнул Лиам, отходя. - Они оценили мою честность.

- Они оценили, что ты быстрее отстанешь, если тебя куда-нибудь отправить с глаз долой, - так же тихо ответил Алекс.

- И это тоже! Но я предпочитаю думать, что разглядели потенциал.

Испытания начинались.

Первым этапом был бег. Всю группу - около тридцати человек - выстроили в шеренгу на краю плаца. Перед ними растянулась дорожка, размеченная флажками. Каждому выдали по два кожаных мешочка с песком - их нужно было закрепить на лодыжках. Помощник капитана, суровый Соул, коротко объяснил задачу: пять кругов, кто сойдёт с дистанции или финиширует последним - выбывает.

- Проклятие, что ж так жарко... - пробормотал рыжий парень, что стоял неподалёку, утирая лоб.

Солнце палило нещадно. Воздух над плацем дрожал, как кисель. Где-то вдалеке кричали чайки, но здесь, на открытом пространстве, все звуки тонули в топоте ног и тяжёлом дыхании.

Сигнал прозвучал - резкий удар по железному обручу, ви-

сящему на столбе. Толпа рванула вперёд, и первые метры Алекс просто старался не упасть в давке. Кто-то сразу вырвался вперёд, рассчитывая взять темпом; кто-то, наоборот, шёл медленно, экономя силы. Алекс выбрал среднюю тактику - не рваться, но и не отставать. Калиостр однажды сказал: «Бег - это как дыхание. Ровно, без рывков. Кто дышит - тот бежит. Кто задыхается - тот умирает». Сейчас эти слова звучали в голове как заклинание.

Первый круг дался легко. На втором начали отсеиваться слабейшие - кто-то схватился за бок, кто-то перешёл на шаг, а один парень и вовсе сел прямо на землю, махнув рукой. На третьем круге утяжелители на лодыжках налились свинцом, мышцы ног загудели. Алекс дышал размеренно, глядя прямо перед собой на спину бегущего впереди. Лиам держался рядом - он не лез в лидеры, но и не отставал, двигаясь с какой-то кошачьей грацией.

На четвёртом круге их осталось около половины. Алекс обогнал нескольких, кто не рассчитал сил и теперь хватал ртом воздух. Впереди маячили две спины - один коренастый парень в серой рубаше и высокий, жилистый, с татуировкой на предплечье. Алекс перешёл на более частый шаг, сокращая разрыв. Утяжелители казались гирями, но боль стала привычной, фоновой.

На пятом, последнем круге, он ускорился. Коренастый, услышав шаги за спиной, тоже нагнал, но его дыхание уже сбилось. За двадцать шагов до финиша Алекс обошёл его

и ворвался в лидеры. Первым пересёк черту жилистый с тауировкой, вторым - Алекс, третьим - Лиам, умудрившийся обогнать коренастого на последних метрах с видом человека, который только что не спеша прогулялся.

- Ты... чего... такой... свежий? - выдохнул Алекс, пытаясь отдышаться.

- Секрет, - Лиам подмигнул. - Надо просто думать о чём-то приятном. Я, например, представлял, как буду рассказывать девушкам о своей победе. Это окрыляет.

- У тебя всё к девушкам сводится.

- А к чему ещё сводить? Они - главный двигатель прогресса. Любая война, если копнуть, либо из-за женщины, либо из-за денег. А деньги тоже нужны, чтобы произвести впечатление на женщин. Так что круг замкнулся.

Алекс только покачал головой, но спорить не стал.

Второй этап - физические упражнения - проходил тут же, на плацу. Расставили гири разного веса, перекладины, брусья. Участникам предстояло показать общую физическую подготовку: жим, приседания, подтягивания. Задания казались простыми, но после изнурительного бега на жаре даже поднять гирю вдвое легче себя самого было испытанием.

Алекс подошёл к снарядам с холодной сосредоточенностью. Он не боялся тяжестей - Калиостр заставлял его таскать камни в лесу, взбираться на скалы, висеть на ветках. Тело давно привыкло к нагрузкам. Он взял гирю в два пуда, выжал над головой - раз, два, пять, десять. Затем приседания

с весом. Пот насквозь пропитал одежду, волосы прилипли ко лбу, но он почти не замечал этого. Вокруг него пыхтели и кряхтели другие участники, кто-то ронял гири, кто-то хватался за поясницу.

Один из наблюдателей, военный с седыми висками, записывал что-то в свиток, поглядывая то на Алекса, то на Лиама. Тот, впрочем, тоже не отставал: подтягивался легко, словно играючи, а поднимая гирю, умудрялся болтать с соседом по снаряду.

- Ты бы помолчал, силы поберег, - посоветовал ему кто-то.
- А зачем? Ф удивился Лиам. - Слова не тяжелее воздуха. Это гиря тяжёлая. Я лучше поболтаю, глядишь - и гиря от смеха полегчает.

К концу второго этапа Алекс чувствовал себя выжатым, но довольным. Он справился лучше большинства.

И наконец наступил третий этап - бой с оружием. Тот самый момент, которого он ждал и которого опасался. Спарринг должен был проходить не с такими же новобранцами, а с действующими офицерами. Имена противников называли наугад. Алексу выпал высокий воин с длинными чёрными волосами, собранными в хвост, и спокойным, почти скупающим взглядом. Он держал тренировочный меч - затупленный, но всё равно увесистый - так, словно тот был продолжением его руки.

- Бой до трёх касаний, - объявил судья. - Удары в голову запрещены. Кто первым нанесёт три чистых касания - по-

беждает.

Противники встали друг напротив друга. Вокруг собрались зрители - те, кто уже прошёл испытание или ещё ждал своей очереди. Лиам стоял в первом ряду и что-то выкрикивал, но Алекс его не слышал. Мир сузился до фигуры напротив.

Офицер двигался плавно, без суеты. Первый выпад он нанёс почти лениво - пробный, проверочный. Алекс легко ушёл в сторону и попытался контратаковать, метя в корпус, но оппонент отбил удар играючи.

- Неплохая скорость, - негромко произнёс он. - Но ты слишком предсказуем.

Они сошлись снова. На этот раз офицер атаковал всерьёз: резкий косой удар сверху, тут же перевод в горизонтальный, и, не давая опомниться, колющий выпад. Алекс парировал два первых, но третий пропустил - меч скользнул по его рёбрам, и судья выкрикнул: «Касание!»

Алекс отступил, перехватывая поудобнее рукоять. Сердце колотилось, но не от страха - от злости на самого себя. «Не спеши, - услышал он в голове голос Калиостра. - Бой - это не драка. В драке побеждает ярость, в бою - холодная голова».

Следующие минуты слились в один сплошной звон стали. Алекс изменил тактику: он больше не рвался вперёд, не пытался удивить. Он кружил, выжидал, заставлял противника двигаться активнее. Тот был опытнее, но и старше - его дыхание постепенно учащалось. Алексу удалось нанести от-

ветное касание: он подстерёг момент, когда противник после широкого замаха на долю секунды открылся, и ткнул мечом в бедро.

- Один-один, - объявил судья.

Лиам присвистнул. Зрители зашептались.

Офицер впервые взглянул на Алекса с интересом. Он перестал улыбаться, и в его глазах появилось что-то похожее на уважение.

- Учил кто? - спросил он тихо, так, чтобы слышал только Алекс.

- Да.

- Хорошо учил.

Финальный обмен ударами вышел коротким. Офицер обрушил на Алекса серию из пяти ударов - быстрых, следующих один за другим без паузы. Алекс понял, что если попытается заблокировать их все, то неминуемо ошибётся. И он сделал единственное, что пришло в голову: вместо отступления шагнул вперёд, сокращая дистанцию. Меч офицера, рассчитанный на дальний замах, прошёл у него над плечом, лишь слегка задев ткань рубахи. А Алекс оказавшись вплотную, дважды коснулся лезвием корпуса противника - раз в живот, второй в бок.

Судья на мгновение замер, а потом выкрикнул:

- Два-один! Победа за испытуемым!

Офицер опустил меч. Тяжело дышал, но смотрел на Алекса без злобы.

- Хорошо, - повторил он. - Добро пожаловать в ряды армии. У тебя отличный потенциал.

- Благодарю, - ответил Алекс, чувствуя, как внутри разливается тепло. Не гордость - скорее, удовлетворение. Словно он наконец доказал самому себе, что год странствий и боли не прошёл даром.

Лиам хлопнул его по спине:

- Я же говорил! Потенциал! Они все это видят. Ты, кстати, видел, как я своего уложил? С одного удара! Ну ладно, с двух. Но какие это были удары!

Алекс усмехнулся.

- Видел. Особенно тот момент, когда ты споткнулся о собственную ногу.

- Это был тактический манёвр! Я специально споткнулся, чтобы он расслабился. И сразу - удар!

- Ну конечно.

Их обоих, вместе с ещё примерно двадцатью такими же счастливыми, построили в шеренгу в конце дня. Солнце уже клонилось к закату, длинные тени ложились на плац. Перед строем стояли пятеро офицеров. Шагом вперёд вышел капитан - высокий, в доспехах без гербов, но с явным командирским шиком. Его голос разнёсся над плацем, и все разговоры мгновенно стихли:

- Не радуйтесь, что прошли отбор, - начал он без предисловий. - Вы ещё никто. Ваши имена забудут через день, если вы не докажете, что чего-то стоите. Но тем, кто докажет,

- он обвёл взглядом строй, - тем откроется дорога. Вас ждёт лагерь на окраине города. Завтра на рассвете сбор у часовни. Опоздавших не ждём.

Он развернулся и зашагал прочь. Офицеры последовали за ним, оставив новобранцев переглядываться.

- На рассвете... — простонал кто-то рядом.

- А я думал, что у офицеров будет проще, - вздохнул парень, что бежал с ними марафон.

- Проще только дома сидеть, - ответил ему Лиам. - Но дома скучно. Так что завтра увидимся.

Он обернулся к Алексу, протянул руку:

- Ну что, коллега, идём собираться? Или сначала - по кружечке за победу?

- Завтра на рассвете, помнишь? - напомнил Алекс.

- Вот именно! Чтобы встать на рассвете, надо сегодня лечь спать довольным. А довольным я бываю только после кружечки. - Он подмигнул. - Идём, не спорь. Последний спокойный вечер. Кто знает, что там дальше будет.

Алекс не стал спорить. Они вышли с плаца вдвоём, в спину им дул тёплый вечерний ветер, а впереди, над крышами Лунного града, загорались первые, ещё робкие звёзды. Где-то там, в горах, уже гремели мечи, но сегодня об этом не хотелось думать. Сегодня они победили. Завтра начнётся новый день - и новая жизнь.

Глава 7

Солнце уже село за крыши Лунного града, когда новобранцы вышли с плаца. Небо на западе еще горело оранжевыми и фиолетовыми полосами, но на востоке уже сгустилась тьма - глубокая, бархатная, какая бывает только ясными осенними ночами. В домах зажигались первые огни, и город постепенно переходил на вечернюю, приглушенную жизнь: меньше криков, меньше телег, больше теней в переулках.

Алекс и Лиам шли по мостовой медленно, не сговариваясь. Оба чувствовали усталость - ту особую, приятную усталость, какая бывает после долгого дня тяжелой работы, когда тело гудит, а на душе светло. Лиам первым нарушил молчание:

— Знаешь, о чем я сейчас мечтаю?

— О кружке эля? — предположил Алекс.

— О двух. Нет, о трех. — Лиам мечтательно закатил глаза. — И о горячей еде. И чтобы рядом сидела какая-нибудь милая девушка, которая будет смотреть на меня с восхищением и спрашивать, как прошел мой героический день.

— И что ты ей ответишь?

— Правду. Что я победил в честном бою, сразил противника одним ударом, а потом скромно принял поздравления.

— А про то, как ты споткнулся и чуть не выронил меч, расскажешь?

— Это была тактическая пауза. Я же объяснял.

Они свернули к «Кривой таверне» - той самой, где вчера сидели шумной компанией. Но сегодня все было иначе. Во-первых, народу в таверне оказалось куда меньше: многие за-всегдагаи, видимо, решили провести вечер дома, с семьей, пока еще есть такая возможность. Во-вторых, воздух в зале был пропитан не столько пивным духом, сколько тревогой. Люди говорили вполголоса, словно боялись спугнуть что-то невидимое.

Они заняли столик у окна. Лиам заказал эля и жареного мяса, Алекс - только кружку и хлеб. Когда трактирщик, немолодой грузный мужчина с наколотым на предплечье щитом, принес заказ, Лиам не удержался:

— Скажи честно, хозяин, ты на войну собираешься?

Трактирщик хмыкнул, вытирая руки о фартук.

— Я свое отслужил, парень. Еще при старом короле. - Он понизил голос: - Но если эльдорийцы попрут - возьму алебарду. Она у меня с тех времен в подвале пылится.

— А что, у тебя и алебарда есть? — оживился Лиам.

— И алебарда, и арбалет, и доспех, который я уже лет двадцать как не надевал. Боюсь только, что он на меня теперь не налезет. — Трактирщик похлопал себя по внушительно-му животу и ушел к стойке.

Алекс улыбнулся, но улыбка вышла невеселая. Он смотрел в свою кружку и думал о том, что завтрашний день изменит все. Сегодня они с Лиамом еще могли сидеть в таверне,

шутить и пить эль. А завтра они станут солдатами. Не просто новобранцами - теми, кто дал клятву.

— Алекс, ты чего загрустил? - Лиам тронул его за плечо.

— Мы же прошли! Это же повод радоваться.

— Я радуюсь, - ответил Алекс не слишком убедительно.

— Просто думаю.

— О чем?

— О учителе, о том, что он ушел, не попрощавшись. О том, зачем я вообще здесь. - Алекс помолчал. - Он учил меня выживать, а не воевать. А теперь я иду в армию. Как будто все его уроки - просто подготовка к этому шагу.

— Может, так оно и есть. - Лиам впервые за вечер стал серьезным. - Может, он знал, что война грядет, и готовил тебя к ней. Сам говорил: он много знал.

Алекс кивнул. Эта мысль уже приходила ему в голову. Калиостр никогда ничего не делал просто так. Его уроки, его тренировки, его странные философские изречения - все они, возможно, вели к одной цели. Сделать из Алекса того, кто сможет выжить в том, что грядет.

— Я хочу быть готовым, - тихо сказал Алекс. — Не просто пройти испытания и попасть в армию. Я хочу быть таким, на кого можно положиться.

— Тогда завтра и начнем. — Лиам поднял кружку. — Давай, за нас. За тех, кто еще жив и пока не получил от капитана первый нагоняй.

Алекс чокнулся с ним, и они выпили.

Ночь прошла быстро. Алекс почти не спал - ворочался на жестком топчане, смотрел в потолок, прислушивался к звукам города за окном. Мысли кружились, как осенние листья: Калиостр, кольцо, Башня, знак треугольника с глазом, Лиам, капитан... Где-то под утро он все-таки провалился в короткий, беспокойный сон, из которого его вырвал стук в дверь.

— Алекс! Вставай! Проспишь все на свете!

Это был Лиам, уже полностью одетый, свежий, словно и не пил вчера эль. Он ворвался в комнату, распахнул окно, выпуская холодный утренний воздух, и плюхнулся на стул.

— Рассвет через полчаса. У часовни уже народ собирается. Я видел, как эти, из вчерашних, шли, сонные, злые, но идут. И нам пора.

Алекс быстро умылся, натянул чистую рубаху, затянул пояс. Кольцо Калиостра по-прежнему было на пальце, он машинально коснулся его, словно прося совета. Руна едва заметно светилась в полумраке. Или это просто блик от свечи? Алекс не стал гадать.

Они вышли на улицу. Город только просыпался. Утренний туман стлался по мостовым, скрадывая очертания домов. Где-то лаяла собака, где-то скрипела телега. Воздух был по-осеннему холодный и ясный, пахло дымом и мокрым камнем.

У часовни уже стояли люди. Алекс узнал рыжего здоровяка из вчерашней компании, его звали, кажется, Томас, и еще нескольких парней, с которыми бежал на плацу. Все были

притихшие, заспанные, но в глазах у каждого читалось одно и то же: ожидание. Никто не знал, что будет дальше, но все понимали - обратной дороги нет.

Капитан появился ровно тогда, когда первый луч солнца упал на шпиль часовни. Он был в том же тяжелом доспехе, что и вчера, и двигался все так же уверенно, с небрежной грацией человека, привыкшего повелевать. За ним шли двое офицеров - Соул, суровый и молчаливый, и Вайс, который, несмотря на свою расслабленную манеру держаться, смотрел на новобранцев цепко и оценивающе.

— Построиться! — скомандовал Соул, и его голос прозвучал, как удар бича.

Новобранцы засуетились, выстраиваясь в неровную шеренгу. Алекс встал рядом с Лиамом, Томас пристроился слева. Кто-то нервно переминался с ноги на ногу, кто-то наоборот, застыл, стараясь выглядеть бывалым.

Капитан медленно прошелся вдоль строя, вглядываясь в лица. Его взгляд был тяжелым, но не злым - так смотрит мастер, оценивающий сырой материал. Когда он заговорил, его голос разнесся над площадью без малейшего усилия:

— Вчера вы прошли испытания. Вы думаете, что это делает вас солдатами. Вы ошибаетесь.

Он остановился, повернулся лицом к строю, заложил руки за спину.

— Экзамен, который вы сдали, — это даже не начало. Это преддверие. Порог, который вы перешагнули. А теперь я ска-

жу вам то, что говорю каждому новому набору. Слушайте внимательно, потому что от того, как вы это запомните, зависит, доживете ли вы до следующего месяца.

Тишина стояла такая, что слышно было, как трепещет вымпел на шпиле часовни.

— Вы никто, — произнес капитан отдельно. — Ваши имена, ваши прежние заслуги, ваши отцы и деды — здесь это не имеет значения. Здесь имеет значение только то, что вы покажете в деле. В реальном бою, а не на тренировочном плацу. Поймите главное: каждый из вас в будущем получит под начало отряд. Возможно, десяток. Возможно, сотню. Если доживете. И от того, как вы научитесь взаимодействовать друг с другом сейчас, зависит, поведете ли вы людей за собой или поведете их в могилу.

Он сделал паузу, обвел строй взглядом.

— Я видел сотни таких, как вы. Молодых, горячих, уверенных, что они — центр мира. Многих из них уже нет в живых. И знаете, что их погубило? Не враг. Самонадеянность. Они думали, что умнее всех, что правила писаны не для них. Они ошибались. И за их ошибки расплачивались те, кто шел за ними.

Он снова прошелся вдоль строя.

— Вас будут учить не только владеть мечом. Вас будут учить думать. Принимать решения в стрессовых ситуациях. Понимать карту. Оценивать силы противника. Выживать в условиях, когда ресурсов нет, а приказ есть. И если кто-то из

вас думает, что это легко, — он кивнул в сторону ворот, — можете уходить прямо сейчас. Никто не держит.

Никто не шелохнулся. Даже те, кому было страшно, не двинулись с места. Лиам стоял с каменным лицом, и только в уголках его губ пряталась легкая улыбка — не дерзкая, а скорее напряженная.

— Хорошо, — капитан остановился. — Тогда слушайте условия. Через час вы выдвигаетесь в лагерь на окраине города. Там пробудете первую неделю. Тренировки — с рассвета до заката. Ослушание — наряд вне очереди. Драки между своими — карцер. Попытка побега — трибунал. Это не игрушки, парни. Это армия.

Соул, стоявший справа от капитана, шагнул вперед и добавил сухим, лишенным эмоций голосом:

— От каждого из вас зависит не только ваша жизнь, но и жизнь ваших будущих солдат. Если кто-то не справится с нагрузкой, он будет отчислен. Без позора, но и без снисхождения. Война не прощает слабости. Мы — тоже.

Алекс слушал и чувствовал, как внутри что-то затвердевает. Страх? Да. Но не тот липкий, панический страх, который он испытал тогда, в переулке Берлимо. Этот страх был другим - осозанным, контролируемым. Он как будто встал за спиной и молча напоминал: «Не расслабляйся».

После речи капитана новобранцам дали полчаса на сборы. Кто-то побежал домой прощаться с родными, кто-то, у кого родных не было, просто сидел на ступенях часовни и

смотрел в небо. Алекс относился ко вторым. Он вернулся в свою комнатку, взял заплечный мешок, уложил туда скудный скарб: смену белья, огниво, несколько книг и записок Калиостра. Медное кольцо он по-прежнему носил на пальце. Оставалось только одно - попрощаться с городом, который не стал ему домом, но который дал ему нечто большее: направление.

Через час у городских ворот собрались все двадцать три новобранца. Капитан и двое его помощников ждали их в седлах. Для остальных были приготовлены повозки и пара заводных лошадей для тех, кто умеет ездить верхом. Алекс умел - Калиостр научил его на одном из перегонов, когда они путешествовали по северным провинциям. Лиам тоже умел, и даже хвастался, что вырос в седле, что, впрочем, вызывало сомнения у тех, кто видел, как он неловко поправляет стремяна.

— Ты как, готов к славе и подвигам? — спросил Лиам, подводя к Алексу коня.

— Готов к тому, чтобы выспаться хоть когда-нибудь, — честно ответил Алекс.

Они тронулись в путь, когда солнце уже поднялось над городскими стенами. Лагерь находился в получасе езды от города - на обширном поле, окруженном редким лесом. Там уже стояли палатки, курился дым походных кухонь, маршировали группы солдат. Прибыв, новобранцы спешили и построились заново.

Вайс, старший помощник капитана, встретил их у ворот лагеря. Он был без доспеха, в простой куртке с капитанскими нашивками, но держался все так же уверенно. В отличие от Соула, он улыбался, правда, улыбка эта была какой-то ироничной, словно он знал что-то, чего новобранцы еще не понимали.

— Рад видеть вас, — произнес он. — Честно. Вы даже не представляете, как нам не хватает свежего мяса.

По строю пронесся нервный смешок. Лиам пихнул Алекса локтем.

— Шутка, — продолжил Вайс, — но, как и в любой хорошей шутке, в ней есть доля правды. Ладно, парни и девушки, сейчас я проведу вас в казармы. Точнее, в полевые палатки — казарм здесь пока нет. Размещайтесь по четверо. Затем обед. Затем первое занятие. Вопросы?

— А когда обещают бордель? — негромко, но отчетливо спросил Лиам.

По строю снова прокатился смех, на этот раз громче. Алекс ожидал, что Вайс сейчас рявкнет или, наоборот, нахмурится, но тот лишь усмехнулся.

— Бордель, говоришь? — Вайс почесал подбородок. — Боюсь, с этим у нас строго. Но можешь подать прошение на имя капитана. Если одобрят — лично провожу.

Лиам скромно потупился, но глаза его горели весельем.

— Я подумаю над формулировкой.

— Подумай. А пока — размещаться, — Вайс развернулся

и зашагал вглубь лагеря.

День пролетел как одно мгновение. Алекс и Лиам попали в одну палатку, ту, что стояла на южном краю лагеря, откуда открывался вид на поле и далекие горы. Соседями по жилью оказались двое братьев - Марк и Стефан, сыновья купца из Верхнего города. Марк, старший, был молчалив и серьезен, говорил мало, но по делу. Стефан, младший, напротив, болтал без умолку, рассказывая о том, как они с братом сбежали из дома, чтобы не сидеть за прилавком, и как отец теперь, наверное, рвет на себе волосы.

— Он нам этого никогда не простит, — радостно сообщил Стефан. — Но когда мы вернемся героями — куда он денется!

— Если вернемся, — тихо добавил Марк, и улыбка у Стефана слегка поблекла.

После обеда, состоявшего из густой похлебки и черствого хлеба, началось первое занятие. Вайс отвел новобранцев на дальний плац - ровную площадку, утопанную сотнями ног. В центре стояли столбы с оружием: учебные мечи, щиты, копья.

— Сегодня мы начнем с самого простого, — объявил Вайс. — Построение и перемещение в строю. Это звучит скучно, но поверьте мне: от того, насколько слаженно вы будете двигаться, зависит, сколько из вас выживет в первом же бою.

Они тренировались до вечера. Строились, расходились,

снова строились, смыкали щиты, отрабатывали перестроение из линии в каре и обратно. Солнце поднялось к зениту, а потом медленно поползло вниз. У Алекса ныли плечи, ноги гудели, но он чувствовал странное удовлетворение. Здесь, на плацу, под резкие команды Вайса и суровые взгляды Соула, он чувствовал, что занят настоящим делом.

Ближе к вечеру, когда разрешили передышку, новобранцы расселись прямо на траве. Кто-то разминал руки, кто-то лежал на спине и смотрел в небо. Лиам растянулся пластом и жалобно простонал:

— Я думал, будет легче. Честно. Я думал, нас сразу на коня посадят и в бой. А тут — шагом марш, стой, поворот, снова шагом...

— В бою конь — это роскошь, — заметил Марк, сидевший неподалеку. — А строй — это основа. Если строй рассыплется, никакая конница не спасет.

— Ты-то откуда знаешь? — поинтересовался Алекс.

— Отец заставлял читать. У него в библиотеке есть трактаты по военному делу. Еще моего прадеда они. — Марк пожал плечами. — Я, правда, больше по торговой части, но кое-что запомнил.

— А я больше по части красивых девушек, — вставил Лиам, не открывая глаз. — Это жаль, что их здесь нет. Хотя бы одной. Для поднятия боевого духа.

— Ты бы лучше о духе думал, а не о девушках, — проворчал Стефан.

— Одно другому не мешает. Когда я вижу красивую девушку, мой дух взлетает до небес. — Лиам приоткрыл один глаз. — Кстати, вы не заметили ту целительницу, что была в лазарете? Я мельком видел, когда нас вели. Светлые волосы, глаза серые... Я бы ради нее даже согласился получить легкое ранение.

— Легкое? — усмехнулся Алекс.

— Ну, не тяжелое же. Чтобы она за мной ухаживала, а не хоронила.

Вокруг засмеялись. Даже Марк улыбнулся.

На другом конце плаца тем временем появились капитан и Соул. Они остановились в отдалении, наблюдая за новобранцами. Алекс заметил их краем глаза. Капитан что-то негромко говорил своему помощнику, и тот, судя по лицу, был не очень доволен.

— Интересно, что они обсуждают? — тихо спросил Лиам, приподнявшись.

— Нас, — коротко ответил Алекс.

На самом деле капитан Дэвиан в этот момент говорил почти то же самое, что и несколькими днями ранее в шатре. Только теперь в его голосе звучала нотка мрачного удовлетворения.

— Посмотри на них, Соул. Они еще не понимают, куда попали. Но те двое — Бальсамо и Лиам — они быстрее других соображают. Особенно Бальсамо. Я видел его бой. Он действует не по шаблону. Этому либо очень хорошо учили,

либо у него природный талант.

Соул нахмурился.

— Талант — это хорошо. Но дисциплина лучше. Ты слышал, что этот Лиам опять отпускал шуточки?

— Слышал. Пусть. Пока они шутят — они не боятся. А когда перестанут шутить — значит, осознали, что к чему. Вот тогда и начнется настоящая работа.

Он развернулся и зашагал прочь. Соул еще несколько секунд смотрел на новобранцев, потом покачал головой и последовал за капитаном.

Вечер опустился на лагерь быстро. Зажглись костры, и вокруг них собрались группы людей. Они сидели у огня, смотрели на пламя и каждый думал о своем.

Алекс сидел чуть в стороне от остальных, прислонившись спиной к деревянному ящику. Лиам наконец утомился и молча смотрел на звезды, которые уже начали проступать на темнеющем небе. Стефан вполголоса рассказывал брату какую-то историю из детства. Где-то вдалеке перекрикивались караульные.

И в этой тишине, нарушаемой лишь треском костра и далекими голосами, Алекс вдруг ясно ощутил, что здесь начинается что-то новое. Что-то большое и пугающее, но при этом странно важное. Он посмотрел на свое кольцо - руна слабо мерцала, отражая огонь костра. «Ты многому научился за этот год. Но главные уроки еще впереди», — вспомнились ему слова Калиостра.

Где-то там, в горах, уже гремела война. Здесь, в лагере у стен Лунного града, пока было тихо. Но тишина эта была обманчива. И Алекс знал, что скоро она закончится.

На рассвете их ждал новый день. Второй день их новой жизни. И каждый из них понимал: пути назад нет, да они его и не искали.

Глава 8 "Прошное: «Долина смерти»"

Где кровь впиталась в землю, там трава не растёт. Где кости легли в землю, там ветер стонет по ночам.

— Старая солдатская поговорка

Рассвет над долиной занимался медленно, словно само солнце не хотело видеть того, что здесь произойдёт.

На границе двух королевств, там, где зелёные холмы переходили в каменистую равнину, а та - в густой сосновый лес, раскинулась обширная низина, которую местные называли просто - Долина. Никакого звучного имени она не носила, но каждый крестьянин в округе знал: это место проклято. Здесь столетиями сходились в битве армии, здесь решались судьбы королевств, здесь земля была так густо пропитана кровью, что по весне на ней вырастали цветы неестественно алого цвета. Старики говорили, что это души павших воинов напоминают о себе живым.

И сегодня долине предстояло получить новую жатву.

Туман, густой и белёсый, стлался по низине, скрадывая очертания холмов и делая две армии похожими на призрачные флоты, плывущие навстречу друг другу в молочном море. Воздух был по-осеннему холодный, и изо ртов тысяч сол-

дат вырывался пар, смешиваясь с туманом.

Со стороны востока, где небо уже начинало алеть, выстроилась армия королевства Эльдория. Десять тысяч человек - цифра, которая на бумаге выглядела внушительно, а в реальности поражала воображение. Пехота стояла плотными квадратами, оцетинившись копьями, как гигантский ёж. Лучники проверяли тетивы, снимая с них ночную влагу. Кавалерия - тяжёлая, закованная в сталь с головы до ног - нетерпеливо перебирала копытами на левом фланге.

Над строем развевались алые знамёна с золотым орлом - гербом Эльдоры. Орёл сжимал в когтях меч и ветвь, но в последние годы меч стал заметно больше, а ветвь - тоньше.

Впереди, на небольшом возвышении, в окружении телохранителей и штабных офицеров, стоял генерал Эдвард.

Ему было двадцать восемь, и он был самым молодым генералом за всю историю королевства. Кое-кто из старых воjak за глаза называл его «мальчишкой» и ворчал, что такие чины даются не по заслугам, а по родству. Доля правды в этом была: отец Эдварда, герцог Нортемский, имел большое влияние при дворе. Но те, кто ворчал громче всех, обычно не видели Эдварда в бою.

А те, кто видел, - замолкали навсегда или начинали говорить о нём с уважением.

Эдвард был высок, широкоплеч, с резкими чертами лица и холодными серыми глазами, которые, казалось, никогда не мигали. Он носил великолепный доспех - воронёную сталь

с золотой насечкой, но под этим доспехом было тело воина, покрытое шрамами. Он не прятался за спинами солдат. Он вёл их в бой лично, и именно это, а не титулы и не родство, заставляло людей идти за ним в самое пекло.

Сейчас Эдвард стоял, скрестив руки на груди, и смотрел в сторону вражеского строя. Его адъютант, пожилой офицер с обветренным лицом, тихо докладывал:

— По оценкам разведки, у Роланда около семи тысяч. Пехота — основа, кавалерии мало, лучников тоже. Но они на своей земле, генерал. И они знают каждый овраг.

— Семь тысяч, — задумчиво повторил Эдвард. — Против десяти. Он либо самоубийца, либо гений.

— Скорее второе, генерал. Роланд — старый лис. Он никогда не принимал боя без какого-нибудь трюка в рукаве.

Эдвард усмехнулся.

— У старых лисов есть одна проблема. Они стареют. И их трюки — тоже. Посмотрим, что он приготовил на этот раз.

На другой стороне долины, в лагере королевства Валден, настроение было иным.

Здесь не было золочёных доспехов и алых плащей. Солдаты Валдена носили простую, но надёжную броню - кольчуги, усиленные стальными пластинами на груди и плечах. Их знамёна были тёмно-синими с серебряным волком, который, запрокинув голову, выл на невидимую луну. Волк был древним символом Валдена, символом стойкости, выносливости и готовности сражаться до последнего.

Генерал Роланд стоял у походного алтаря, когда ему доложили о построении противника.

Роланду было шестьдесят два. Он был на тридцать четыре года старше своего противника и провёл в боях больше времени, чем Эдвард прожил на свете. Его лицо, изрезанное морщинами и шрамами, напоминало старую карту, на которой каждая линия что-то означала. Шрам через левую щеку - битва при Красном Броде. Сломанный нос - рукопашная у стен Торнхолла. Отсутствующий мизинец на левой руке - плен, из которого он бежал, перепилив кость ржавым ножом.

Но самым страшным на его лице были глаза. Они не горели яростью. Они не сверкали решимостью. Они были спокойны, как вода в глубоком колодце. И в этом спокойствии было что-то такое, от чего даже самые отчаянные храбрецы чувствовали себя неуютно.

Роланд знал, что сегодня он, возможно, умрёт. Он знал это уже много дней, с тех самых пор, как разведка донесла о численности эльдорийской армии. Семь тысяч против десяти - соотношение не в его пользу. А если верить слухам, у Эльдории на подходе были ещё резервы.

Но Роланд не боялся смерти. Он боялся другого: что его солдаты умрут зря.

— Ваши приказы, генерал? — спросил один из офицеров, молодой капитан с перевязанной рукой.

Роланд отвернулся от алтаря и обвёл взглядом свой штаб. Здесь были люди, с которыми он воевал десятилетиями. Ста-

рый барон Крейн, чей сын командовал левым флангом. Молчаливый майор Торн, потерявший глаз при осаде Арто. Капитан Лира, единственная женщина в офицерском составе, командовавшая отрядом лучников и стрелявшая лучше любого мужчины.

— Приказы просты, — сказал Роланд. Его голос, низкий и хриплый, звучал как обычно, будто речь шла не о судьбоносной битве, а о будничном деле. — Стоять. Не отступать. Не сдаваться.

Он обернулся к долине.

— Эдвард молод и горяч. Он захочет быстрой победы. Его главное оружие — тяжелая кавалерия. Он бросит её в атаку, как только сочтёт, что мы ослабли. Поэтому наша задача — не дать ему этого шанса. Встретить пехотой. Сдержать. Перемолоть. Заставить его тратить силы.

Офицеры молча кивнули. Никто не спрашивал «а что потом». Все знали, что «потом» может и не быть.

— И ещё, — добавил Роланд, и его глаза на мгновение вспыхнули тем самым огнём, который когда-то заставлял врагов бежать при одном его появлении. — Если я паду — командование переходит к барону Крейну. Армия не рассыпается. Строй держится. Мы — волки. Волки не сдаются.

Первые лучи солнца прорезали туман, и долина внезапно открылась во всей своей мрачной красе. Две армии, разделённые пространством в пол-лиги, замерли в ожидании. Тишина стояла такая, что было слышно, как ржут кони и ляз-

гает металл.

А потом запели рога.

Низкий, протяжный звук разнёсся над долиной, и тотчас ему ответили с противоположной стороны - более высоким, резким тоном. Армии пришли в движение.

Лучники Эльдории выступили вперёд. Тысяча человек, выстроенных в четыре шеренги, подняли луки. Командир, высокий офицер в лёгком шлеме, выкрикнул:

— Тетиву!

Тысяча рук одновременно оттянули тетивы. Тысяча наконечников уставились в небо.

— Целься!

Стрелы чуть качнулись, выравниваясь. Расстояние было рассчитано до шага.

— Огонь!

Тысяча тетив пропели свою смертоносную песню. Стрелы взмыли в небо, и на мгновение показалось, что над полем поднялась чёрная туча. Она поднялась высоко-высоко, достигла вершины, и обрушилась вниз, на головы валденских солдат.

— Щиты! — пронеслась команда, и строй Валдена сомкнулся, ошестинившись поднятыми щитами.

Стрелы ударили с таким звуком, будто гигантский град забарабанил по металлической крыше. Сотни наконечников вонзились в дерево и сталь. Сотни других - нашли свою цель. Раздались первые крики боли, первые стоны. Кто-то упал,

держась за пробитое плечо. Кто-то уже не встал.

— Вторая волна! Огонь! — снова скомандовал офицер, и новая туча стрел взмыла в небо.

Валденские лучники не остались в долгу. Капитан Лира, занявшая позицию на небольшом холме справа, лично натянула тетиву своего длинного тисового лука. Она выбрала цель - того самого офицера, что командовал эльдорийскими стрелками.

— Слишком далеко, — пробормотал кто-то рядом.

— Для кого-то — да. Для меня — нет.

Она отпустила тетиву. Стрела, пущенная с невероятной силой, прочертила дугу над полем. Офицер эльдорийцев, уже открывший рот для новой команды, вдруг замер. Стрела, пробив его лёгкий доспех, вошла точно под ключицу. Он упал, даже не вскрикнув.

— Хороший выстрел, — сказал ей стоявший рядом солдат.

— Война — не место для хороших выстрелов. Здесь нужно делать только лучшие.

Началась пехотная атака.

Эльдорийская пехота двинулась вперёд ровным строем. Копейщики в первой шеренге, мечники за ними. Их доспехи сверкали в лучах солнца, их шаг был размерен и тяжёл. Тысячи ног одновременно ударяли в землю, и этот ритмичный гул, как биение огромного сердца, разносился по долине.

Валденцы не двинулись с места. Они ждали. Роланд знал:

наступающий теряет силы быстрее. Пусть они идут. Пусть тратят дыхание. Пусть думают, что победа близка.

Когда расстояние сократилось до ста шагов, валденская пехота ударила копьями о щиты - раз, другой, третий. Этот звук, древний, как сама война, был страшнее любого крика. Он означал: «Мы здесь. Мы готовы. Идите и умрите».

Две стены столкнулись.

Грохот удара был оглушительным. Копья ломались, щиты трескали, мечи звенели, встречая друг друга. Первая шеренга эльдорийцев врубилась в валденский строй с яростью прибоя, но Валден устоял.

Началась рукопашная свалка, страшная, кровавая, лишённая всякой красоты. Здесь не было места для фехтовальных изяществ. Здесь били коротко, быстро, наверняка. В горло. В пах. Под мышку, где доспех тоньше.

Молодой эльдорийский солдат, которому на вид было не больше восемнадцати, бросился на валденского ветерана с занесённым мечом. Ветеран, даже не меняясь в лице, принял меч на щит, резко вывернул его, ломая запястье противника, и коротко ткнул кинжалом в забрало. Юноша упал, захлебнувшись кровью.

— Прости, парень, — пробормотал ветеран, переступая через тело. — Но мне ещё своих внуков поднимать.

Справа от него двое эльдорийцев пытались прорвать строй, орудуя топорами. Валденский сержант, приземистый крепыш с окладистой бородой, принял первый удар на щит,

но топор разбил щит в щепки. Сержант, не растерявшись, швырнул обломок щита в лицо врага, ослепив его на мгновение, и вонзил меч в бедро. Второй эльдориец замахнулся, но не успел — бородатый сержант перехватил его руку и, рванув на себя, пробил кольчугу коротким ударом.

— Кто ещё? — прохрипел сержант, озираясь по сторонам. — Ну, давайте! У меня ещё завтрак не переварился!

Но таких, как он, было мало. И они уставали.

Битва продолжалась уже больше двух часов. Солнце поднялось высоко и теперь безжалостно палило сражающихся. Воздух наполнился запахом крови, пота и железа. Земля под ногами стала скользкой от крови, превратившись в жуткую кашу, в которой смешались грязь, трава, обломки оружия и части человеческих тел.

Эдвард с холма следил за ходом боя. Его лицо оставалось бесстрастным, но пальцы, сжимавшие эфес меча, побелели от напряжения.

— Они держатся, — произнёс адъютант. — Чёрт возьми, Роланд знает своё дело.

— Знает, — согласился Эдвард. — Но он проигрывает. Медленно, но проигрывает. Его людей меньше, и они устают быстрее. Пора заканчивать.

Он обернулся и взмахнул рукой. Тотчас несколько всадников, стоявших в отдалении, сорвались с места с донесениями.

— Кавалерию — в бой.

Роланд видел, как на эльдорийском левом фланге пришла в движение тяжёлая конница. Он ждал этого момента с самого начала.

Рыцари Эльдории, закованные в сталь, на огромных боевых конях, начали медленно набирать ход. Сначала шагом, потом рысью, потом - галопом. Земля задрожала под тысячами копыт. Лавина стали, набирая скорость, катилась на валденский строй, и от её приближения даже самые стойкие солдаты чувствовали, как внутри что-то сжимается в ледяной комок.

— Пикинёры! — скомандовал Роланд. — Первая и вторая шеренги — упор!

Валденские копейщики, до этого стоявшие позади пехоты, выдвинулись вперёд. Они воткнули древки копий в землю, образовав частокол из стальных наконечников, направленных в сторону атакующей кавалерии. Каждый из них знал: если строй сломается, они все умрут. Конница на полном скаку не берёт пленных.

Расстояние между кавалерией и пехотой сокращалось стремительно. Триста шагов. Двести. Сто. Кони ржали, всадники опускали копья, готовясь к удару. Крики «В атаку!» заглушили все остальные звуки.

И в этот момент капитан Лира отдала свой последний приказ лучникам.

— По коням! Целься в коней! Огонь!

Сотни лучников, стоявших на флангах, разрядили луки

по атакующей коннице. Стрелы ударили не по всадникам — по их коням. Боевые лошади, защищённые лишь попонами, начали падать. Задние ряды, не успев остановиться, налетали на упавших. Образовалась пробка, и атака, ещё мгновение назад казавшаяся неудержимой, захлебнулась.

Но не вся.

Часть рыцарей, действуя слаженно, обошла валденский частокол с фланга. И ударила.

Тяжёлая кавалерия врубилась в пехоту Валдена с такой силой, что первые ряды были просто смяты. Копья ломались, как щепки. Мечи рубили сверху вниз, круша шлемы и головы. Конские копыта топтали упавших, превращая людей в кровавое месиво. Казалось, что само небо обрушивается на головы валденцев.

— Держать строй! — орал где-то впереди барон Крейн, размахивая мечом. — Держать, мать вашу! Они не страшнее мытника!

Роланд видел, что его армия начинает дрожать. Левый фланг, на который пришёлся главный удар, ещё держался, но уже с трудом. Правый фланг, атакованный одновременно пехотой и кавалерией, медленно отступал, оставляя за собой дорожку из тел.

Старый генерал понял: наступил тот самый момент.

Он спустился с холма, на котором до этого находился, и подозвал своего знаменосца.

— Знамя — мне, — коротко приказал он.

— Генерал, но...

— Я сказал — мне.

Роланд взял древко знамени в левую руку. В правой он сжимал свой старый меч, ту самую тёмную сталь, которая прошла с ним через десятки битв. Он вышел вперёд, встал перед строем дрогнувшей пехоты, и его фигура, одинокая, но несокрушимая, заставила людей замереть.

— Солдаты Валдена! — его голос, усиленный невероятным напряжением, перекрыл шум битвы. — Вы сражаетесь сегодня лучше, чем кто-либо когда-либо сражался под этим знаменем. Вы сделали больше, чем можно было требовать. И я не прикажу вам стоять дальше. Кто хочет уйти - уходите. Вас никто не осудит.

Он обвёл строй глазами. Никто не двинулся с места.

— Тогда слушайте мой последний приказ, — Роланд поднял меч. — В атаку!

То, что произошло дальше, потом назовут чудом Валдена. Армия, которая только что была на грани разгрома, с яростью, необъяснимой с точки зрения военной науки, бросилась вперёд. Солдаты, которые ещё минуту назад думали о том, как бы выжить, теперь бежали в атаку на превосходящего числом и техникой врага.

В центре атаки, как и много лет назад, шёл сам Роланд.

Он прорубился сквозь первую линию эльдорийцев, словно нож сквозь масло. Его тёмный меч крушил доспехи, ломал щиты, рубил плоть. Старый генерал, которого уже списали

со счетов, дрался с такой неистовой силой, что молодые солдаты, видевшие его в деле впервые, не верили своим глазам.

— Ко мне! — ревел Роланд, прорубаясь сквозь вражеский строй. — Волки! Ко мне!

И волки шли за ним.

Эдвард с холма видел этот внезапный порыв. В его холодных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Он не сдаётся, — тихо произнёс Эдвард. — Даже сейчас. Даже зная, что проиграл.

— Прикажете отступить? — спросил адъютант.

— Отступить? Нет. — Эдвард обнажил меч. — Я сам встречу его.

Два генерала сошлись в центре долины, где сражение кипело особенно жарко.

Эдвард - молодой, стремительный, в сверкающей броне. Его меч, выкованный лучшими мастерами Эльдории, рассекал воздух с тонким свистом.

Роланд - старый, усталый, но неукротимый. Его тёмный меч, выдавший десятки битв, двигался медленнее, но каждое его движение было выверено десятилетиями опыта.

Их бой был краток, но жесток.

Эдвард атаковал первым. Серия из трёх ударов: верх, низ, колющий - обрушилась на Роланда. Старый генерал парировал первые два, но третий задел его плечо. Кровь потекла по рукаву, смешиваясь с кровью, уже покрывавшей его доспех.

— Ты хорошо дерёшься, мальчик, — прохрипел Роланд.

— Но ты ещё не понял главного.

— Чего же? — Эдвард сделал выпад. Роланд отступил, едва успев отвести клинок.

— Победа — это не убить врага, — старый генерал тяжело дышал. — Победа — это защитить своих.

— Слова мертвеца, — холодно ответил Эдвард и нанёс последний удар.

Мгновение, и тёмный меч Роланда вылетел из его руки. Ещё мгновение, и клинок Эдварда пробил грудь старого генерала.

Роланд упал на колени. Серебряный волк на его знамени, которое всё ещё держал знаменосец, окрасился красным.

— Победа... — прошептал Роланд. — Не в том... чтобы убить... а в том... чтобы... — он не договорил.

Тело генерала рухнуло на землю, и вместе с ним рухнул боевой дух валденской армии.

Воины Валдена, потеряв командира, начали отступать. Сначала медленно, огрызаясь, потом — быстрее, и наконец побежали. Эльдорийская кавалерия преследовала их, рубя бегущих в спину. Битва превратилась в бойню.

Когда солнце начало клониться к закату, долина представляла собой жуткое зрелище.

Тысячи тел лежали на поле, словно сломанные куклы. Некоторые - спокойно, как спящие. Другие - скрюченные, с лицами, искажёнными последней судорогой. Земля, ещё утром зелёная, теперь была красно-бурая от крови. Обломки

оружия, щитов, копий торчали из земли под разными углами, создавая зловещий пейзаж.

Раненые, кому повезло выжить, стонали, звали на помощь, молили воды или просто смерти. Некоторые пытались ползти, оставляя за собой кровавые следы. Другие лежали неподвижно, глядя в небо остекленевшими глазами.

Санитары с белыми повязками на руках ходили между телами, выскивая живых. Иногда они останавливались, наклонялись, переворачивали тело и шли дальше с каменными лицами. Иногда подзывали носильщиков.

В воздухе стоял запах, который ни с чем нельзя спутать: запах смерти. Сладковатый, тошнотворный, он пропитывал всё вокруг и оставался в ноздрях ещё долго после того, как покидаешь поле боя.

Над убитыми уже кружили вороны, чёрные силуэты на багровом закатном небе. Их карканье разносилось над долиной, как погребальная песнь.

Эдвард стоял на том же холме, где начал утро. Его доспех был забрызган кровью, его меч, всё ещё обнажён. Он смотрел на поле, на дело своих рук, и не чувствовал ничего.

Вернее, чувствовал. Но не то, что ожидал.

Не радость. Не гордость. Только пустоту.

— Роланд был великим воином, — произнёс он тихо, обращаясь не столько к стоявшему рядом адъютанту, сколько к самому себе. — Я бы хотел сразиться с ним, когда он был молод.

Адъютант молча кивнул.

Внизу, на поле, солдаты уже начинали собирать трофеи. Один эльдорийский солдат нашёл тело Роланда и снял его шлем. Долго смотрел на лицо старого генерала, потом положил шлем обратно.

Ночь опустилась на долину. Ветер, поднявшись с гор, завывал над полем, и этот вой был похож на плач. Те, кто слышал его, говорили потом, что никогда не забудут этого звука.

Долина смерти получила новую жатву.

А война только начиналась.

Глава 9 «Лагерь»

Отряд выступил на север, едва рассвело. В этот раз без речей, только скрип колёс, фыркание лошадей да топот трёх десятков пар ног. Шли весь день, и лишь к вечеру, когда солнце уже пряталось за холмы, впереди показался частокол.

Лагерь был не чета тому учебному, что остался у Лунного града. Здесь пахло не свежей стружкой, а застарелым дымом, кожей и множеством людей, живущих тесно. Постройки лепились одна к другой - приземистые бараки, шатры, коновязи. Над воротами висел выцветший флаг Фелдоры.

Их встретил дежурный офицер - сутулый капитан с воспалёнными глазами. Он долго сверял бумаги, потом махнул рукой: «Вам туда. Четвёртый батальон».

Алекс ехал рядом с Лиамом и краем глаза заметил, как изменилось лицо друга. Обычно подвижное, насмешливое - теперь оно застыло. Лиам осматривал лагерь не так, как смотрят новобранцы. Скорее, как хозяин, вернувшийся в давно забытое поместье.

— Ты здесь уже бывал? — спросил Алекс.

— Нет. Но знаю, как такие места устроены. — Лиам тронул коня. — Пойдём, а то нас уже ждут.

Их определили в сводный отряд под командованием капитана Вайса, того самого, что вёл занятия в учебном лагере. Он встретил их у входа в барак без лишних церемоний.

— Бальсамо. Лиам. Живы. Уже неплохо. — Вайс оглядел их с ног до головы. — Забудьте всё, чему вас учили до этого. То была школа. Здесь - работа.

Он провёл их внутрь. Барак оказался длинной приземистой постройкой, где вперемешку стояли койки, оружейные стойки и грубо сколоченные столы. В дальнем углу несколько человек резались в кости. Ещё двое спали, накрывшись плащами.

— Вот ваше место, — Вайс указал на две свободные койки. — Соседей узнаете сами.

И ушёл.

Только теперь Алекс заметил, что на той стороне барака, у окна, сидит девушка. Она чистила лук - длинный, тисовый, с потёртой рукоятью, и не обращала на вошедших никакого внимания.

Лиам заметил её одновременно с Алексом и оживился:

— О! А говорили, в северных лагерях женщин не бывает. Девушка подняла глаза. Серые. Холодные.

— Здесь тебе не бордель, — произнесла она ровно. - И женщина перед тобой - десятник. Запомни.

— Уже запомнил. — Лиам улыбнулся, но без обычной наглости. — Лиам. А тебя?

— Десятник Риса.

Она вернулась к луку.

Лиам хотел сказать что-то ещё, но Алекс пихнул его локтем в бок. Вовремя.

Остальные члены отряда появлялись постепенно. Первыми пришли двое братьев - Марк и Стефан из купеческой семьи. Марк - молчаливый, с вечно сжатыми челюстями. Стефан - бойкий, говорливый, он тут же принялся расспрашивать новоприбывших и делиться новостями.

— Говорят, на севере уже две деревни сожгли. Эльдорийцы не церемонятся. А у нас здесь, сами видите. Половина офицеров - аристократы, половина - кто смог дослужиться. Друг друга на дух не переносят.

— А ты что, всех уже знаешь? — спросил Алекс.

— Я люблю поговорить, — просто ответил Стефан. — А когда говоришь - люди рассказывают в ответ. Иногда лишнее.

Последним появился угрюмый ветеран с повязкой на левом глазу. Он представился коротко: «Торн». На вопрос, где потерял глаз, ответил: «Там же, где ты ещё не был». И больше в тот вечер не произнёс ни слова.

Вечером, когда все разошлись по койкам, Алекс долго лежал без сна. В бараке было душно, пахло потом и оружейным маслом. За стеной перекрикивались часовые.

— Не спишь? — тихо спросил Лиам.

— Нет.

— Я тоже. Думаю.

— О чём?

— О том, что здесь всё иначе. В том лагере было... понарошку. А здесь настоящие люди. Настоящая война. — Лиам

помолчал. — И эта девушка. Риса. Ты заметил, как она на меня посмотрела?

— Как на пустое место.

— Вот именно. Обычно так не смотрят. Я им нравлюсь.

— Ты всем нравишься.

— Всем, кроме неё. Это интригует.

Алекс не ответил. Он думал о другом. О том, как Вайс сказал: «забудьте всё». О том, что где-то в этом лагере, возможно, тоже есть люди с треугольником на руке. И о том, что Калиостр, скорее всего, уже знает, куда их направили.

Утро началось с построения. Их отвёл на плац лично Вайс. И началась работа.

К вечеру у Алекса гудели руки, спина ныла, а голова трещала от обилия новых команд и перестроений. Но это была хорошая усталость.

Корвин объявился именно в этот момент. Он шёл через плац в сопровождении двух офицеров. Заметив Алекса и Лиаму, остановился, словно наткнулся на препятствие.

— Смотрю, пополнение, — произнёс он. — Из столицы?

— Так точно, — ответил Алекс.

— Бальсамо. Слышал. Тот самый, что победил офицера на экзамене. — Корвин обошёл их, как обходят диковинный товар на рынке. — А ты, — он повернулся к Лиаму, — тот самый шутник.

— Он самый. Приятно быть знаменитым.

Улыбка Корвина дрогнула.

— Здесь тебе не стол, — отчеканил он. — Здесь север. Безродные либо доказывают, что чего-то стоят, либо молчат в тряпочку. Понял?

— Понял, — Лиам кивнул с серьёзным видом. — Молчать в тряпочку. Я запомню. А вы, господин баронет, не подскажите, какой цвет тряпочки предпочтительнее? У вас, кажется, опыт.

Стало тихо. Спутники Корвина переглянулись. Сам баронет побелел. Казалось, он сейчас сорвётся. Но вместо этого он вдруг отступил — на шаг, потом на другой.

— Вы ещё пожалеете, — процедил он. — Оба.

И ушёл.

— Ты зачем? — негромко спросил Алекс.

— А что мне было делать? Стоять и кивать? Я так не умею.

— Он опасен. Ты же видишь: он хотел ударить, но сдержался. Такие запоминают.

— Пусть запоминает. — Лиам потёр затылок. — Меня сложнее убить, чем кажется.

В этот миг Алекс вдруг ощутил странную уверенность в его словах.

Глава 10

Первый выход на плац с отрядом Вайса состоялся на третий день. Построение в предрассветных сумерках, перекличка, проверка снаряжения - всё по уставу. После учебки в Лунном это было привычно, но здесь, на севере, каждая мелочь ощущалась иначе. Воздух был холоднее, ветер злее, а лица офицеров - суровее.

Отряд «Вайса», как его называли между собой, насчитывал двенадцать человек, не считая командира. Кроме Алекса, Лиама, братьев Марка и Стефана, Рисы и Торна, здесь были ещё несколько бойцов: близнецы-копейщики, рослые парни с одинаковыми родинками на левых щеках; немолодой арбалетчик по имени Грета, носившая с собой тяжёлый армейский арбалет так, словно он ничего не весил; и тихий паренёк по имени Орландо, который почти не разговаривал, но любую команду выполнял с молниеносной быстротой.

Вайс построил отряд и обвёл взглядом.

— Вы здесь не потому, что я вас выбрал. Вас прислали сверху по остаточному принципу. Кто-то не подошёл другим командирам. Кто-то сам не вписался. Теперь вы здесь, и я не желаю знать ваши прошлые обиды. Меня волнует только одно: чтобы через месяц вы действовали как один организм. Кто не справится, тот вылетит. Не в штрафную, а на передовую. А там долго не живут. Ясно?

— Так точно, — пронеслось по строю.

— Тогда начали.

Тренировка была жёсткой. Вайс гонял их до седьмого по-та, отработывая перестроения, смену формаций и взаимодействие в малых группах. Алекс двигался механически, ноги помнили, руки знали. Но мысли нет-нет да возвращались к тому, что он видел вчера: Корвин, отступивший без боя, странный взгляд, брошенный на Лиама, словно тот знал что-то.

К вечеру вымотались все. Даже неутомимый Стефан сидел на ящике, обмахиваясь собственной шапкой. Риса, единственная, кто не выглядела измождённой, проверяла тетиву. Лиам подошёл к ней.

— Скажите, десятник, а ты всегда была такой суровой или это война сделала?

— Всегда.

— Значит, мне не на что надеяться?

— Тебе - нет. — Она даже не подняла глаз.

Лиам сел рядом на корточки.

— Хочешь честно? Я не умею долго ходить мрачным. Мне проще шутить, чем бояться. А здесь, — он обвёл рукой лагерь, — страшно. И я боюсь. Но я не хочу, чтобы это было заметно.

Риса замерла. Потом медленно обернулась.

— Это первый раз, когда ты сказал что-то не ради шутки.

— Бывает, — развёл руками Лиам. — Не привыкай.

Она хмыкнула и, как ему показалось, едва заметно улыбнулась.

Вечером развели костёр. Это стало традицией, после тяжёлого дня собираться у огня. Торн, который в обычное время молчал, у костра иногда начинал говорить. И сегодня он заговорил.

— Было время, — начал он низким голосом, глядя в пламя, — когда землями этими правили не короли с гербами. Тогда были роды. Древние. Не те, что сейчас - со слугами и замками, а настоящие. Говорят, в каждом из них текла особая кровь. Они умели то, чего мы не умеем. Двигались быстрее. Видели дальше. Жили дольше.

— Маги, что ли? — хмыкнул Стефан.

— Не маги. — Торн покачал головой. — Магия - сказки. Эти люди были... иными. Будто сама природа дала им то, чего нам не досталось. Но потом что-то случилось. Они исчезли. Одни говорят, что выродились. Другие, что их уничтожили. Третьи, что они сами ушли, поняв, что миру не нужны те, кто слишком сильно отличается.

Алекс слушал и чувствовал, как холодеют пальцы. Он вспомнил слова Калиостра. Вспомнил кольцо. Вспомнил, как военный со шрамом посмотрел на его руку и что-то записал.

— А что за знак у них был? — спросил он неожиданно для себя.

Торн обернулся. Его единственный глаз посмотрел на

Алекса долгим, изучающим взглядом.

— Разные говорили. Но чаще всего — треугольник с глазом. Или руна. Восемь спиц, как компас. Кто-то говорит - колесо.

Алекс сжал кулак. Под рукавом, надетое на палец, лежало именно такое кольцо.

— И что, — спросил он, стараясь говорить ровно, — совсем никого не осталось?

— Говорят, последний род погиб лет двадцать назад. Их вырезали всех до единого. Даже детей. — Торн помолчал. — Но это только слухи. Я в такие вещи не верю.

— Почему?

— Потому что если б они были, то они бы уже вернулись. А раз нет - значит, вымерли.

Он поднялся и отошёл от костра.

Лиам, сидевший рядом с Алексом, тихо спросил:

— Ты что-то знаешь?

— Нет, — соврал Алекс. — Просто интересно.

Ночью он долго не мог уснуть. Держал кольцо в руке, смотрел, как в лунном свете проступает еле видимая руна - колесо о восьми спицах.

Утром в лагерь въехал гонец. Одинокий всадник на взмыленной лошади, в запылённом плаще. Он спешил к штабу и скрылся внутри.

Алекс заметил его случайно - шёл на построение и увидел, как гонец, протягивая пакет, сдвинул рукав. На запястье у

него блеснуло кольцо.

Точно такое же, как у Алекса.

Мгновение и гонец скрылся в дверях. Алекс бросился туда, но наткнулся на часового: «Не положено». Он попытался объяснить, но бесполезно. Гонец уже ушёл.

На плацу он нашёл Лиама и рассказал.

— Такое же?

— Копия. Я не мог ошибиться.

— Может, совпадение? — Лиам нахмурился. — Кольца не такая уж редкость.

— С точно такой же руной? Восемь спиц? Ты сам веришь в совпадения?

Лиам помолчал. Потом сказал:

— Не верю. И знаешь что? Этот гонец приехал из столицы. У него на сумке герб королевской канцелярии. Я заметил.

— Откуда ты знаешь герб королевской канцелярии?

Лиам отвёл глаза.

— Просто видел однажды. В Лунном.

Алекс знал, что он врёт. Но решил пока не давить.

Глава 11 «Тренировки»

Первые недели показались Алексу бесконечными. Не потому, что тренировки были скучными, напротив, Вайс не давал расслабиться ни на минуту, а потому, что каждый день походил на предыдущий с точностью до удара колокола. Подъём до рассвета. Построение. Разминка. Занятия по тактике. Обед в тридцать минут. Снова занятия. Боевые упражнения до темноты. И так - день за днём.

Но именно в этой монотонности Алекс нашёл неожиданное успокоение. Когда нет времени думать, то нет времени и бояться. Тело привыкало к нагрузкам, разум - к дисциплине. Он начал замечать, что команды Вайса понимает с полувзгляда, а собственные решения принимает быстрее. Калиостр когда-то говорил: «Настоящее мастерство - это когда ты перестаёшь думать и начинаешь действовать». Теперь Алекс понимал, что значили эти слова.

Отряд постепенно превратился в нечто большее, чем просто группа людей, собранных по остаточному принципу. Первые недели каждый тянул одеяло на себя. Близнецы-копейщики, которых звали Ханс и Гюнтер, привыкли полагаться только друг на друга и игнорировали остальных. Грета целыми днями возилась со своим арбалетом и ни с кем не разговаривала. Орландо сторонился всех. Марк и Стефан держались вместе. Торн вообще не покидал барака без приказа.

Вайс видел это и не вмешивался. Он дал им две недели на то, чтобы пересечься самим. А когда понял, что самосотрудничества не выйдет, начал сталкивать их лбами намеренно.

— Учебный бой пятёрка на пятёрку, — объявлял он. — Командиры - Бальсамо и Корвин. Проигравшие чистят нужники.

Или того хуже:

— Марш-бросок в полном снаряжении. Последняя тройка драит котлы после ужина.

И отряд, поворчав, начинал работать. Потому что драить котлы не хотелось никому, а проигрывать Корвину - тем более.

К концу первого месяца Алекс уже знал привычки каждого. Знал, что Торн просыпается раньше всех и молча сидит на койке, глядя в стену, то ли молится, то ли вспоминает. Знал, что у Стефана есть сестра, оставшаяся в Лунном, и он пишет ей письма каждую неделю, выводя буквы старательным, почти детским почерком. Знал, что Марк, читая эти письма, отворачивается и молчит, ему писать некому. Знал, что Грета ворчит, но всегда первой предлагает помочь с оружием. Знал, что близнецы говорят на два голоса, заканчивая фразы друг за другом, и это бесит всех, кроме них самих. Знал, что Орландо однажды украл буханку хлеба и молча разделил её на весь отряд, а когда его хотели поблагодарить, только пожал плечами и ушёл.

Знал, что Риса не терпит, когда к ней прикасаются без

спроса, даже случайно, и что Лиам это уже усвоил.

Лиам, кстати, изменился за этот месяц. Нет, он по-прежнему шутил, ведь это было у него в крови, но его шутки стали другими. Менее пошлыми. Более меткими. Он словно нащупывал границу, за которой остроумие превращается в оскорбление, и учился не переступать её.

Особенно старался он с Рисой.

После того разговора у костра она стала чуть мягче, не на словах, а в поступках. Могла бросить ему запасную тетиву, когда его собственная лопнула на тренировке. Могла подойти и коротко объяснить, что он делает не так, как держит щит, как ставит ногу в стойке. Это были крохи, но Лиам ловил их с жадностью голодающего.

Но стоило ему отпустить хотя бы одну фривольную шутку, как лицо Рисы снова делалось ледяным, и она отворачивалась.

— Ты специально? — спросил однажды Алекс, когда они сидели вдвоём после очередной тренировки.

— Что специально?

— Весь этот новый Лиам. Скромный, правильный. Не похожий на того, кто в первый день предложил девушкам тёплую постель.

— А, это. — Лиам потёр затылок, глядя в сторону. — Понимаешь, раньше я думал: бабы любят наглых. И это правда. Некоторые любят. Но Риса - не «некоторые». Она не любит, когда перед ней играют. Она видит фальшь сразу. Не знаю

как, но видит. И если я хочу, чтобы она хоть раз посмотрела на меня всерьёз, я должен сам стать серьёзным. Хотя бы иногда.

— Ты влюбился.

— Я? — Лиам расхохотался, но смех вышел нервным, почти испуганным. — Я просто хочу, чтобы она перестала смотреть на меня как на пустое место.

— Это и называется «влюбился».

Лиам долго молчал. Потом тихо произнёс:

— Тогда я пропал.

И столько в этом «пропал» было обречённости, что Алексу вдруг стало не по себе. Не за Лиамом, а за них обоих. Потому что война только начиналась, а сердце, которое привязалось - это мишень.

К исходу второго месяца Вайс включил в программу ночные тренировки. Подъём по тревоге в два часа пополуночи, полный сбор за пять минут, марш в полной темноте без факелов. Первый такой подъём закончился полным хаосом: близнецы перепутали сапоги, Грета забыла колчан, а Орландо, которого растолкали последним, вскочил с койки с таким лицом, словно его резали.

Зато потом, когда все построились и Вайс, не говоря ни слова, повёл их в ночной лес, отряд начал учиться по-настоящему. Идти цепочкой, держась за плечо впереди идущего. Различать звуки ночного леса - шорох совы, треск ветки под чужой ногой, далёкий волчий вой. Ориентироваться по звёз-

дам.

— Север там, — показал Вайс в первую ночь. — Полярная звезда на конце рукояти Малого Ковша. Если заблудились и нет компаса, то ищите её.

— А если облачно? — спросил Стефан.

— Тогда молись.

Молиться, впрочем, не пришлось. Ночные марши стали привычкой, а к концу месяца отряд передвигался в темноте почти так же быстро, как днём.

Однажды ночью, возвращаясь с очередного марша, они наткнулись на кого-то у частокола. Фигура стояла неподвижно, на границе света и тени, и, когда отряд приблизился, бесшумно исчезла.

— Видели? — спросил Ханс.

— Видели, — ответил Торн. — Но не разглядели.

Вайс промолчал, но Алекс заметил, что капитан после этого случая стал чаще проверять посты и дважды за ночь обходил лагерь лично.

На третьем месяце пришёл приказ. Не учебный, а боевой.

Вайс собрал отряд в бараке и зачитал: «Сводному отряду капитана Вайса выдвинуться в дозор к дальнему перевалу, проверить состояние сторожевых постов, зафиксировать следы противника в случае их обнаружения. Срок - четверо суток».

— Это не тренировка, — добавил Вайс, сворачивая приказ. — Это настоящий выход. Противник может быть где

угодно. Смотреть в оба, слушать в четыре уха. Если встретите эльдорийцев, то без моего приказа не атаковать. Доложить и отойти. Вопросы?

Вопросов не было. Лица у всех стали сосредоточенными.

Дозор длился четыре дня и три ночи. Шли по козьим тропам, где нога человека не ступала с прошлой осени. Проверяли посты - деревянные вышки, спрятанные в скалах. На одной из вышек нашли замёрзший труп солдата - он лежал там, видимо, с зимы, и никто о нём не знал. Торн молча стащил тело вниз и накрыл плащом. Похоронить не было времени.

К исходу третьего дня Риса, шедшая в головном дозоре, вдруг вскинула руку. Все замерли.

— Дым, — тихо сказала она. — На востоке.

Пошли проверить. Двигались медленно, от камня к камню, стараясь не выдать себя. За россыпью валунов открылась небольшая котловина. Там, у ручья, чернели четыре кострища - явно недавние. Вокруг были разбросаны обрывки сбруи, конский навоз, сломанное древко стрелы. И обрывок эльдорийского штандарта - алый с золотым орлом.

— Были здесь вчера, — доложил Торн, понюхав золу и ковырнув её ножом. — Ушли на юг. Человек двадцать, не меньше.

Вайс приказал рассредоточиться и занять позиции. Ночь провели в камнях, не разводя огня, хотя ночь выдалась морозная. Грета, сидевшая рядом с Алексом, вдруг заговорила

тихо:

— У меня муж был. Он тоже в дозор ушёл четыре года назад. И не вернулся.

— Прости, — сказал Алекс.

— Не за что. Он сам выбрал. — Грета помолчала. — Я не к тому. Я к тому, что если кого теряешь, надо, чтоб не зря. Чтоб хоть что-то после тебя осталось.

— Что, например?

— Не знаю. Может, люди, которым ты помог. Может, имя.

Алекс ничего не ответил. Но подумал, что Грета права.

Имя - это то, что нельзя отнять. Если оно есть.

Наутро, убедившись, что эльдорийцы ушли и не вернулись, отряд двинулся обратно. У лагеря их ждал Корвин. Он стоял у ворот с каменным лицом, скрестив руки на груди.

— Поздравляю, Бальсамо, — процедил он. — Донесение о твоём дозоре уже у генерала. Тебя ставят в пример.

— Меня интересует, что со следами эльдорийцев, — спокойно ответил Алекс. — Их два десятка, и они движутся в наш тыл.

— Это не твоя забота. Ты сделал свою работу — доложил. Остальным займутся старшие офицеры.

— Я хочу, чтобы мой отряд включили в поиск.

— У твоего отряда другие задачи. — Корвин помедлил, разглядывая Алекса с головы до ног, будто оценивая, сколько тот ещё протянет. — Или ты считаешь, что безродный офицер может указывать дворянину?

— Я считаю, что угроза в тылу касается всех, — Алекс отвечал ровно, без вызова, но и без подобострастия. — Врагу всё равно, кто у нас родители.

— Вот как. — Корвин шагнул ближе. — Запомни, Бальсамо. Если ты ещё раз попробуешь действовать через мою голову, я лично подпишу рапорт о твоём переводе в штрафную роту. И никто тебя не спасёт. Ни твой дружок-шутник, ни твой тайный покровитель.

«Тайный покровитель». Алекс запомнил эту фразу. Значит, Корвин что-то знал. Или подозревал.

Ночью, лёжа на койке, Алекс долго разглядывал кольцо. Руна мерцала едва заметно, словно тлеющий уголёк. «Тайный покровитель». Если Калиостр и был покровителем, то покровительствовал он странно: появлялся раз в год, говорил загадками и исчезал, не дав ответов.

Но кольцо он оставил. И кольцо явно чего-то стоило.

Конец третьего месяца принёс первую крупную стычку с Корвином - уже не словесную.

На общем построении он вызвал Алекса на учебный поединок. Официально. Перед строем.

— Посмотрим, чему ты научился за эти месяцы, — объявил Корвин, обнажая меч. — Если, конечно, твои успехи не дутое везение.

Алекс принял вызов. Они сошлись на плацу, и вокруг мгновенно собрались зрители, не только их отряд, но и солдаты из других подразделений.

Бой был коротким и злым. Корвин атаковал яростно, пытаясь сломать Алекса грубой силой, но Алекс двигался легче - спасибо Калиостру, спасибо Вайсу, спасибо сотням часов тренировок. На четвёртой минуте он обвёл клинок Корвина и приставил острие к его горлу.

— Бой окончен, — объявил Вайс.

Корвин опустил меч. Его лицо осталось каменным, но в глазах плескалась уже не просто неприязнь - ненависть. Чистая, незамутнённая.

— Ты заплатишься, — тихо сказал он так, что слышал только Алекс. — Рано или поздно.

И ушёл.

— Ты нажил врага, — заметил Лиам вечером.

— Он был врагом с первой минуты.

— Такой враг опасен.

— Такой враг предсказуем. — Алекс пожал плечами. — Куда опаснее те, кто улыбаются.

И подумал про себя: «Или те, у кого на руке треугольник с глазом».

На четвёртом месяце случилось событие, которое потом часто вспоминали - и Алекс, и Лиам, и Риса.

Их отряд заступил в караул на северной стене. Ночь была ясная, холодная, вызвездило так, что видно было дальние холмы. Алекс стоял у зубца, когда услышал шаги — лёгкие, почти неслышные.

— Не спится? — спросила Риса, подходя.

— Не спится. А ты чего?

— Торн разбудил. Сказал, кто-то ходил за частоколом.

— Ходил?

— Не человек. — Риса помолчала. — Следов на земле нет.

У частокола действительно никого не было. Но на влажной после дождя земле осталась вмятина, слишком ровная, словно кто-то стоял там долго и неподвижно, всматриваясь в лагерь. И никаких следов вокруг. Только эта вмятина.

Он вернулся на стену молча.

— Ты что-то видел? — спросила Риса.

— Ничего.

— Врёшь.

— Вру.

Она не стала спрашивать дальше. Постояла рядом, глядя в темноту, и вдруг сказала:

— Лиам изменился.

— Заметил, — осторожно ответил Алекс.

— Это из-за меня?

— Думаю, да.

— Я этого не просила.

— Он не из тех, кто ждёт, пока попросят. — Алекс позволил себе лёгкую улыбку. — Ты ему нравишься. И он хочет, чтобы ты это заметила. Не на словах, а на деле.

Риса молчала долго. Потом тихо произнесла:

— Он странный. Когда он молчит, я вижу, что он умнее,

чем хочет казаться. А когда говорит... иногда за словами у него прячется что-то другое.

— Что?

— Не знаю. Грусть, может. Или злость. Или и то, и другое.

Она повернулась и ушла, не попрощавшись. Но Алекс видел, как она потом, на следующее утро, сама подошла к Лиаму и что-то сказала, судя по тому, как у того загорелись глаза, что-то приятное.

Так проходили месяцы.

Пятый принёс новые испытания: Вайс начал гонять отряд в полноценных тактических задачах. День первый - оборона высоты. День второй - штурм укрепленного пункта. День третий - отход с арьергардными боями. Алекс учился читать карту, рассчитывать время, распределять силы. Вечерами он падал на койку без сил, но чувствовал, что растёт — не только телом, но и головой.

Однажды вечером его вызвал Вайс в штабную палатку.

— Бальсамо, — сказал капитан, глядя на него поверх стола, заваленного картами. — Ты хорошо себя показал. Лучше, чем я ожидал.

— Благодарю.

— Не благодари. Я не к тому. — Вайс помолчал, подбирая слова. — Ты заметил, что тебя не любят?

— Заметил.

— И знаешь почему?

— Потому что я безродный, который побеждает.

— Именно. — Вайс кивнул. — Это раздражает. Особенно тех, кто привык получать звания по праву рождения. Но есть и другое. — Он понизил голос. — Кое-кто из штаба считает, что ты слишком быстро растёшь. Что тебе кто-то помогает. И что это неспроста.

— Что за «кое-кто»?

— Этого я тебе не скажу. Просто хочу предупредить: будь осторожен. Не доверяй никому, кроме своего отряда. И даже внутри отряда думай, кому что говоришь.

— Вы считаете, среди наших есть предатель?

— Я ничего не считаю. Я предупреждаю.

Алекс вышел из палатки с холодным комком в животе. Кто мог считать, что ему помогают? Только тот, кто знал о Калиостре. Или тот, кто сам был связан с Башней.

Шестой месяц принёс первую большую потерю.

Рота четвёртого батальона попала в засаду у восточного перевала. Двадцать убитых. Среди них — двое офицеров, включая того самого седого майора, который когда-то принимал у Алекса экзамен в Лунном граде.

Лагерь погрузился в траур. Играли похоронный марш, опускали в землю пустые гробы - тела не смогли вынести с поля боя. Алекс стоял в строю и думал о том, что эти люди теперь - только имена. Имена, которые ветераны будут вспоминать у костра, а потом забудут.

В тот вечер Лиам подошёл к нему сам.

— Знаешь, — сказал он, — я раньше думал, что война

- это приключение. Что если я умру, то красиво, с мечом в руке. А теперь я вижу, что смерть - это просто конец. Не красивый, не героический. Просто тебя больше нет. И всё.

— Ты поэтому так держишься за Рису?

— Может быть. — Лиам не стал отшучиваться. — Может, я хочу, чтобы хоть кто-то помнил меня живым, а не мёртвым.

— Она будет помнить.

— Ты думаешь?

— Я знаю.

Лиам слабо улыбнулся, не своей обычной, а новой улыбкой, которая появилась у него за эти месяцы: спокойной, почти печальной.

— Спасибо, друг. — Он хлопнул Алекса по плечу и ушёл в барак.

Алекс остался у костра. Вокруг сидели ветераны и молодые солдаты, но он не слышал их разговоров. В голове крутились слова Вайса, слова Калиостра, слова Рисы о Лиаме - всё смешалось в один плотный узел, который невозможно было распутать.

Он достал кольцо. Руна горела ярче обычного. И в её свете, в ночной темноте, Алексу вдруг показалось, что он видит не только колесо о восьми спицах, но и что-то ещё, что-то, вписанное в центр руны. Слово. Или знак.

Он вглядывался до рези в глазах, но так и не смог разобрать.

Завтра начинался новый месяц. Завтра предстоял новый

приказ. И Алекс знал: то, что случится дальше, изменит всё.
Не потому, что он так хотел. А потому, что время пришло.

Глава 12 «Ночной дозор»

Приказ пришёл на исходе шестого месяца, когда Алекс уже начал думать, что штаб забыл об их существовании. Шесть месяцев тренировок, стычек с Корвином, ночных маршей и дозоров слились в один долгий, изматывающий, но странно осмысленный период. Он давно перестал считать дни, дни считали его сами, отмеряя ритм ударами лагерного колокола.

Вайс собрал отряд в бараке перед закатом. Солнце уже клонилось к горизонту, и длинные оранжевые лучи пробивались сквозь щели в досках, рисуя на полу золотые полосы. Вид у капитана был такой, словно он только что вышел из палатки генерала и разговор там был не из приятных. Он развернул свиток, пробежал глазами и, не меняя выражения лица, объявил:

- Сводному отряду выдвинуться в квадрат сорок-два. Занять наблюдательный пост у старой мельницы. Вести наблюдение за трактом. При обнаружении противника - немедленно доложить, в бой не вступать. Срок - трое суток.

- Старая мельница? - переспросил Торн. Его единственный глаз прищурился. - Это же в низине. У Чёрного ручья. Там туман по ночам такой, что своей руки не видно. И место гиблое.

- Поэтому и посылаем вас, - отрезал Вайс. - Вы умеете

ходить в темноте. Или я ошибся?

Никто не ответил. Все помнили ночные марши, которые начались на втором месяце и с тех пор стали привычкой. Помнили, как учились различать звуки леса, идти цепочкой, держась за плечо впереди идущего. Помнили первую ночную вылазку, когда Стефан едва не провалился в расселину, а Орlando впервые выругался вслух, да так, что хохотал весь отряд.

- Вопросы? - Вайс обвёл строй взглядом.

- Что с остальными? - спросил Марк. - Близнецы, Орlando?

- Близнецы остаются в лагере. Заступают в караул. Остальные со мной.

- Когда выходим? - спросил Алекс.

- Через час.

Час пролетел в сборах. Алекс проверил клинок, привычное движение, которое он повторял сотни раз. Лезвие было острым, рукоять удобно лежала в ладони. Он сменил камень на новый, перетянул ремни заплечного мешка, бросил туда запасную пару сухих портянок. Лиам, сидевший на соседней койке, вертел в руках флягу.

- Чай? - спросил он.

- Снова травяной?

- А какой ещё? Я у Греты рецепт взял. Говорит, от всех болезней. И от страха тоже.

- Ты боишься? - Алекс поднял бровь.

- А ты нет?

Алекс не ответил. Он думал о том, что ночные вылазки последних недель стали иными. Не опасные, но в них появилось что-то новое. Словно война, которая раньше была где-то там, за холмами, теперь придвинулась вплотную. Словно кто-то невидимый следил за ними из темноты.

Он машинально коснулся кольца под рукавом. Металл был прохладным. Руна не светилась, но ему показалось, что она чуть теплее обычного. Или это просто разыгралось воображение.

- О чём думаешь? - Лиам закрутил флягу и сунул её в мешок.

- О письме.

- Опять?

- Там была фраза. «Бойся только бездействия». Я думал, что понимаю её. А теперь не уверен.

- Если бы Калиостр хотел, чтобы ты понял сразу, он бы написал иначе. Он пишет так, чтобы ты додумывал потом. Неделями. Месяцами. - Лиам помолчал. - Мой отец тоже так умеет. Говорит загадками, а ты потом ходишь и разгадываешь.

Алекс хотел спросить об отце Лиама, о его семье, о том, почему он так тщательно скрывает своё прошлое, но в этот момент в барак вошёл Вайс.

- Выходим.

Выступили затемно. В этот раз без лошадей, мельница

стояла в заболоченной низине, куда конь не пройдёт. Шли налегке: оружие, паёк на три дня, запасные тетивы, два сигнальных рожка. Вайс распределил людей: головной дозор - Торн и Орландо, основная группа - он сам, Алекс, Риса, Лиам, Марк, Стефан и Грета.

Луна ещё не взошла, и тропу освещали только звёзды, те самые, по которым они учились ориентироваться на ночных маршах. Алекс поднял голову и нашёл Полярную звезду. Она висела на месте, спокойная и равнодушная, как всегда.

Шли цепочкой, держа дистанцию в три шага. Торн впереди, его единственный глаз видел в темноте лучше, чем у иных два. Орландо за ним, тихий, как всегда, но сегодня какой-то особенно сосредоточенный. Остальные растянулись следом.

Алекс шёл четвёртым, сразу за Вайсом. Он чувствовал, как влажный воздух низины пробирается под плащ, как чавкает под сапогами раскисшая земля. Где-то справа ухала неясить, мерно, с равными промежутками. Где-то слева трещала ветка, то ли зверь, то ли ветер.

Лес вокруг был не такой, как в предгорьях. Здесь, в низине, деревья росли кривые, низкорослые, с узловатыми ветвями, похожими на скрюченные пальцы. Земля под ногами пружинила - сказывалась близость болота. Воздух пах прелыми листьями и чем-то сладковатым, приторным.

Лиам, шагавший позади, вдруг тихо произнёс:
- Знаешь, о чём я сейчас думаю?

- О тёплой постели, - не оборачиваясь, ответил Алекс.

- О тёплой постели с тёплой женщиной, - уточнил Лиам.

- Но ты почти угадал.

- Лиам, - донёсся спереди голос Вайса, - ещё слово, и ты пойдёшь в головной дозор. У Торна как раз спина болит.

- Молчу.

Риса, шедшая за Лиамом, издала звук, похожий на сдавленный смешок. Лиам обернулся, но в темноте не разглядел её лица. Однако он мог поклясться, что она улыбалась.

Шли долго. Тропа то ныряла в овраги, то взбиралась на пригорки, то пропадала вовсе, и тогда Торн останавливался, щурил свой единственный глаз и шёл дальше, руководствуясь чутьём. Алекс следил за его спиной и думал о том, что такому человеку, как Торн, можно доверить жизнь.

Он вспомнил слова Греты: «Если кого теряешь, надо, чтоб не зря. Чтоб хоть что-то после тебя осталось». Муж Греты ушёл в дозор и не вернулся. Она носила его арбалет и никогда не говорила о нём, кроме того единственного раза.

Что останется после него самого? Кольцо, которое непонятно что означает? Имя, которое никому ни о чём не говорит?

Алекс тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Не время. Калиостр сказал: «Бойся бездействия». Значит, нужно действовать.

К мельнице вышли за полночь. Она стояла на пригорке, окружённая с трёх сторон лесом, с четвёртой спуском к трак-

ту. Мельница была старая, покосившаяся, с провалившейся крышей и чёрными провалами окон. Крылья давно обвалились, оставив только каменный остов да деревянный механизм внутри. В лунном свете она напоминала скелет гигантского животного, рёбра балок, череп крыши, пустые глазницы окон.

- Рассредоточиться, - скомандовал Вайс. - Торн и Орландо - первый этаж, восточное окно и южный вход. Грета - лестничный пролёт, держи под прицелом главный вход. Марк и Стефан - у входа. Риса - на верхнюю площадку, оттуда вид на тракт. Наблюдать. В темноте не зажигать огня, не шуметь.

- Капитан, - подал голос Стефан, - а если придёт кто?

- Тихо доложить мне. Без моей команды не стрелять, не атаковать. Мы здесь глаза и уши, а не меч. Поняли?

Все кивнули.

- И ещё, - Вайс помолчал. — Если увидите эльдорийцев с таким знаком, - он показал на своём предплечье треугольник, - сразу ко мне.

Алекс вздрогнул. Он знал этот знак. Знал с того самого дня в переулке Берлимо. Вайс тоже знал или подозревал. Капитан ничего не говорил раньше, но теперь, перед лицом реальной угрозы, решил предупредить.

- Что за знак? — спросил Марк.

- Потом. Сейчас не до расспросов. Бальсамо, бери Лиама и обойди периметр. Проверь подходы. Если заметите что-то, то сразу назад.

- Понял.

Они выскользнули наружу. Луна наконец взошла, узкий серп, дающий мало света, но достаточно, чтобы различать очертания. Низина перед мельницей тонула в молочном тумане. Он стлался над землёй, поднимаясь до пояса, и создавал жутковатое ощущение, что ты стоишь не на земле, а на облаке.

Тракт угадывался где-то впереди, тёмная лента, рассекающая море белёсой мглы. Где-то там, за трактом, лежали земли, уже занятые эльдорийцами. Где-то там передовые отряды противника продвигались всё глубже в тыл.

- Красиво, - тихо сказал Лиам. - Как в сказке. Только в сказках в таких местах обычно живут ведьмы.

- Или засады, - ответил Алекс.

Они обошли пригорок с востока. Здесь туман был гуще, он напелзал от болота, что лежало в полулиге отсюда, и в нём тонули даже низкорослые деревья. Ветви, кривые и узловатые, выступали из мглы, как руки утопленников. Где-то капала вода, мерно, с равными промежутками. Кап-кап-кап.

- Алекс, - Лиам вдруг остановился. - Смотри.

Он указывал на землю. В неверном лунном свете Алекс разглядел следы. Не одиночные отпечатки, а цепочку, ведущую от тракта к подножию пригорка. Он присел на корточках, провёл пальцем по кромке следа.

- Сапоги. Широкий шаг. Человек пять-шесть.

- Свежие?

- Сегодняшние. Может, вчерашние. - Алекс поднял голову. - Смотри, как глубоко продавлены. Шли налегке, без вьюков. Разведка.

- Наши?

- Не уверен. Сапоги ровные, без заплаток. Так не ходят ополченцы. И каблук твёрдый. Армейский.

Они двинулись по следам. Те вели к россыпи валунов у восточного склона, туда, где пригорок переходил в небольшой обрыв. Алекс шёл первым, стараясь ступать бесшумно. Лиам держался позади, положив руку на эфес меча.

Запах дыма они почуяли раньше, чем увидели само кострище. Едва уловимый, горьковатый, такой бывает, когда жгут сырые ветки. Следы привели к естественной нише между валунами, где кто-то устроил небольшую стоянку.

- Были здесь, - прошептал Алекс, осматривая золу. - Недавно. Зола ещё тёплая.

- Почему ушли?

Ответа не понадобилось. В тишине, нарушаемой лишь капелью и далёким уханьем неясности, Алекс вдруг услышал звук. Не шаги. Не голос. Что-то иное, мерное, ритмичное, словно кто-то проводил металлом по камню. Ш-ш-шарк. Ш-ш-шарк. Ш-ш-шарк.

Оба замерли. Звук доносился из-за валунов, с той стороны, где туман был особенно плотным.

- Жди здесь, - одними губами приказал Алекс.

Он двинулся вперёд, перебегая от камня к камню. Лиам

остался позади, Алекс знал, что друг не ослушается, но и не уйдёт далеко.

С каждым шагом звук становился громче. Кто-то точил оружие, мерно, сосредоточенно. В этом звуке не было суеты, не было страха. Только спокойная, почти медитативная сосредоточенность.

За последним валуном открылась небольшая поляна. На ней, скрестив ноги, сидел человек. Перед ним на плоском камне горела маленькая масляная лампа, и в её неверном свете Алекс разглядел: незнакомец точил меч. Не обычный солдатский клинок, а узкий, чуть изогнутый, с тёмным лезвием, которое не отражало пламя, а поглощало его.

На человеке была эльдорийская форма, стандартная, армейская, без знаков различия. Но что-то в нём было не так. Алекс не сразу понял, что именно, и лишь приглядевшись, осознал: незнакомец сидел совершенно неподвижно, если не считать движения правой руки с точильным камнем.левой рукой он держал меч так, словно тот ничего не весил. Тело его было расслабленным, но не обмякшим, а скорее, как сжатая пружина, готовая распрямиться в любой миг.

И ещё, он не ёжился от холода. Не кутался в плащ. Не притоптывал ногами, чтобы согреться, хотя ночь была промозглой. Он просто сидел и точил меч, как будто холод для него не существовал.

Алекс хотел отползти назад и доложить Вайсу, но в этот момент человек поднял голову. Он не смотрел в сторону

Алекса, он смотрел куда-то в туман, словно видел сквозь него. Его глаза, тёмные и глубоко посаженные, отражали свет лампы двумя острыми точками.

- Можешь выйти, - произнёс он на общем языке, но с едва заметным акцентом, выдававшим уроженца северных провинций Эльдории. - Я знаю, что ты там.

Алекс замер. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за лигу. Как он узнал? Он не мог его видеть, валун был слишком большим. Не мог услышать, ветер дул в другую сторону.

Человек медленно отложил точильный камень и поднялся. Движения его были плавными, нечеловечески плавными, словно суставы у него были устроены иначе, свободнее, чем у обычных людей. Он не опирался на руки, вставая, просто перетёк из сидячего положения в стоячее, как вода перетекает из одного сосуда в другой.

- Выходи, - повторил он. - Я не нападу. Мне приказано только наблюдать.

Алекс не шелохнулся. Он не знал, что делать. Если этот человек действительно был из разведки, за ним могли стоять остальные. Если он был один, то его всё равно следовало обезвредить. Но Вайс приказал не вступать в бой.

Человек сделал шаг в сторону валуна, за которым прятался Алекс. Ещё шаг. И ещё.

И в этот миг из тумана позади врага бесшумно возникла фигура.

Алекс едва успел заметить лук, натянутую тетиву, серые глаза - холодные и спокойные, как всегда. Риса стояла на пригорке, там, где туман был реже, и её силуэт чётко вырисовывался на фоне звёздного неба.

Свистнула стрела. Эльдориец, даже не вскрикнув, схватился за плечо, куда она вонзилась чуть ниже ключицы. Он пошатнулся, выругался на своём языке и рухнул на одно колено.

- Уходим! - крикнула Риса, уже накладывая следующую стрелу. - Быстро! Их тут ещё минимум трое, я видела справа у ручья.

Алекс, не раздумывая, рванул к Лиаму. Тот уже выхватил меч и стоял в боевой стойке.

- К мельнице, живо! - скомандовал Алекс, и они бросились назад, петляя между валунов.

За спиной раздался ещё один выстрел - это Риса пустила вторую стрелу, прикрывая отход. Кто-то вскрикнул в тумане, не тот, первый, а другой, видимо, подоспевший от ручья.

Они вбежали в мельницу, тяжело дыша. Вайс уже был на ногах. Выслушав сбивчивый доклад, он не стал тратить время на расспросы.

- Уходим, - приказал он. - Немедленно. Если здесь разведка, скоро подтянутся основные силы. Риса!

Она появилась в дверях, запыхавшаяся, но спокойная.

- Двое ранены. Третий ушёл в болото. Четвёртого не видела.

- Следопыт?

- Нет. Обычные солдаты. Но тот, что сидел у лампы, он не обычный.

- Почему?

- Он мою стрелу вытащил, - Риса помедлила, - и ушёл. Я попала в плечо, навывлет. А он просто вытащил стрелу и ушёл в туман. Даже не пошатнулся.

Все переглянулись. Торн, стоявший у окна с мечом наголо, мрачно произнёс:

- Это не люди.

- Кончай, - оборвал его Вайс. - Люди. Просто другие. Уходим. Сейчас же.

Они покинули мельницу до рассвета. Шли быстро, без остановок, и только когда лагерь показался впереди, Вайс разрешил сбавить шаг. Марк и Стефан сразу повалились на траву, сказывалось напряжение. Грета молча села рядом, проверяя арбалет. Орlando стоял в стороне, глядя на восток, где небо уже начинало светлеть.

Только тогда Вайс подозвал Алекса к себе. Они отошли на несколько шагов, и капитан заговорил тихо, почти шёпотом:

- То, что ты видел не для всех. Понимаешь?

- Понимаю.

- Хорошо. Потому что такие вещи лучше не обсуждать при людях, которые не готовы их услышать. Большинство солдат сражаются с обычным противником. Они знают: есть враг, есть меч, есть смерть. Всё просто. А когда простота ис-

чезает... - Вайс запнулся. - Тогда начинается другое.

- Вы знали о них раньше? - спросил Алекс.

- Знал. - Капитан посмотрел ему прямо в глаза. - Я видел таких, как тот, у лампы. Дважды. Первый раз - много лет назад, когда был ещё лейтенантом. Мы наткнулись на отряд эльдорийской разведки, и один из них дрался так, что положил троих, прежде чем его взяли. Второй раз - прошлой осенью, у восточного перевала. Но тогда их было больше.

- Кто они?

- Не знаю точно. Говорят, есть место на севере, где готовят особых воинов. Они не маги, магии не существует. Но они другие. Быстрее, сильнее, выносливее. Будто природа дала им что-то, чего нам не досталось. - Вайс помолчал. - Торн не зря сказал про «не люди». Он старый вояка, он чует такие вещи.

- Капитан, - Алекс замялся, - этот человек... он знал, что я там. Он не мог меня видеть, но знал.

- Я слышал о таком. Говорят, они чувствуют присутствие. Как зверь чует добычу. - Вайс нахмурился. - Это значит, что они опаснее, чем я думал. Запомни, Бальсамо: если встретишь такого один на один - не геройствуй. Уходи. Ты им пока не ровня.

- Пока?

- Пока. - Вайс посмотрел на него странным взглядом - не оценивающим, а, скорее, размышляющим. - Ты быстро растёшь. Кто-то даже считает, что слишком быстро. Но, может,

это и к лучшему. Война становится другой, и нам нужны другие офицеры.

Он развернулся и зашагал к лагерю, оставив Алекса в раздумьях.

Вечером Алекс нашёл Рису у костра. Она сидела одна, чистила лук, и лицо её было спокойным, как всегда, словно и не было этой ночи, словно и не было человека с лампой, которого не брала стрела.

- Можно? - спросил Алекс.

Она кивнула. Он сел рядом.

- Спасибо, - сказал он. - За то, что на холме. Ты спасла мне жизнь. Я не успел бы.

- Лиам попросил, - ответила она, не поднимая головы. Лук в её руках мерно двигался, тетива вверх-вниз, вверх-вниз.

- Лиам?

- Он сказал, что у тебя дурное предчувствие. И попросил присмотреть. Не за ним, а за тобой.

Алекс покачал головой. Лиам. Вечно шутит, вечно балагурит и вечно замечает то, что другие пропускают.

- И поэтому ты пошла одна в туман? - спросил он.

Риса подняла глаза. В них, вопреки обыкновению, не было холода. Только усталость и что-то ещё, чему Алекс не мог подобрать названия.

- Я пошла, потому что он попросил. - Она помолчала. - Я не обязана была. Но пошла. И ты знаешь, что странно?

- Что?

- Я не жалею. Обычно я жалею, если делаю то, что не объясана. А сейчас - нет.

Она опустила лук и посмотрела в огонь.

- Он изменился, - сказал Алекс.

- Я знаю.

- Ты заметила?

- Я слепая не была. - Риса едва заметно усмехнулась, и эта усмешка, редкая, скупая, была дороже любой похвалы. - Он стал тише. Раньше он шумел, как ярмарочный зазывала. Теперь, как нормальный человек. Иногда даже молчит.

- Это ты его изменила.

- Я не просила меняться. - Она повернулась к Алексу. - Я вообще ни о чём не просила. Он сам.

- Ты ему нравишься.

Риса долго молчала, глядя в огонь. Потом тихо произнесла:

— Я знаю.

Они расстались у костра. Алекс пошёл к бараку, а Риса осталась сидеть, глядя в пламя. На полпути его перехватил Лиам, он стоял в тени барака, скрестив руки на груди.

- Ну что? — спросил он негромко.

- Что?

- Ты говорил с ней.

- Говорил.

- И?..

- Она сказала, что ты изменился.

- Это всё?

- Этого мало?

Лиам помолчал. Потом вдруг улыбнулся, не своей прежней широкой улыбкой, а той новой, тихой, которая появлялась у него всё чаще.

- Достаточно, - сказал он. - На сегодня достаточно.

Они вошли в барак. Внутри было тихо, все уже спали. Орландо лежал на боку, свернувшись калачиком. Грета похрапывала. Братья спали голова к голове, как в детстве. Торн сидел на койке и смотрел в стену, то ли молился, то ли вспоминал.

Алекс лёг и закрыл глаза. Ночь была долгой. Завтра предстоял рапорт генералу. Завтра - новые приказы, новые задачи. Но сейчас, в этой тишине, ему было легче, чем вчера.

Потому что он был не один. Потому что Риса пришла. Потому что Лиам ждал. Потому что отряд, пусть и собранный по остаточному принципу, стал для него большим, чем просто сослуживцами.

Алекс коснулся кольца. Руна чуть заметно мерцала в темноте. И на мгновение ему показалось, что он слышит голос Калиостра, далёкий, как эхо: «Ты не один».

Он улыбнулся и закрыл глаза.

Глава 13

Возвращение в лагерь вышло скомканным. Обычно после дозора отряд сразу шёл в барак спать, есть, чистить оружие. Но в этот раз Вайс, едва они миновали ворота, приказал строиться у штабной палатки. Вид у капитана был такой, словно он ожидал разноса и заранее к нему готовился.

- Ждите здесь, - бросил он и скрылся за пологом.

Отряд стоял молча. Солнце уже поднялось над частоколом, но утренний холод ещё не отпустил. Алекс кутался в плащ и думал о том, что генерал, скорее всего, уже знает о ночной стычке. Гонцы в лагере работали быстрее ветра, пока они шли обратно, кто-то уже доложил. И теперь Вайсу предстояло отвечать за то, что дозор вступил в бой вопреки приказу.

- Как думаешь, что нам будет? - тихо спросил Стефан. Его зубы выбивали дробь - то ли от холода, то ли от нервов.

- Ничего, - ответил Торн, не оборачиваясь. - Мы ж не нападали. Мы защищались.

- Это как посмотреть, - пробормотал Марк.

- А чего смотреть? - вмешался Лиам. - Если б мы не защищались, мы бы не стояли тут. Лежали бы там, у мельницы. И нас бы уже клевали вороны.

- Лиам дело говорит, - негромко добавила Риса. - Они первые нас засекли. Или почти засекли. Мы ответили. Это не

нападение.

Алекс молчал. Он вспоминал лицо того эльдорийца - спокойное, почти отрешённое, - и его слова: «Мне приказано только наблюдать». Если им приказано только наблюдать, значит, они были не одни. Значит, где-то там, в тумане, стояли другие, и они видели всё, что произошло.

Он снова и снова прокручивал в голове ту сцену: поляна, лампа на плоском камне, мерное движение точильного бруска. Человек, который двигался не так, как все. Который встал без усилия, перетёк из одного положения в другое, как вода. Который знал, что Алекс прячется за валуном, хотя не мог его видеть. Калиостр предупреждал о таких. И Вайс, судя по его реакции, тоже знал, или догадывался.

Но что больше всего тревожило Алекса, то это слова эльдорийца. Он сказал: «Можешь выйти. Я знаю, что ты там». Не «кто-то там», не «я слышал шаги». Он знал наверняка. И это могло означать только одно: у него было чутьё, которое превосходило обычные человеческие способности.

Вайс вышел из палатки минут через двадцать. Лицо его было непроницаемым.

- Отряд, в барак. Бальсамо и Лиам - за мной.

Они переглянулись. Это не предвещало ничего хорошего.

Внутри штабной палатки было натоплено. Генерал сидел за столом, заваленным картами, и выглядел усталым, видимо, его подняли задолго до рассвета. Рядом с ним стояли двое: незнакомый офицер в тёмно-синем мундире, явно не

из их батальона, и пожилой писарь с восковыми табличками. От мундира офицера исходил слабый запах дорогой кожи и чего-то ещё, может быть, духов, а может быть, столичных кабинетов.

Генерал поднял голову, оглядел вошедших и жестом указал на два табурета.

- Садитесь.

Они сели. Вайс встал у входа, скрестив руки на груди. Его поза была спокойной, но Алекс заметил, как побелели костяшки пальцев, капитан явно нервничал.

- Докладывайте, - произнёс генерал. - Всё, что видели. С подробностями.

Алекс докладывал первым. Он старался говорить сухо, по-уставному: время выхода, маршрут, обнаружение следов, кострище, встреча с противником. Старался не упустить ни одной детали, потому что знал: в штабе ценят точность. Генерал слушал молча, иногда кивая. Офицер в синем стоял неподвижно, но его взгляд, острый, изучающий, не отпускал Алекса ни на секунду.

Когда Алекс дошёл до человека у лампы, генерал прервал его:

- Опиши его. Подробно.

- Эльдорийская форма без знаков различия. Рост выше среднего. Возраст - около тридцати, может, чуть меньше. Движения... необычные. Плавные. Слишком плавные. Он не вставал - он перетекал из одного положения в другое. Как

вода.

Генерал и офицер в синем переглянулись. Писарь что-то быстро черкнул на табличке.

- Оружие?

- Меч. Узкий, чуть изогнутый. Лезвие тёмное, не блестит. Он его точил. Сидел и точил, как будто у себя дома. Как будто не было ни войны, ни дозора, ни нас.

- Дальше, - приказал генерал.

Алекс описал, как эльдориец засёк его, не видя, как Риса выстрелила из тумана, как они отступили. Когда он закончил, генерал повернулся к Лиаму:

- Ты что видел?

- То же самое, - ответил Лиам ровно. - Я был позади. Когда Алекс пошёл вперёд, я прикрывал. Видел человека у лампы. Видел, как Риса выстрелила. Больше ничего.

- Почему вы не ушли сразу, как обнаружили следы?

Лиам на мгновение замешкался. Алекс видел, как он подбирает слова, те, что не навредят ни им, ни Вайсу. Но капитан опередил его:

- Это я приказал проверить, генерал. Следы были свежими. Если бы мы не проверили, мы не знали бы о разведке противника в этом квадрате.

Генерал побарабанил пальцами по столу. Пауза затянулась. За пологом палатки кто-то прошёл, звякнуло оружие.

- Ладно. То, что вы обнаружили разведку - плюс. То, что вступили в бой - минус. Но учитывая обстоятельства... - он

помедлил, - минус списываю. Однако впредь, никакой самодеятельности. Если видите такого, как тот, то сначала доклад. Поняли?

- Так точно, - ответили оба.

- Идите. Вайс, задержись.

Алекс и Лиам вышли из палатки. Утреннее солнце уже припекало, и лагерь оживал: на плацу маршировала рота, у кухни дымили котлы, где-то ржали кони. Алекс остановился, переводя дух.

- Ты заметил? - спросил он негромко.

- Что?

- Тот офицер в синем. Он не проронил ни слова, но, когда я описывал эльдорийца, он подался вперёд. И что-то записал. Не писарь, а он сам.

- Думаешь, он из тех, кто знает?

- Думаю, да. - Алекс вспомнил слова Вайса о «кое-кто из штаба». Может, это и есть тот самый «кое-кто».

Они пошли к бараку. У входа их встретил Стефан, который, судя по выражению лица, уже мысленно похоронил обоих.

- Ну что? Расстрел? Штрафная? Клеймо на лоб?

- Отпустили, - ответил Лиам. - Сказали, герои.

- Врёшь.

- Вру. Но не расстреляли, и то хорошо.

Они вошли внутрь. В бараке было пусто, остальные, видимо, разошлись по делам. Алекс сел на койку и стянул са-

поги. Ноги гудели. Он вдруг почувствовал, как наваливается усталость, тяжёлая, свинцовая, какая бывает только после долгого напряжения, которое наконец отпустило.

- Алекс, - тихо позвал Лиам.

- Что?

- Тот человек у лампы. Ты сказал генералу не всё.

Алекс открыл глаза и посмотрел на друга. Лиам сидел напротив и вертел в руках кинжал, привычка, которая появилась у него в последние месяцы.

- Ты сказал, что он засёк тебя, не видя. Но ты не сказал, что он говорил. «Можешь выйти. Я знаю, что ты там». Я слышал. Я был за валуном.

Алекс помолчал. Потом кивнул:

- Не сказал. Потому что это не для генерала.

- А для кого?

- Для Калиостра.

Лиам перестал вертеть кинжал.

- Ты думаешь, этот эльдориец - из Башни?

- Не знаю. Но он не обычный солдат. И он не из разведки. Разведчики так не двигаются. И они не знают, что кто-то прячется за валуном, если их не видят и не слышат.

- Тогда кто?

- Этого я и хочу спросить у Калиостра.

Лиам откинулся на койку и уставился в потолок. Доски были старые, в пятнах плесени, кое-где виднелись следы подтёков.

- Знаешь, что меня больше всего пугает? - произнёс он после долгой паузы. - Не эти люди. Не их плавные движения. А то, что они здесь. В нашем тылу. На нашем берегу. Если они послали разведку, значит, скоро будет удар. И если этот удар будет таким же, как тот человек, быстрым, тихим, невидимым, то мы можем не успеть подготовиться.

- Поэтому мы и здесь, - сказал Алекс. - Чтобы успеть.

Он закрыл глаза и провалился в сон.

Разбудил его грохот. Не тревожный, обычный лагерный шум, но громче обычного. Алекс сел на койке и прислушался. Снаружи доносились голоса, топот копыт, скрип колёс. Кто-то приехал. И судя по суете - кто-то важный.

Он натянул сапоги и вышел наружу. У ворот лагеря толпились солдаты. В центре толпы стояла крытая повозка с гербом королевской канцелярии на дверце. Рядом с повозкой гарцевали четверо всадников в цветах королевской гвардии. Кони у них были отменные - вороные, с лоснящейся шерстью и дорогой сбруей.

- Кого это к нам? - спросил Стефан, оказавшийся рядом. Он стоял с открытым ртом, разглядывая повозку.

- Из столицы, - ответил Алекс. - Видишь герб?

- Вижу. Только не разбираю.

- Королевская канцелярия. Личные порученцы короля.

- Ого. - Стефан присвистнул. - И что им здесь нужно?

- Сейчас узнаем.

Из повозки вышел человек. Он был немолод, лет сорока

или чуть старше, но держался прямо, с той особой осанкой, которая выдаёт людей, привыкших к власти. Тёмно-синий камзол с серебряным шитьём, короткий плащ, на поясе меч, но явно парадный, не боевой. Лицо узкое, с резкими чертами, глаза глубоко посажены, взгляд острый, оценивающий.

Алекс замер.

Он знал это лицо. Знал эту походку, размеренную, тяжёлую, словно мир подождёт. Знал этот взгляд.

Калиостр.

Но не тот Калиостр, который сидел у костра за восточной стеной и говорил загадками. Не тот, что носил рваный плащ и мял в пальцах край рукава. Не тот, что учил его выживать в лесу и отличать правду от вымысла. Этот Калиостр выглядел иначе, старше, суше, официальнее. Как человек, который приехал с инспекцией и не намерен тратить время на любезности.

Он оглядел толпу, заметил Алекса, на мгновение их взгляды встретились, и тут же отвёл глаза. Ни намёка на знакомство. Ни тени узнавания.

- Где генерал? - спросил он у дежурного офицера. Голос его звучал сухо, по-деловому.

- В штабе, господин советник.

- Проводите.

И он ушёл, оставив за спиной шёпот солдат.

Алекс стоял как громом поражённый. Калиостр здесь. В лагере. Открыто. Как советник короля.

- Что с тобой? - спросил Лиам, подходя. - Ты бледный как смерть. Я тебя таким только раз видел, когда ты кольцо получил.

- Ты видел его?

- Советника? Видел. Важный тип. Такие обычно приезжают, когда дела плохи.

- Это Калиостр.

Лиам уставился на него.

- Тот самый?

- Тот самый.

- Но ты говорил, он скрывается. Что он в бегах. Что за ним охотятся. Что он живёт в тени, как призрак.

- Я так думал. - Алекс сглотнул. - Видимо, я ошибался.

Они стояли у барака и смотрели на дверь штабной палатки, за которой исчез Калиостр. Солнце поднималось всё выше, тени укорачивались, а лагерь постепенно возвращался к обычной жизни. Но для Алекса всё изменилось. Человек, который спас его, который учил его выживать и думать, который оставил ему кольцо и исчез, теперь стоял в сотне шагов от него. И он не узнал Алекса. Или сделал вид, что не узнал.

- Что будешь делать? - спросил Лиам.

- Ждать.

- Чего?

- Ночи. Если он здесь и не подошёл, то значит, не может подойти. Значит, есть причина. Днём я к нему не пойду.

- А если он сам не придёт?

- Придёт. - Алекс сжал кулак, чувствуя под рукавом холод металла. - Он всегда приходит тогда, когда я не жду. И всегда говорит то, чего я не жду. Это его метод.

День тянулся бесконечно. Отряд отсыпался после ночного дозора, приводил в порядок оружие, ел, снова спал. Калиостр не появлялся. Генерал и офицер в синем провели в штабе несколько часов, потом вышли, и по лагерю поползли слухи: столичный советник приехал с проверкой, инспектирует состояние обороны, будет допрашивать офицеров.

К вечеру слухи обросли подробностями. Говорили, что советник привёз секретный приказ. Что скоро будет наступление. Что их батальон перебросят на другой участок. Что Корвин подал рапорт с жалобой на Бальсамо, и советник будет разбираться лично. Последнее особенно встревожило Алекса, но он не подал виду.

Ближе к вечеру к нему подошёл Вайс.

- Бальсамо, зайди в штаб. Советник хочет тебя видеть.

- Меня?

- Тебя и Лиама. Обоих.

- Зачем?

- Не знаю. Велел прислать. - Вайс помедлил. - И Алекс... будь осторожен. Этот советник - непростой человек. Я слышал о нём. Он из тех, кто работает в тени. Такие не приезжают просто так.

Алекс переглянулся с Лиамом. Тот пожал плечами, но в глазах у него мелькнуло напряжение.

Они вошли в штабную палатку. Калиостр сидел за столом генерала, разложив перед собой карты и какие-то свитки. Кроме него, в палатке никого не было, даже писаря, даже офицера в синем. Когда полог за ними опустился, он поднял голову.

И улыбнулся.

Это была та самая улыбка, едва заметная, уголками губ, скорее тень улыбки, чем она сама. Та самая, которую Алекс помнил с первой встречи в переулке Берлимо.

- Садитесь, - сказал Калиостр прежним голосом, без официального холода, без инспекторской сухости. - Оба.

Они сели. В палатке было тепло, горела масляная лампа, и от её света лицо Калиостра казалось менее измождённым, чем в прошлые встречи.

- Значит, вот вы где, - произнёс он, разглядывая их. - Два младших офицера. А я помню тебя мальчишкой в переулке Берлимо. Ты не мог стоять на ногах и спрашивал, кто я.

- Я и сейчас иногда спрашиваю, - ответил Алекс.

- Правильно делаешь. - Калиостр перевёл взгляд на Лиаму. - А ты, сын купца, сбежавший из дома. Шутник. Остёр на язык. Впрочем, это я уже вижу.

Лиам открыл было рот - явно для какой-то шутки, - но Калиостр поднял руку:

- Не надо. Я не за этим позвал. Я здесь с проверкой, официальной. Но то, что я сейчас скажу - неофициально. И останется между нами. По крайней мере, пока.

- Башня? - спросил Алекс прямо.

- Башня, - подтвердил Калиостр. Он откинулся на спинку стула. - То, что вы видели на мельнице - только начало. Они прощупывают нашу оборону. Проверяют, где тонко. И судя по тому, что их разведчики уже здесь.

- Кто «они»? - Лиам подался вперёд, и его обычная весёлость исчезла без следа. - Что за люди? Почему они двигаются не как люди? Почему один из них знал, что Алекс прячется за валуном, хотя не мог его видеть?

Калиостр помедлил. Достал из складок плаща маленький свёрток, запечатанный воском, с гербом королевской канцелярии.

- Это приказ, - сказал он. - Официальный. В нём говорится, что отряд капитана Вайса переводится в распоряжение столичного командования и должен быть готов к выдвигению через три дня. Цель - Лунный город.

- Мы возвращаемся в столицу? - удивился Алекс. - Зачем?

- Временно. Это прикрытие. - Калиостр понизил голос и подался вперёд. - На самом деле вы нужны мне для другого дела. Я не могу рассказать всего сейчас - здесь слишком много ушей, даже в этой палатке. Но когда прибудем в Лунный, я всё объясню. Обещаю.

- Это связано с кольцом? - тихо спросил Алекс.

Калиостр посмотрел на него долгим взглядом.

- Напрямую.

- И с древними родами?

- И с ними.

- И с Башней?

- Больше всего - с Башней. - Калиостр поднялся, давая понять, что разговор подходит к концу. - Сейчас главное будьте осторожны. В лагере есть те, кто докладывает Башне. Я пока не знаю кто, но знаю, что есть. Возможно, Корвин. Возможно, кто-то выше. Не доверяйте никому, кроме своего отряда. И даже внутри отряда думайте, кому что говорите.

- Вы повторяете слова Вайса, - заметил Алекс.

- Значит, Вайс не глуп. - Калиостр кивнул. - Это хороший знак. Держитесь его. Он из тех, кто не предаёт.

- Калиостр, - окликнул его Алекс, уже взявшись за полог. - Тот человек... у мельницы... он понял, что я там. Не увидел, а понял. Как?

Калиостр замер. Его лицо на мгновение стало прежним - не советника короля, а человека, который видит тьму.

- Есть вещи, которые я пока не могу тебе объяснить, - произнёс он медленно. - Но одно скажу: то, что он тебя почувал - плохой знак. Очень плохой. Это значит, что они знают о тебе. Или догадываются.

- Но я ничего им не сделал.

- Ты существуешь. - Калиостр посмотрел ему прямо в глаза. - Для них этого достаточно.

Он отпустил полог, и разговор закончился.

Ночью Алекс снова не мог уснуть. Он лежал на койке, смотрел в потолок и прокручивал в голове каждое слово Ка-

лиостра. «Они знают о тебе». «Времени меньше». «Вы нужны мне для другого дела». «Ты существуешь - для них этого достаточно».

Что за дело? Куда они отправятся через три дня? И почему Калиостр, человек, который годами скрывался в тени, теперь вышел на свет и действует открыто? Что изменилось?

Рядом заворочался Лиам.

- Опять не спишь?

- Опять.

- Я тоже. - Лиам сел, обхватив колени руками. В темноте его лицо было едва различимо, только блестели глаза. - Алекс, я должен тебе кое-что сказать.

- Что?

- Не сейчас. Скоро. Но не сейчас. - Он помолчал. - Когда мы вернёмся в Лунный, я тебе всё расскажу. Кто я. Откуда я. Почему я сбежал. Обещаю.

- Почему не сейчас?

- Потому что я боюсь, что, узнав правду, ты перестанешь считать меня другом. А сейчас, когда всё так... - он не договорил.

Алекс сел и посмотрел на Лиаму. Тот сидел в темноте, сутулившись, и впервые за всё время выглядел не как беспечный шутник, а как человек, несущий на плечах груз, который больше его самого.

- Ты мой друг, - сказал Алекс медленно. - Что бы ты ни сказал, это не изменится. Но если ты не готов, то я подожду.

- Спасибо. - Голос Лиам дрогнул. - Знаешь, я всю жизнь искал того, кому можно верить. Не отцу. Не наставникам. Не тем, кто кланяется. Просто человека. И, кажется, нашёл.

Они замолчали. За стеной барака перекликались часовые. Где-то далеко, у коновязи, фыркали лошади. Ветер шевелил солому на крыше.

- Знаешь, что самое странное? - вдруг сказал Лиам. - Я скучаю по дому. Не по отцу, а по самому месту. По запаху сада после дождя. По тому, как скрипят ступени старой лестницы. По голосам слуг на кухне. Я никогда не думал, что буду скучать. А теперь...

- Теперь - война, - закончил за него Алекс. - На войне все скучают по дому.

- Даже те, у кого его не было?

Алекс подумал о родном городе. О переулке, где его избили. О крыше заброшенной мельницы, где Калиостр показывал ему огни города. О комнате с промасленным окном, где он пил горькие отвары.

- Даже те, - сказал он.

На следующее утро новость о переводе отряда в столицу разлетелась по лагерю. Реакция была разной. Корвин, встретив Алекса у плаца, процедил:

- Ну вот, Бальсамо. Сбегаешь в тыл, пока мы тут воюем?

- Мы едем по приказу, - спокойно ответил Алекс. - Если хочешь оспорить, то иди к генералу.

- Приказ приказу рознь. - Корвин скривился. - Уверен,

твой покровитель постарался.

Алекс ничего не ответил. Но слова Корвина засели в голове. Покровитель. Значит, слухи о связи Алекса с Калиостром уже пошли. И значит, враги, явные и тайные, об этом знают.

Вечером, за ужином, отряд собрался в бараке. Стефан, как всегда, болтал без умолку, строя догадки о том, зачем их переводят. Марк молчал. Грета ворчала, что не успела доделать новый болт для арбалета. Торн сидел в углу и, кажется, дремал.

- А я рада, - вдруг сказала Риса.

Все обернулись.

- Рада чему? - спросил Лиам.

- Лунный город - это не передовая. Там можно выспаться. Помыться. Сходить в нормальную таверну. - Она помолчала и добавила. - И там не стреляют по ночам.

- Ты устала? - тихо спросил Лиам.

- Все устали. - Риса посмотрела на него. - Но ты устал меньше других.

- Это потому что я...

- Потому что ты болтаешь, - перебила она, но уголки её губ дрогнули. - Болтовня отвлекает. От усталости. От страха. От всего.

- Так я и говорю: болтовня - лучшее лекарство.

- Лучшее лекарство - сон, - отрезала Грета. - Так что заткнитесь оба.

И они заткнулись. Но перед тем, как лечь, Лиам подошёл к

Рисе и что-то тихо сказал, так тихо, что Алекс не расслышал. Риса ничего не ответила, но, когда Лиам отошёл, на её лице была та самая редкая улыбка, которую Алекс видел лишь несколько раз за полгода.

- Спи, - сказал Алекс сам себе, закрывая глаза. - Завтра - новый день. И новые проблемы.

- Это само собой, - донёсся из темноты голос Лиама.

И оба усмехнулись.

Где-то там, за частоколом, в тумане низины, стояли люди, которые знали о них. Где-то там, в лагере, прятался предатель, докладывавший Башне. А где-то там, за три дня пути, ждал Лунный город, с его тайнами, интригами и ответами, которые Алекс искал всю свою жизнь.

Он сжал кольцо в кулаке и закрыл глаза.

Глава 14 «Пленники»

За пять дней до прибытия Калиостра в лагерь

Отряд сержанта Маркуса принял бой на рассвете.

Их было двадцать три, разношёрстный сброд, собранный из остатков трёх разных подразделений, разбитых в предыдущих стычках. Маркус, единственный кадровый офицер, получил приказ удерживать старую сторожевую башню у Западного тракта, пока основные силы отходят к Лунному городу. «Продержитесь сутки», - сказал ему майор, отводя глаза. Маркус понимал, что это значит. Он служил достаточно долго, чтобы знать: «продержитесь сутки» на языке штаба означает «умрите с пользой».

Но приказ есть приказ.

Башня стояла на невысоком холме, окружённом с трёх сторон лесом, а с четвёртой - обрывом, под которым текла быстрая река. Старое сооружение, сложенное из серого камня ещё при основателе Лунного града, давно обветшало: крыша прохудилась, деревянные перекрытия сгнили, но стены, толщиной в четыре локтя, ещё держались. Внутри башни было три этажа. Первый - склад и кухня, второй - казарма на двадцать коек, третий - наблюдательный пост. Снаружи башню опоясывал полуразрушенный каменный забор, кое-где укреплённый мешками с песком.

Первые три атаки они отбили.

Эльдорийцы шли волнами, как прибой: пехота под прикрытием лучников, потом снова пехота. Они карабкались по осыпающемуся склону, цепляясь за камни, и умирали десятками. Маркус грамотно расставил стрелков: на первом этаже, у окон, засели арбалетчики; на втором, у бойниц - лучники во главе с Корой. На третьем, на открытой площадке, Маркус разместил наблюдателя и двух копейщиков, на случай, если враг попытается зайти с обрыва.

Первая волна эльдорийской пехоты, около полусотни человек, пошла в лоб. Они бежали вверх по склону, выставив щиты и надрывая глотки боевым кличем. Кора, стоявшая у восточной бойницы, спокойно натянула тетиву, выцелила офицера, высокого, в шлеме с плюмажем, и отпустила. Стрела вошла точно в прорезь забрала. Офицер упал, даже не вскрикнув, и атака захлебнулась на полпути: потеряв командира, солдаты замешкались, а арбалетчики Маркуса превратили их в мишени. Два десятка тел остались лежать на склоне, остальные отступили.

Вторая волна пошла через полчаса. На этот раз эльдорийцы поумнели: они разделились на три группы и атаковали с разных сторон. Одна группа, под прикрытием лучников, засевших в роще, двинулась к западной стене. Другая попыталась обойти башню с юга, где забор был почти полностью разрушен. Третья, самая малочисленная, скрытно продвигалась вдоль обрыва.

Маркус разгадал их манёвр. Он стянул большую часть сил

к западной стене, оставив на южном направлении только Торвальда с четырьмя ополченцами и одним ручным арбалетом. Торвальд, старый ветеран с перебитым носом, криво ухмыльнулся, когда увидел наступающих: «Ну, идите, покойнички. У меня тут как раз стрела завалилась». Он стрелял экономно, редко, но каждый его выстрел находил цель. Из четырёх ополченцев двое дрожали и едва удерживали оружие, но Торвальд рывкнул на них так, что те мигом пришли в себя.

Южная атака захлебнулась первой: потеряв шестерых, эльдорийцы отошли. Западная группа держалась дольше - они добрались до самой стены, и началась рукопашная. Маркус сам встал в дверном проёме с мечом и щитом. Рядом с ним дрались двое братьев-близнецов из его родной деревни - крепкие парни, работавшие до войны кузнецами. Они орудовали тяжёлыми молотами, и каждый их удар проламывал шлемы и крушил кости.

Бой у дверей длился минут десять. Маркус зарубил троих, но и сам получил удар по шлему, от которого в глазах потемнело. Близнецы уложили ещё пятерых, прежде чем один из них, тот, что был младше на два года, пропустил копейный выпад в бедро. Он упал, истекая кровью, и старший брат, взревев, бросился в гущу врагов, размахивая молотом. Маркус не видел, как он погиб, только услышал, как смолкли его удары.

Когда дым рассеялся, у дверей лежали тела. Близнецы,

оба. Ещё один ополченец, которому перерезали горло. Трое эльдорийцев. Западная атака захлебнулась, но цена оказалась высока: минус четверо.

Третья атака, самая яростная, началась после полудня. Эльдорийцы подтянули резервы: теперь их было не меньше сотни. Они шли плотным строем, щит к щиту, и за их спинами гремели боевые барабаны. Маркус понимал, что эту атаку им не отбить. Слишком мало людей. Слишком мало стрел.

И всё же они держались. Кора, у которой оставалось всего полколчана, стреляла так часто, что пальцы кровоточили. Торвальд, израсходовав болты, взялся за топор. Маркус дрался в дверях, уже не думая о том, выживет ли, только о том, чтобы продержаться ещё час, ещё полчаса, ещё пять минут.

К исходу дня всё изменилось.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда дозорный, молодой парнишка по имени Берн, которому едва исполнилось семнадцать, вдруг закричал не своим голосом:

- Сержант! Смотрите!

Маркус обернулся и похолодел.

Из леса, что темнел в полулиге к северу, выходили новые отряды. Не пехота, что-то иное. Они двигались иначе: слишком плавно, слишком быстро, как вода, перетекающая через камни. Их было около тридцати, и у каждого на плече тускло поблёскивал знак: треугольник, вписанный в круг, символ, которого Маркус раньше никогда не видел, но от которого

почему-то заныло под ложечкой.

- Это ещё кто? - прошептал кто-то за спиной.

- Не знаю, - честно ответил Маркус. - Но они мне не нравятся.

Новые враги не стали ждать. Они двинулись вверх по склону без единого звука, без боевых кличей, без команд. Их молчание было страшнее любого крика. Эльдорийская пехота, до этого наседавшая на башню, расступилась, пропуская их вперёд. Когда первые из них достигли развалин, Маркус понял, что их не остановить.

Это был не бой. Это была бойня.

Один из нападавших, высокий, с бледным, словно никогда не видевшим солнца лицом, двигался так, что глаз не успевал за его мечом. Первым на его пути оказался Берн. Парнишка успел вскинуть меч, жалкий, зазубренный клинок, но враг просто рассёк ему горло, даже не замедлив шага. Кровь хлынула на камни, и Берн упал, захлёбываясь ею. Он ещё жил несколько мгновений, Маркус видел, как дёргаются его ноги, как пальцы скребут землю, а потом затих.

Другой, вооружённый двумя короткими клинками, ворвался в строй ополченцев у южной стены. Он двигался, как танцор, вращаясь, уклоняясь, нанося удары сразу в двух направлениях. За пять секунд он уложил троих. Первому рассёк бедренную артерию, и тот умер от потери крови, даже не поняв, что случилось. Второму вогнал клинок под мышку, туда, где доспех был тоньше. Третьего просто обезгла-

вил, голова покатила по камням, а тело ещё секунду стояло, прежде чем рухнуть.

Кровь была повсюду. Она брызгала на камни, на лица, на оружие, текла ручьями по неровному полу, собиралась в лужицы между булыжниками. Воздух наполнился запахом, сладковатым, тошнотворным, и те, кто ещё держался, начали задыхаться от этого запаха.

Маркус дрался. Он был хорошим мечником, одним из лучших в своём выпуске, но против того, кто противостоял ему, он чувствовал себя ребёнком с деревянной палкой. Враг не уставал. Не ошибался. Не давал ни единого шанса. Его клинок, тёмный и узкий, двигался быстрее мысли. Маркус парировал один удар, второй, третий, а потом пропустил четвёртый. Лезвие вошло ему под ключицу, разрывая мышцы и сухожилия, и он рухнул на колени, выронив меч.

Сквозь застилающую глаза пелену он видел, как гибнут остальные. Один из ополченцев, рыжий веснушчатый парень, имени которого Маркус так и не запомнил, попытался сдаться, бросив оружие и поднимая руки. Враг не остановился. Клинок рассёк его от плеча до пояса, и внутренности вывалились на камни. Другой, тот, что всё утро читал молитвы, умер на коленях, с пробитой головой.

Кора отстреливалась до последнего. Когда враги приблизились к её позиции, она выхватила кинжал и ударила одного в горло, единственное уязвимое место, которое сумела найти. Но второй, тот самый высокий, просто выбил кинжал из

её руки и ударил её в висок рукоятью меча. Она упала без сознания.

Торвальд, стоявший у восточной стены, убил двоих, прежде чем его сбили с ног. Он дрался топором, нанося широкие, мощные удары, и один из них достиг цели - рассёк плечо врага. Но враг даже не поморщился. Он просто перехватил топор, вырвал его из рук Торвальда и отбросил в сторону, а затем ударил старика кулаком в лицо. Торвальд, оглушённый, сполз по стене.

Через пять минут всё было кончено. Из двадцати трёх человек в живых остались трое.

Маркус, теряя сознание от боли и потери крови, видел, как победители переворачивают тела, осматривая убитых. Они не грабили, они искали что-то. Или кого-то. Один из них, тот самый высокий, наклонился над Корой, проверил пульс и что-то сказал своим, коротко, на незнакомом языке. Затем он подошёл к Маркусу, и тот провалился в темноту.

Очнулся Маркус в полной темноте.

Пахло сыростью, плесенью и чем-то сладковатым, тошнотворным, может быть, гнилой плотью, может быть, старыми подземельями. Голова гудела, плечо жгло огнём, но он чувствовал, что рана перевязана. Кто-то стянул её грубой тканью, и ткань уже пропиталась кровью, но кровь остановилась. Значит, его не собирались убивать. По крайней мере, сразу.

Рядом кто-то застонал. Маркус с трудом повернул голову

и разглядел в темноте силуэты. Люди. Его люди.

- Кто здесь? - прохрипел он.

- Я, - отозвался слабый голос. - Кора.

- И я, - произнёс другой, более низкий. - Торвальд. Живой, представь себе.

- Торвальд, - выдохнул Маркус. - Ты цел?

- Рёбра болят, но хожу. Нас трое. Остальные... - Он не договорил.

- Я знаю. Я видел.

Они замолчали. Где-то капала вода, мерно, с равными промежутками. Где-то скрипела дверь, которую открывал ветер.

И тогда из темноты раздался голос.

Он был чужим, не Кора, не Торвальд, не кто-либо из тех, кого Маркус знал. Голос был низким, хриплым, словно его обладатель не говорил много лет, но в нём звучала странная, неестественная ясность. Он доносился из дальнего угла темницы, оттуда, куда не достигал ни лунный свет, ни свет факелов.

- Новенькие, - произнёс голос. - Давно здесь не было новеньких.

Маркус замер. Его рука машинально потянулась к поясу, но меча там не было. Кора вжалась в стену. Торвальд, напротив, подался вперёд, вглядываясь в темноту.

- Кто здесь? - спросил он. - Покажись.

Из темноты донёсся звук, не то смех, не то кашель.

- Показаться? Ты хочешь, чтобы я показался? - Голос задрожал, но не от слабости - от какого-то давнего, застарелого гнева. —Что ж, смотри.

Луна, до этого скрытая облаками, вышла наружу, и в темницу проник серебристый свет. Он упал на дальний угол, и Маркус наконец увидел говорившего.

Это был старик. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Он сидел на каменном полу, привалившись спиной к стене, и его тело - измождённое, почти скелетообразное, было облачено в лохмотья, когда-то бывшие дорогой одеждой. Длинные седые волосы падали на плечи. Борода свалялась в колтуны. Но не это было страшным.

Страшным было то, что его тело было полупрозрачным.

Сквозь него, как сквозь дымку, просвечивали камни стены. Сквозь его грудь были видны трещины в полу. Его руки, сложенные на коленях, напоминали сгустки тумана, которые при каждом движении слегка меняли очертания. Он был призраком. Или почти призраком.

- Видишь? - произнёс он, и в его голосе звучала горькая усмешка. - Теперь ты видишь.

- Кто ты? - прошептала Кора.

- Кто я? - Старик поднял голову. Его глаза, единственное, что оставалось в нём по-настоящему живым, блестели в лунном свете. - Когда-то я был одним из них. Слугой Башни. Я верил в их дело. Я выполнял их приказы. Я убивал ради них. А когда я усомнился, когда я захотел уйти, они сделали со

мною это.

Он медленно поднял руку. Сквозь неё просвечивала стена. Он смотрел на свою руку с ненавистью и отчаянием.

- Гляньте! - произнёс он, и голос его зазвенел, наполняясь той самой мукой, что копилась в нём годами. - В лунном свете видно, что мы из себя представляем. Мы не живём, а потому нас не убить, но мы и не мертвы. Как долго я мучился от жажды и не мог утолить её. Как долго я желал смерти, но не умер. Я не могу ощущать капли воды, дуновение ветра и тепло женского тела!

Он замолчал, переводя дыхание. Тишина в подвале стояла такая, что слышно было, как где-то капает вода и как бьётся сердце Маркуса, часто, испуганно.

- Вам придётся поверить в легенды о призраках, - продолжил старик тише, почти шёпотом. - Вы среди них.

Маркус смотрел на него, не в силах отвести взгляд. Призрак. Перед ним сидел самый настоящий призрак - неживой, обречённый на вечное существование между мирами. И его слова были не просто жалобой. Это была исповедь человека, который потерял всё.

- Ты был в Башне? - спросил Торвальд. В его голосе не было страха - только мрачное любопытство старого солдата.

- Был. - Старик кивнул. - Я состоял в ней. Я был одним из её Стражей. Тех самых, что привели вас сюда. Тех, что убили ваших товарищей. Я был таким же, как они. Бесплотным. Бессмертным. И бесполезным.

- Почему бесполезным? - спросила Кора.

- Потому что я предал их. Я усомнился в том, что делает Башня. Я попытался остановить одну из казней, невинных людей, которых они хотели обратить в таких же, как я. Меня схватили. Судили. И бросили сюда. - Он обвёл рукой темницу. - Это было давно. Я не знаю, сколько лет прошло. Время здесь течёт иначе. Но я знаю одно: из этой темницы не выходят.

- Но мы здесь, - сказал Маркус. - Значит, и выход есть.

- Выход есть, - согласился старик. - Но не для меня. И, боюсь, не для вас.

- Почему?

- Потому что Башня привела вас сюда не для того, чтобы отпустить. - Старик посмотрел на Маркуса в упор. - Они оставили вас в живых, потому что вы им зачем-то нужны. Может быть, они хотят сделать вас такими же, как я. Может быть, хотят допросить. Может быть, вы - приманка для кого-то ещё. Но одно я знаю точно: просто так отсюда не уходят.

Он замолчал и закрыл глаза, словно разговор утомил его. Маркус переглянулся с Корой и Торвальдом. У всех троих на лицах было одно и то же выражение: страх, смешанный с решимостью.

- Как тебя зовут? - спросил Маркус.

Старик открыл глаза.

- У меня было имя. Когда-то. Теперь оно не важно. Зови

меня как хочешь.

- Я спросил, как тебя зовут, - повторил Маркус твёрдо.

Старик долго смотрел на него. Потом едва заметно улыбнулся, впервые за весь разговор.

- А ты упрямый. Это хорошо. Упрямые умирают дольше.

- Он помолчал. - Когда-то меня звали Эйнар. Я был Стражем Второго Круга. А теперь я просто узник. Узник, который слишком много знает, чтобы его убили, и слишком мало значит, чтобы его освободили.

- Эйнар, - повторил Маркус. - Мы вытащим тебя отсюда.

Эйнар посмотрел на него с сожалением.

- Это говорили многие. - Он снова закрыл глаза. - Но спасибо. За то, что назвал меня по имени. Я уже забыл, как оно звучит.

Дверь темницы заскрипела. Все трое обернулись. В проёме стояли двое Стражей, те самые, что привели их сюда. Их лица, как и прежде, были бесстрастны. Один из них - тот самый высокий, обвёл взглядом темницу и остановился на Эйнаре.

- Ты говорил с ними, - произнёс он без всякого выражения.

- Говорил, - подтвердил Эйнар, не открывая глаз. - А что, это запрещено?

- Нет. Но тебе не следовало пугать их.

- Я их не пугал. Я их предупредил. - Эйнар наконец открыл глаза и посмотрел на Стража. - Когда-то я был таким

же, как ты. А теперь я здесь. Подумай об этом.

Страж ничего не ответил. Он повернулся к пленникам:

- Завтра вас отведут к Магистру. Он решит вашу судьбу.

- А если мы не хотим ждать? - спросил Торвальд, сжимая кулаки.

- У вас нет выбора.

Дверь захлопнулась, и темнота снова поглотила их.

Маркус сидел, привалившись спиной к холодной стене, и слушал, как колотится сердце. Рядом дышали Кора и Торвальд. В углу молчал Эйнар, и его молчание было красноречивее любых слов.

Они были в плену у тех, кого не существует. В подземелье, из которого нет выхода. Их ждала встреча с теми, кто управлял этими призраками, с теми, о ком даже легенды молчали.

«Магистр», - подумал Маркус. Он не знал, что это значит. Но одно понимал ясно: выбраться отсюда будет гораздо труднее, чем удержать переправу. И возможно, им вообще не суждено выбраться.

Кора тихо всхлипнула в углу. Торвальд что-то зашептал, то ли молитву, то ли ругательство. Эйнар молчал. А Маркус закрыл глаза и стал ждать.

Больше ему ничего не оставалось.

Глава 15 "Воспоминания о прошлом"

Самая долгая дорога — не та, что ведёт через горы, а та, что проходит сквозь память. И однажды ты обнаруживаешь, что идёшь по ней босиком, а каждый камень — это лицо, которое ты больше никогда не увидишь. — Из записей Калиостра.

Воспоминание. Двадцать лет назад

Кабинет был погружён в полумрак.

Единственная масляная лампа горела на столе, отбрасывая на стены дрожащие тени. За окном, выходящим во внутренний сад дворца, уже сгустилась ночь - глубокая, тихая, какие бывают только в начале осени. Ветер едва шевелил ветви старых яблонь, и их тени, колышущиеся на шторе, напоминали чьи-то протянутые руки.

Двое мужчин сидели друг напротив друга. Один - в кресле с высокой спинкой, обитом потёртым бархатом. Второй - на простом деревянном стуле, который явно принесли с кухни. Между ними на низком столике стояли два стакана. В одном - тёмное вино. В другом - вода. И в воде, медленно тая, плавали кусочки льда.

Лёд в это время года был редкостью. Его привозили с гор,

завёрнутым в солому и опилки, и хранили в глубоких подвалах. Позволить себе лёд в стакане могли не многие, только короли. Но этот человек ещё не был королём - его коронация должна была состояться через месяц. Пока он был просто принцем Эдрианом. Молодым, неопытным, испуганным тем грузом, который вот-вот ляжет на его плечи.

Человек напротив него был немолод, но и не стар. Его возраст трудно было определить: измождённое лицо, глубокие тени под глазами, спутанные волосы с проседью делали его похожим на старика, но в глазах, тёмных, глубоко посаженных, горел такой яростный, такой неукротимый огонь, какой бывает только у тех, кто ещё не закончил свой путь. Одет он был в простую дорожную одежду, грубую, местами заштопанную, но держался с достоинством, которое не могли скрыть никакие лохмотья.

- Ты изменился, - произнёс принц.

Ты тоже.

- Я - да. - Эдриан отпил из своего стакана. - Корона отца тяжелее, чем я думал. Он умер три месяца назад. Ты, наверное, не знал.

- Я знал. - Человек в дорожной одежде опустил глаза. - Мне сказали, когда я вернулся.

- Когда ты вернулся, - медленно повторил принц. - Я думал, ты умер. Все думали, что ты умер. Тебя не было... сколько?

- Четыре года.

- Четыре года. - Эдриан поставил стакан на стол. Его рука чуть дрогнула. - Четыре года я считал тебя мёртвым. Я носил траур. Я заказывал панихиды. Я...

- Прости.

- Не извиняйся. - Принц поднял глаза. - Просто расскажи. Расскажи мне, где ты был.

Человек долго молчал. Он смотрел в свой стакан, где лёд уже почти растаял, превратившись в тонкие прозрачные пластинки. Потом заговорил, тихо, медленно, словно каждое слово давалось ему с огромным трудом.

- Ты помнишь тот день? - спросил он.

- Помню.

- Мы шли через ущелье. Ты был впереди, я прикрывал тыл. А потом начался обвал.

- Я думал, тебя завалило камнями, - тихо произнёс Эдриан.

- Не завалило. - Человек покачал головой. - Меня отбросило в сторону. Я упал в расселину, туда, где начиналась подземная река. Меня несло потоком несколько часов. Я думал, что утону. Я хотел утонуть. Но вода вынесла меня в какое-то подземное озеро, а оттуда - в пещеру. И там я остался.

Он замолчал на мгновение, переводя дыхание.

- Там не было ничего. Ни людей. Ни зверей. Ни солнца. Только камни и вода. И темнота.

- Как долго ты там пробыл? - спросил принц.

- В пещере? Месяца два, может, три. Я питался рыбой,

которая водилась в озере, и какими-то грибами, что росли на стенах. Я пытался найти выход, но все ходы вели либо в тупик, либо обратно к озеру. В конце концов я перестал искать. Решил, что останусь там навсегда.

Он отпил воды. Лёд звякнул о край стакана.

- А потом? - тихо спросил Эдриан.

- А потом я нашёл путь на поверхность. Узкий лаз, через который пробивался свет. Я полз по нему, сдирая кожу, и выбрался наружу. Но то, что я увидел... - Он замолчал.

- Что ты увидел?

- Остров. - Человек посмотрел на принца. - Я выбрался на остров. Небольшой остров посреди океана. Вокруг, насколько хватало глаз, была только вода. И я понял: я обменял одну могилу на другую.

Эдриан молчал. Он боялся перебить, боялся спугнуть то, что сейчас открывалось перед ним.

- Там я прожил ещё два года. - Человек смотрел в стакан.

- Там было три пальмы, скала с сухим деревом, источник с пресной водой и несколько кустов с ягодами. И ни одной живой души.

- И ты выжил?

- Выжил? - Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. - Я не выживал. Я существовал. Я просыпался, ел, пил, смотрел на океан и ждал. Первые месяцы я ждал корабля. Потом ждал смерти.

- И смерть не пришла.

- Смерть не приходит к тем, кто ждёт. Она приходит к тем, кто занят. А я был ничем не занят.

Он снова замолчал. В комнате стало очень тихо. За окном, в саду, запела какая-то ночная птица, одинокая, тоскливая.

- А потом что-то изменилось, - тихо произнёс Эдриан. - Я вижу по твоим глазам.

- Да. - Человек поднял взгляд. - Изменилось. Но прежде, чем это случилось, я кое-что сделал. Кое-что, о чём до сих пор стыжусь. Или не стыжусь. Не знаю.

Он глубоко вздохнул и заговорил, медленно, тяжело, вытalking слова, как камни.

- Я считал, что умру там. И единственное, что было в моей власти - это решить, где, как и когда я расстанусь со своей жизнью. Я сплёл верёвку. Из пальмовых волокон. Потом поднялся на вершину скалы, туда, где росло старое дерево, искорёженное ветрами. Я выбрал самый толстый сук, перекинул верёвку, завязал узел. Я решил опробовать её. Но сук не выдержал. - Он усмехнулся. - Я даже не мог убить себя так, как хотел. Это тоже было не в моей власти.

Эдриан сидел, не шевелясь. Его пальцы, сжимавшие подлокотник, побелели.

- И вдруг, - продолжал человек, - мне стало на удивление легко и просто на душе. Тогда я понял, что жизнь должна продолжаться, несмотря на то, что у меня не оставалось надежды. Я осознавал, что вряд ли когда-нибудь вернусь домой. И что же я делал? - Он посмотрел на принца. - Я жил

дальше. Продолжал дышать. Продолжал ловить рыбу. Продолжал встречать рассветы. Все ради нее... И вот в один прекрасный день всё изменилось. Прилив дал мне шанс - он выбросил на берег бревно. Большое, крепкое. И я построил плот.

- И ты уплыл?

- И я уплыл. Две недели в открытом океане. Без еды, без воды - только то, что взял с собой. Я думал, что умру от жажды. Я хотел умереть от жажды. Но меня подобрал торговый корабль. И вот я здесь. Дома. Вернулся. - Он поднял стакан. - Мы вместе разговариваем, и в моём стакане лёд. Тот самый лёд, о котором я мечтал там, на острове. Я представлял его себе каждую ночь. Холодный. Чистый. Тающий на языке. И теперь он у меня есть.

Эдриан долго смотрел на него. Потом спросил, тихо, почти шёпотом:

- Ты сказал: «Все ради нее». Кто она?

Человек замер. Его лицо, до этого спокойное, вдруг дрогнуло. Он медленно поставил стакан на стол, и лёд жалобно звякнул.

- Её звали Элира, - произнёс он. - Она пришла ко мне во сне. На острове. Я не знаю, была ли она реальной. Может быть, мне просто приснилось. Может быть, я сошёл с ума от одиночества и придумал её. Но она была со мной. Она говорила со мной. Она сидела рядом, когда я плакал, и гладила меня по голове, хотя у неё не было рук. Она была моей

женой. Моей дочерью. Моей матерью. Моим единственным другом. Она была всем, что у меня осталось.

Он закрыл глаза. По его щеке скатилась слеза, первая за весь вечер.

- А потом, когда меня подобрал корабль, она исчезла. Я звал её, но она не отвечала. Я искал её в толпе на пристани, но её не было. Она осталась там. На острове. И я никогда её больше не увижу.

Он замолчал. Эдриан сидел, не зная, что сказать. Тишина в комнате стояла такая, что слышно было, как тает лёд.

- Мне ужасно тяжело без неё, - прошептал человек. - Там она была со мной, и я благодарен ей за это. Я знаю, что мне теперь делать. Я буду жить дальше, потому что завтра будет новый день. И кто знает, что он принесёт?

Он поднял голову. Его лицо было мокрым от слёз, но в глазах снова горел тот самый огонь, который Эдриан помнил с юности. Огонь, который не могли погасить ни годы одиночества, ни мука, ни потеря.

- Я не спрашиваю, зачем ты вернулся, - тихо произнёс принц. - Я знаю. Ты вернулся, чтобы служить. Как и раньше.

- Как и раньше, — подтвердил человек. - Только теперь у меня нет имени. Того человека, которым я был, больше не существует. Он умер на острове.

- Как же мне называть тебя?

Человек задумался. Его взгляд упал на стакан, где растаял последний кусочек льда.

- Называй меня... - он помедлил, - Калиостр.

- Красивое имя. Что оно значит?

- Ничего. Просто звук. Но звуки важны, когда за ними что-то стоит. А за этим звуком - вся моя жизнь.

Эдриан кивнул. Он взял свой стакан с вином, посмотрел на свет и произнёс:

- За твоё возвращение, друг. Завтра будет новый день. А до тех пор - живи.

- Живу, - ответил Калиостр. - Впервые за долгое время живу.

Они молча допили. За окном, в саду, снова запела птица. На этот раз её песня звучала не тоскливо, а задумчиво, как обещание.

Где-то там, далеко, шумел океан, выбрасывая на неведомый берег обломки чужих судеб. А здесь, в кабинете с масляной лампой, двое старых друзей сидели и смотрели друг на друга, зная, что впереди - долгая дорога.

И никто из них ещё не знал, чем она закончится.

Глава 16 "Приезд в Лунный город"

Лунный город встретил их дождём.

Мелкая, почти невесомая морось висела в воздухе, превращая очертания белых башен в размытые акварельные силуэты. Отряд капитана Вайса вошёл в Восточные ворота ранним утром, когда город ещё только просыпался. Стук копыт по мокрой брусчатке, скрип колёс обозной телеги, приглушённые голоса солдат, все эти звуки тонули в мягкой, обволакивающей тишине, какая бывает только перед рассветом.

Алекс ехал рядом с Лиамом и смотрел на город, который когда-то показался ему чужим и враждебным. Теперь он возвращался сюда другим человеком. Не мальчишкой, что прятался в переулках. Не испуганным новобранцем, что впервые переступил порог казармы. Он был офицером. Он носил на пальце кольцо, о котором почти ничего не знал, но которое связывало его с чем-то гораздо большим, чем он сам. И где-то там, за белыми стенами дворца, его ждал человек, знавший ответы.

- О чём думаешь? - спросил Лиам. Он кутался в плащ, подняв воротник до самых ушей, и выглядел непривычно хмурым.

- О том, как здесь тихо, - ответил Алекс. - После лагеря, как в другом мире.

- Тишина обманчива. - Лиам бросил взгляд вдоль улицы,

где редкие прохожие жались к стенам домов. - Здесь тоже война. Только другая. Не мечами, а словами. Не кровью, а золотом. И здесь опаснее, чем на передовой, потому что врага не видно.

- Ты говоришь как человек, который знает, о чём говорит.

- Я говорю как человек, который здесь вырос.

Алекс хотел спросить что-то ещё, но в этот момент Вайс, ехавший впереди, поднял руку, приказывая остановиться. Они стояли перед массивным зданием с узкими окнами и коваными решётками - казармы Восточных ворот.

- Размещаемся здесь, - объявил капитан. - Привести себя в порядок. Обед в полдень. Вечером - построение. Вопросы?

- Когда нас вызовут? - спросил Алекс.

- Когда сочтут нужным. - Вайс помолчал. - Алекс, Лиам - вам отдельно: советник просил передать, что вы понадобится ему завтра утром. Быть готовыми.

- К чему?

- Этого он не сказал.

Казармы оказались куда более обустроенными, чем полевые бараки на севере. Здесь были настоящие койки с матрасами, а не соломенные тюфяки. Вдоль стен тянулись стойки для оружия. В углу общей залы стояла большая печь, сложенная из красного кирпича, и от неё волнами расходилось тепло. Пахло смолой, кожей и свежеспеченным хлебом, где-то рядом, видимо, располагалась полковая кухня.

Отряд разместился быстро. Все устали после трёхдневно-

го перехода и мечтали только об одном - выспаться. Даже неугомонный Стефан, едва добравшись до койки, рухнул на неё лицом вниз и через минуту уже похрапывал. Марк, его брат, сидел на соседней койке и молча перебирал вещи - привычное занятие, которое успокаивало его лучше любых слов. Грета, поворчав на сырость «Мой арбалет заржавеет раньше, чем мы отсюда выйдем», устроилась в углу и принялась разбирать своё снаряжение. Торн сидел у печи, глядя в огонь и, кажется, ни о чём не думая.

Риса, единственная из всех, не спешила ложиться. Она стояла у окна, скрестив руки на груди, и смотрела на улицу.

Лиам подошёл к ней.

- Ты чего не спишь?

- Не хочется.

- Волнуешься?

- Нет. - Она помедлила. - Просто в городе всегда так. Слишком много людей. Слишком много шума. Я выросла в лесу. Там тише.

- Ты никогда не рассказывала о себе, - заметил Лиам.

- Ты тоже.

- Я - другое дело. Я - загадочный красавец с тёмным прошлым.

Риса фыркнула. Лиам не мог понять, смеётся она или осуждает его, но решил считать, что смеётся.

- Ладно, - сказал он, - если не хочешь спать, пойдём прогуляемся. Я покажу тебе город. Настоящий, не тот, что видят

приезжие.

- Ты знаешь город?

- Я здесь вырос.

Она повернулась и посмотрела на него, долгим, изучающим взглядом, от которого ему всегда становилось не по себе.

- Ладно, - сказала она. - Пойдём.

Они вышли из казармы и направились в сторону Нижнего города. Лиам вёл её переулками, которые, казалось, знал наизусть: мимо старой булочной, где пекли лучшие пироги с мясом; мимо лавки оружейника, где когда-то купил свой первый кинжал; мимо фонтана, который не работал уже много лет, но вокруг которого всегда собирались уличные музыканты.

Риса шла молча, но её молчание не было напряжённым. Оно было спокойным, естественным, как молчание двух людей, которым не нужно заполнять каждую паузу словами.

- Почему ты сбежал из дома? - спросила она вдруг.

Лиам запнулся. Он ожидал этого вопроса - рано или поздно она должна была его задать, но всё равно оказался не готов.

- Долгая история.

- Мы никуда не спешим.

Он посмотрел на неё. Она стояла у старого фонтана, и капли дождя запутались в её волосах. Серые глаза смотрели на него - не холодно, как раньше, а спокойно, внимательно, с

тем терпеливым ожиданием, которое он так ценил.

- Мой отец, - начал он медленно, - очень богатый человек. И очень влиятельный. Он хотел, чтобы я продолжил его дело. Чтобы я стал таким же, как он. Но я не хотел. Я хотел... свободы.

- Свобода - это не место, - сказала Риса. - Это состояние.

- Ты сейчас говоришь как мой отец.

- Может быть, он не так глуп, как ты думаешь.

- Он не глуп. - Лиам отвёл глаза. - Он умён. Слишком умён. И в этом проблема.

Они прошли ещё немного и остановились у маленькой таверны, притулившейся между двумя домами. На вывеске был нарисован кривой петух. Лиам толкнул дверь.

- Здесь я когда-то просадил все карманные деньги, - сказал он с ностальгической улыбкой. - Мне было двенадцать. Отец потом неделю со мной не разговаривал.

- Ты в детстве играл в азартные игры?

- Я много чего делал в детстве. - Он улыбнулся, но улыбка вышла какой-то надтреснутой. - Пытался доказать, что я - не он. Что я могу быть другим. Что я имею право жить так, как хочу.

- И доказал?

- Пока не знаю.

Они сели за столик у окна. Лиам заказал два чая, травяного, как любила Риса. Она обхватила кружку ладонями и долго смотрела на пар, поднимающийся над ней.

- Ты никогда не спрашивал, почему я в армии, - сказала она.

- Не спрашивал.

- Почему?

- Потому что ты сама расскажешь, когда захочешь.

Риса помолчала.

- У меня был брат, - произнесла она тихо. - Старше меня на два года. Его звали Кейн. Он пошёл в армию, когда еще не началась война. Я осталась дома, с родителями. А через полгода пришло письмо. Он погиб.

Лиам молчал.

- После этого я не могла сидеть дома, - продолжила она.

- Я должна была быть там, где был он. Должна была сделать то, что не успел сделать он. Поэтому я здесь.

- Поэтому ты так хорошо стреляешь?

- Поэтому я так хорошо стреляю. - Она подняла глаза. -

И поэтому я не люблю, когда ко мне прикасаются. Кейн был единственным, кому я позволяла. Когда его не стало, я решила, что больше никому не позволю.

- Но ты позволила мне, - тихо сказал Лиам. - Тогда, в дозоре. Ты взяла меня за руку.

- Ты истекал кровью. Это другое.

- Нет, - он покачал головой. - Ты взяла меня за руку не потому, что я истекал кровью. Ты взяла, потому что испугалась. И это нормально.

Риса долго смотрела на него. Потом едва заметно улыб-

нулась:

- Ты иногда говоришь умные вещи.

- Иногда. Не привыкай.

Вечером того же дня Калиостр вызвал Алекса к себе.

Он занимал небольшой кабинет в восточном крыле дворца - скромный, без роскоши, с голыми стенами и единственным окном, выходящим во внутренний сад. На столе лежали карты и свитки. В углу стоял запёртый сундук, окованный железом. В камине горел огонь.

Когда Алекс вошёл, Калиостр стоял у окна спиной к двери. Он не обернулся.

- Садись.

Алекс сел. В комнате было тепло, но он чувствовал холод. Холод, исходивший не от стен, а от человека, стоявшего у окна. Сейчас Калиостр был не прежним - не тем, кто сидел у костра за восточной стеной. Сейчас это был советник короля. Человек, который работал в тени. Человек, который знал слишком много, чтобы спать спокойно.

- Ты хотел меня видеть, - произнёс Алекс.

- Хотел. - Калиостр повернулся. - Завтра тебя и Лиама представят королю.

Алекс ожидал многого, но не этого.

- Королю? Зачем?

- Потому что я так решил. - Калиостр сел за стол и сложил руки перед собой. - Ты знаешь, кто я такой. Я - советник Эдриана. Я работаю на него уже много лет. И всё, что я делал

для тебя, я делал с его ведома.

- Вы следили за мной по приказу короля?

- Я не следил. Я искал. - Калиостр посмотрел на Алекса в упор. - И когда я нашёл тебя в том переулке, я понял, что не ошибся.

- В чём?

- В том, что ты - последний. Последний из рода, который считался уничтоженным. Последний, кто может носить кольцо с восемью спицами. Последний, кто может остановить то, что грядёт.

Алекс молчал. В голове крутились обрывки: кольцо, треугольник с глазом, Башня, древние роды, слова Торна у костра.

- Что грядёт? - спросил он наконец.

- Война, - ответил Калиостр. - Но не та, что идёт на границе. Та война - лишь прикрытие. Настоящая война идёт в тени. Башня хочет уничтожить всё, что построил Эдриан. Всё, за что мы боролись. И ты - один из тех, кто может им помешать.

- Почему я?

- Потому что в тебе кровь, которая старше этого королевства. Кровь, которая даёт силу. Кровь, которую Башня хотела уничтожить, и почти уничтожила.

- И что мне делать?

- Учиться. Тренироваться. Ждать. - Калиостр поднялся. - А пока, готовься к завтрашнему дню. Король не знает, кто

ты. Для него ты - просто младший офицер, отличившийся на северном фронте. И для всех остальных - тоже. Понял?

- Понял.

- Тогда иди. И помни: в этом городе у стен есть уши. Не говори никому о том, что услышал здесь.

Алекс встал и направился к двери. У порога он остановился.

- Калиостр, - позвал он.

- Что?

- В лагере ходили слухи. Солдаты говорили, что эльдорийцы берут пленных, но не убивают их. Что с ними делают?

Калиостр долго молчал. Огонь в камине потрескивал, отбрасывая на его лицо пляшущие тени.

- Их увозят на север, - произнёс он наконец. - В место, которое называют Башней. Там из них делают слуг.

- Слуг? Каких слуг?

- Тех, кого ты видел на мельнице. Стражей. - Калиостр повернулся к Алексу. - Они не живые и не мёртвые. Они не чувствуют боли, не знают усталости, не могут умереть от ран. Башня забирает у них всё - тепло, вкус, память, и оставляет только одно: способность убивать.

Алекс почувствовал, как по спине пробежал холодок.

- И их нельзя спасти?

- Спасти? - Калиостр усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. - Спасти можно того, кто ещё жив. А они уже не живут. Они существуют. И единственное, что

для них может сделать друг - это подарить им смерть. Если сумеет.

Он отвернулся к окну.

- Иди, Алекс. Завтра тяжёлый день.

Алекс вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. В коридоре было пусто и тихо. Где-то далеко часы пробили полночь.

Глава 17 «Королевская аудиенция»

Власть - это не корона и не трон. Власть - это умение смотреть в глаза тому, кто от тебя зависит, и не отводить взгляд.

— Король Эдриан Фелдорский, из наставлений наследнику

Утро началось с суеты.

Алекс проснулся затемно оттого, что кто-то тряс его за плечо. Это был Лиам, уже одетый, причёсанный и, что самое удивительное, молчаливый. Он просто стоял над койкой с таким выражением лица, какого Алекс не видел у него никогда: ни страха, ни веселья - только собранность, холодная и какая-то неестественная.

- Вставай. Калиостр прислал за нами. Будем через час.

Алекс сел, растирая глаза. В казарме было тихо, остальные ещё спали. Где-то в углу похрапывал Стефан. Грета, свернувшись калачиком, укрылась плащом с головой. Торн сидел у печи и молча смотрел на угли, как всегда, не спал.

- Что с тобой? - спросил Алекс, натягивая сапоги.

- Ничего. Просто не люблю дворцы.

- Ты же говорил, что вырос в богатом доме.

- Одно дело - богатый дом. Другое - дворец. - Лиам отвернулся и принялся поправлять перевязь. - Там всё... по-дру-

гому.

Алекс не стал допытываться. Он быстро умылся ледяной водой из ведра, пригладил волосы и натянул чистую рубаху, которую предусмотрительно приготовил с вечера. Парадного мундира у него не было, только обычная офицерская форма, слегка потёртая на локтях, но чистая и опрятная. Он проверил, хорошо ли сидит перевязь, поправил ножны и на мгновение коснулся кольца. Металл был холоден.

- Готов? - спросил Лиам.

- Готов.

Они вышли в серый рассвет.

Лунный город просыпался медленно. Улицы были ещё пусты, лишь редкие торговцы открывали ставни лавок да где-то вдалеке громыхала телега. В воздухе пахло дождём, хотя небо было ясным. Они шли через Верхний город, и чем ближе становился дворец, тем выше и белее казались его башни, увитые утренней дымкой.

У ворот их встретил Калиостр. Он был в своём неизменном тёмно-синем камзоле, но сегодня к нему добавилась церемониальная цепь - тонкая, серебряная, с гербом королевской канцелярии. Выглядел он уставшим, но держался, как всегда, прямо.

- Слушайте внимательно, - начал он без предисловий. - Вас представят королю как младших офицеров, отличившихся в северной кампании. Он знает о ваших заслугах со слов генерала. Будет спрашивать о бое при дозоре, о развед-

ке. Отвечайте коротко, чётко, без лишних подробностей.

- А если он спросит о том, что мы видели на мельнице?

- уточнил Алекс.

- Не спросит. Это не для официальной аудиенции. - Ка-
лиостр помедлил. -- О вашем переводе в столицу он знает.

О цели перевода - нет. Пока.

- А что за цель? - спросил Лиам.

- Узнаете позже. А теперь идите.

Они вошли во дворец.

Главный зал поражал размерами. Высоченные своды, уходящие куда-то в полумрак, были расписаны фресками, изображавшими древние битвы и легендарных королей. Огромные витражные окна, занимавшие всю восточную стену, пропускали утренний свет, и тот дробился на тысячи цветных бликов, танцующих на мраморном полу. Вдоль стен стояли гвардейцы в парадных доспехах, неподвижные, как статуи. В воздухе пахло воском, благовониями и чем-то ещё, может, временем, а может, властью.

Лиам шёл рядом с Алексом, и его лицо оставалось каменным. Он даже не смотрел по сторонам, хотя Алекс ожидал, что он будет вертеть головой, как всегда. Но нет. Лиам смотрел прямо перед собой, и его пальцы, сжимавшие край перевязи, побелели.

- Всё нормально? - тихо спросил Алекс.

- Да. Просто... - Лиам не договорил.

В конце зала, на возвышении из белого мрамора, стоял

трон. Не помпезный, не усыпанный драгоценностями, как рисовали в детских книжках, а строгий, почти аскетичный: высокий стул с прямой спинкой, вырезанный из тёмного дуба, с гербом Фелдоры наверху. И на этом троне сидел человек.

Король Эдриан оказался старше, чем Алекс представлял. Не дряхлый старик, но и не молодой мужчина: глубокие морщины у рта, седина на висках, усталые глаза. Он был одет в простой тёмно-зелёный камзол без украшений, и единственным знаком его власти был массивный золотой перстень на левой руке. Он сидел, слегка наклонившись вперёд, и смотрел на вошедших с интересом, не царственным, а человеческим.

Рядом с тронем, чуть позади, стояли несколько придворных. Алекс узнал генерала, того самого, что допрашивал их в лагере. Ещё был тот офицер в синем мундире, уже знакомый по штабной палатке. И несколько человек в дорогой одежде, с цепями советников.

Калиостр подошёл к трону первым и занял своё место справа от короля. Он был единственным, кто стоял так близко к Эдриану, ближе, чем генерал, ближе, чем любой другой советник.

- Младшие офицеры Алекс и Лиам, - произнёс Герольд. - К королю Эдриану Фелдорскому, владыке Лунного града и защитнику земель.

Алекс и Лиам сделали несколько шагов вперёд и остано-

вились в пяти метрах от трона. Алекс поклонился, не низко, как учил Вайс: «Офицер не ломает спину, даже перед королём». Лиам поклонился чуть глубже, ровно так, как кланяются люди, привыкшие к придворному этикету.

Эдриан медленно поднялся с трона. Он спустился с возвышения и подошёл к офицерам.

- Бальсамо, - произнёс король задумчиво. - Мне докладывали о тебе. Бой у мельницы. Разведка в предгорьях. Поединок с баронетом Корвином.

- Так точно, ваше величество.

- Генерал говорит, ты действуешь не по шаблону. - Король слегка улыбнулся. - Это комплимент. Шаблоны хороши для парадов. На войне нужны те, кто думает.

- Благодарю, ваше величество.

Эдриан перевёл взгляд на Лиам. И в этот момент что-то изменилось. Улыбка короля, до этого лёгкая и почти отеческая, дрогнула. Его глаза, те самые усталые глаза, которые, казалось, видели всё на свете, вдруг расширились. На долю секунды. Но Алекс заметил.

Лиам стоял неподвижно, глядя королю прямо в глаза. Его лицо не выражало ничего.

- А ты, - произнёс король медленно, - должно быть, тот самый Лиам. Шутник. Остёр на язык.

- Так точно, ваше величество. - Голос Лиам звучал ровно. - Но сегодня я не в настроении шутить.

- Отчего же?

- От волнения. Всё-таки первый раз вижу короля.

Это была ложь. Теперь Алекс знал точно.

Эдриан смотрел на Лиама ещё мгновение, долгое, тяжёлое, а потом отвёл взгляд и вернулся к трону. Он сел и заговорил официальным тоном:

- За мужество, проявленное в северной кампании, за образцовое выполнение приказов и за личную храбрость, младшим офицерам Алексу Бальсамо и Лиаму присваивается звание лейтенанта королевской армии Фелдоры. Приказ будет зачитан перед строем. Кроме того, оба офицера переводятся в распоряжение советника по особым поручениям. Подробности вам сообщат позже.

Придворные зашептались, но никто не возразил.

- Аудиенция окончена, - произнёс Герольд.

Офицеры поклонились и двинулись к выходу. Но не успели они сделать и десяти шагов, как голос короля остановил их:

- Лейтенант Лиам. Задержитесь.

Лиам замер. Его спина напряглась.

- Идите, - тихо сказал Лиам. - Я догоню.

Алекс колебался. Но Калиостр, стоявший у трона, едва заметно качнул головой - мол, не вмешивайся. И Алекс вышел.

В коридоре он остановился у стены и стал ждать. Сердце колотилось. Он не знал, о чём король говорил с Лиамом, но уже начал догадываться. Слишком много мелочей складывалось в одну картину. Знание герба королевской канцеля-

рии. Манеры, не свойственные купеческому сыну. Поклон, слишком правильный для простолюдина. Взгляд короля - не гневный, не подозрительный, а... узнающий.

В тронном зале тем временем было тихо. Придворные покинули его почти сразу после аудиенции, остались только король, Калиостр и Лиам. Когда последний стражник закрыл за собой дверь, Эдриан поднялся с трона и медленно подошёл к сыну.

- Ты не должен был сбегать, - произнёс он глухо. - Не так.

- Я не мог иначе. - Голос Лиам дрогнул впервые за всё утро. - Ты хотел, чтобы я стал тобой. А я не ты. Я не умею сидеть на троне и слушать доклады, когда там, - он мотнул головой в сторону окон, - люди умирают.

- И поэтому ты записался в армию под чужим именем?

- Под своим. Просто без титула. - Лиам усмехнулся, но улыбка вышла горькой. - Лиам - это моё второе имя. Ты дал мне его при рождении. Принц Эдвард Лиам Фелдорский. Но принца Эдварда никто не знает в лицо, потому что ты всегда прятал меня от посторонних глаз.

Король молчал. Он стоял в двух шагах от сына, и его лицо, обычно спокойное, сейчас выражало странную смесь боли и гордости.

- Я знал, - тихо произнёс он. - Знал, где ты и что с тобой.

Калиостр докладывал.

- Калиостр? - Лиам резко обернулся к советнику. - Так вы...

- Я выполнял приказ твоего отца, - спокойно ответил Калиостр. - Присматривать за тобой. Не вмешиваться без крайней необходимости. Ты должен был пройти свой путь сам.

- И вы ни разу не вмешались? Даже когда нас могли убить?

- Ты справлялся. - Калиостр чуть склонил голову. - Я видел тебя на плацу. Видел в дозоре. Ты не прятался за чужие спины. Этого достаточно.

Лиам потрясённо молчал. Он вспомнил уроки фехтования в детстве - строгий наставник в тёмном плаще, который никогда не называл своего имени, но учил так, как не учил ни один придворный мастер меча. Неужели это был Калиостр?

Эдриан шагнул к сыну и положил руку ему на плечо.

- Я не сержусь, - сказал он. - Я скучал.

- Я тоже. - Лиам смотрел в пол. - Но я не вернусь. По крайней мере, пока война.

- Я и не прошу. - Король убрал руку. - Сражайся. Ты выбрал этот путь - пройди его до конца. Но помни: ты не просто лейтенант. Ты мой сын. И когда война закончится, Фелдоре понадобится наследник.

- Я понимаю.

- И ещё одно. - Эдриан посмотрел на Лиам в упор. - Твой друг, Алекс. Он знает?

- Нет. Пока нет. Я обещал рассказать ему сегодня.

- Расскажи. Он заслуживает правды. И... - король помедлил, - присматривай за ним. Калиостр говорит, что за ним охотятся. Те же, кто стоит за этой войной. Ты рассказал им?

- Сегодня расскажу, - ответил Калиостр. - Обоим.

- Тогда не смею задерживать. - Эдриан впервые улыбнулся
- устало, но тепло. - Иди. Тебя ждут.

Когда Лиам вышел в коридор, он увидел Алекса, стоящего у стены. Тот молча смотрел на него.

- Ты слышал? - спросил Лиам.

- Ни слова. Но догадываюсь.

- Я обещал рассказать. - Лиам глубоко вздохнул. - Пойдём.

Найдём место, где нас никто не услышит.

Они вышли в сад. Здесь было тихо и пусто — только старые яблони да замшелый фонтан, в котором не было воды. Лиам сел на каменный бортик и долго молчал, глядя на мокрую от дождя траву. Алекс ждал.

- Я - сын короля, - сказал Лиам наконец. - Моё полное имя - Эдвард Лиам Фелдорский. Принц Эдвард. Наследник престола.

Алекс медленно выдохнул. Он ожидал чего-то подобного, но услышать это вот так, прямо, было всё равно что получить удар под дых.

- Почему ты не сказал раньше?

- Потому что боялся. Боялся, что ты начнёшь относиться ко мне иначе. Что перестанешь быть другом. Что начнёшь кланяться.

- Я не кланяюсь, - спокойно ответил Алекс. - Даже королю.

- Я заметил. - Лиам усмехнулся. - Ты поклонился как офицер, а не как подданный.

- Ты поэтому сбежал из дома? Не хотел быть принцем?

- Я не хотел быть тем, кого из меня лепили. - Лиам посмотрел на свои руки. - Я не хотел всю жизнь просидеть во дворце, слушая льстецов и подписывая бумаги. Я хотел жить. По-настоящему. И хотел узнать, чего стою сам, без титула.

- И что ты узнал?

- Что я стою ровно столько, сколько готов отдать. Не больше и не меньше. - Лиам поднял глаза. - Ты первый, кому я это рассказал. Кроме отца и Калиостра, никто не знает. Даже Риса.

- Ты расскажешь ей?

Лиам долго молчал. В саду пела какая-то птица, одинокая, звонкая.

- Расскажу, - произнёс он наконец. - Сегодня. Она заслуживает правды.

- Заслуживает, - согласился Алекс.

Они посидели ещё немного, слушая птицу. Потом Лиам встал и отряхнул плащ.

- Знаешь, что самое странное? - сказал он. - Там, в тронном зале, когда я увидел отца, я вдруг понял, что он простой человек. Усталый, стареющий человек. Раньше он казался мне монументом. А теперь я вижу: у него морщины и седые волосы. И он скучает по мне. А я - по нему.

- Может, это и значит - вырасти, - сказал Алекс. - Перестать видеть в родителях богов и начать видеть людей.

- Может быть. - Лиам направился к выходу из сада. - Лад-

но, пойдём. Нас ждут. И у меня впереди ещё один тяжёлый разговор.

Вечером Лиам нашёл Рису.

Она сидела на ступенях казармы, всё так же глядя на город. Её лук лежал рядом. Она не чистила его, не проверяла тетиву, просто сидела и смотрела, как зажигаются огни в окнах домов.

- Можно? - спросил Лиам.

- Садись.

Он сел. Долго молчал, подбирая слова.

- Я должен тебе кое-что рассказать, - начал он. - То, что не говорил никому, кроме Алекса. И то, только сегодня.

Риса повернулась к нему. Её серые глаза были спокойны, как всегда.

- Я слушаю.

- Моё имя - не совсем Лиам. То есть Лиам - это второе имя. А первое... - Он запнулся. - Моё полное имя - Эдвард Лиам Фелдорский. Я сын короля.

Риса моргнула. Её лицо не изменилось, но пальцы, лежавшие на коленях, чуть сжались.

- Сын короля, - повторила она. - Тот самый, что сбежал из дворца.

- Ты знала?

- В городе ходили слухи. Говорили, что наследник пропал. Никто не знал куда. - Она помолчала. - Но я не думала, что это ты.

- Я скрывал это. От всех.

- Почему?

- По той же причине, по которой ты не любишь, когда к тебе прикасаются. - Лиам посмотрел ей в глаза. - Я боялся, что меня увидят не таким, какой я есть, а таким, каким хотят видеть. Принцем. Наследником. А я просто Лиам. Просто парень, который хочет выжить.

Риса долго смотрела на него. Потом, медленно, как будто пробуя воду, протянула руку и коснулась его плеча. Не схватила, не сжала, просто положила ладонь.

- Ты не перестал быть Лиамом, - сказала она тихо. - Ты всё тот же шутник, который улыбается, когда страшно. И для меня этого достаточно.

Лиам почувствовал, как к горлу подкатывает комок.

- Я думал, ты рассердишься, - прошептал он.

- Я не сержусь. - Риса убрала руку, но её глаза остались тёплыми. - Но если ты ещё раз скроешь от меня что-то важное, я тебя застрелю.

- Из лука?

- Из арбалета. Грета даст.

Лиам рассмеялся, не нервно, а легко, как раньше. Риса тоже улыбнулась.

Ночь опустилась на Лунный град, и вместе с ней пришла та особенная, глубокая тишина, какая бывает только в старых городах, помнящих ещё времена основателя. Где-то там, в восточном крыле дворца, король Эдриан сидел в одиноче-

стве перед портретом покойной жены - единственным, что осталось от неё в этом мире, кроме сына. Он смотрел на знакомые черты, на мягкую улыбку, которую помнил даже спустя столько лет, и думал о Лиаме, которого снова обрёл и снова отпустил. Думал о том, что его мальчик вырос без него, стал мужчиной среди грязи и крови, и в этом была и гордость, и боль. Он сделал глоток вина, того самого, что они пили когда-то с Калиостром после его возвращения, и прикрыл глаза.

Где-то далеко, за многие лиги отсюда, в подземельях Башни, трое пленников ждали своей участи. Маркус сидел, привалившись спиной к холодному камню, и слушал дыхание товарищей. Кора спала беспокойным сном, иногда всхлипывая во сне. Торвальд молчал, но его молчание было тяжелее слов. А старый Эйнар, бывший Страж, а теперь узник, смотрел в темноту и вспоминал жизнь, которую у него отняли. Никто из них не знал, что где-то в столице уже начали плестись нити их спасения, или гибели.

В казармах у Восточных ворот было тепло и тихо. Братья Марк и Стефан спали на соседних койках, укрывшись одним одеялом на двоих, как в детстве. Грета, сидя в углу, методично чистила арбалет, хотя он и так был безупречен - просто это помогало ей не думать о завтрашнем дне. Торн сидел у печи, глядя в угасающие угли, и вспоминал старые битвы, которые давно стали частью его самого, как шрамы, как седина, как единственный глаз, видевший больше, чем

иные два.

Алекс лежал на койке и смотрел в потолок. Сон не шёл. Он думал о том, что завтра начнётся новый день, и всё изменится. Завтра Калиостр расскажет им о деле, ради которого их перевели в столицу. Завтра тайна кольца, возможно, станет чуть ближе. Он коснулся металла под рукавом - кольцо было тёплым, почти горячим, и руна на нём слабо светилась в темноте. «Завтра», - повторил он про себя, чувствуя, как внутри борются страх и надежда. Страх перед неизвестностью, перед тем, что он может узнать о себе, и надежда, что всё это не случайно. Что мальчик из переулка был спасён не просто так. Что у его жизни есть цель.

За стеной казармы прокричал ночной патруль, где-то далеко пробили часы на башне. Алекс перевернулся на бок и закрыл глаза. Ночь плыла над городом, унося с собой последние часы перед рассветом.

Глава 18 «Выходной»

«Выходной в армии - как хорошая женщина: все о нём мечтают, но никто не знает, когда он случится и сколько продлится».

— *Армейская мудрость*

Утро началось с тишины. Такой глубокой, такой неестественной, что Алекс, проснувшись, первым делом проверил, не умер ли кто. Нет. Все были живы. Стефан дрых на своей койке, раскинув руки и ноги так, словно пытался обнять весь мир. Марк сидел у окна и читал какую-то потрёпанную книгу. Торн, как всегда, сидел у печи и смотрел в огонь. Грета разбирала арбалет, уже в третий раз за утро. Близнецы Ханс и Гюнтер играли в кости на щелбаны. Орlando сидел в углу и молча точил нож. Риса сидела на подоконнике и смотрела на улицу.

- Доброе утро, - произнёс Алекс.

- Доброе, - отозвался Марк, не отрываясь от книги.

- А где Лиам?

- В уборной, - ответил Стефан, не открывая глаз. - Сказал, что сегодня великий день.

- Почему великий?

- Потому что у нас выходной.

Алекс сел на койке. Выходной. Слово звучало как музыка.

Как песня, которую поют не пьяные ветераны, а нормальные люди. Как обещание...

Дверь распахнулась с такой силой, что Орландо выронил нож. В казарму влетел Лиам. Вид у него был такой, словно он только что выиграл войну в одиночку.

- НАРОД! - заорал он. - У меня есть план!

- О нет, - сказал Марк и закрыл книгу.

- Подожди, ты ещё не слышал! Мы идём в город! В таверны! В бани! И в места, где можно отдохнуть душой и телом!

- Ты про бордель? - уточнила Грета.

- Я бы предпочёл называть это «заведением для поднятия боевого духа», - ответил Лиам с достоинством. - И это только одна из остановок! Первая - «Кривая таверна». Вторая - бани. Третья - «Золотая лилия». И везде - приключения!

- «Золотая лилия», - повторила Риса ледяным голосом. - Это же...

- Лучшее заведение города! Но ты, Риса, можешь не ходить. Я понимаю, это не для...

- Я пойду, - сказала Риса, и в её голосе зазвенела сталь. - Чтобы посмотреть, как ты будешь выкручиваться.

- Выкручиваться? Из чего?

- Из всего.

- Я никогда не выкручиваюсь! Я импровизирую!

- Вот именно.

- Я за, - подал голос Стефан с койки. - Я «за» всеми частями тела. Даже теми, о которых ещё не знаю.

- Я тоже, - неожиданно поддержал Торн. Все обернулись.

- Там эль.

В казарме наступила благоговейная тишина. Торн согласился на поход в таверну. Это был исторический момент.

- Если Торн идёт, - произнёс Марк, - значит, это судьба.

- Судьба! - подтвердил Лиам. - Судьба ведёт нас! Вперёд!

В таверне было шумно, дымно и весело. Отряд занял длинный стол у окна. Эль лился рекой. Стефан, осушив вторую кружку, заявил, что он «философски настроен». Марк немедленно спросил, знает ли он слово «философски». Стефан ответил, что знает - это когда говоришь умные вещи, но никто не понимает. Грета заметила, что тогда он философ всю жизнь.

- Вы не понимаете моего величия! - обиделся Стефан.

- Мы понимаем только то, что ты уже пьян, - отрезала Грета.

- Я не пьян! Я одухотворён!

- Одухотворённые люди не пытаются уговорить дрова гореть.

- Это был эксперимент!

- Бухать меньше надо!

- Как говорил один мудрец: «Тут нет ни пьющих, ни бухающих, тут только бесстрашные воины, которые путешествуют по эмоциональным волнам через жидкие порталы, скрытые в стеклянных сосудах»!

Разговор перетёк на обычные солдатские темы. Вспомни-

нали лагерь, дозор у мельницы. Спорили, кто лучше стреляет: Риса или Грета. Обе молча переглянулись, и всем стало ясно, что этот спор ещё не закончен.

В этот момент дверь таверны распахнулась, и внутрь ввалилась компания из шестерых солдат. Судя по нашивкам - гвардейцы из дворцового гарнизона. Все как на подбор - высокие, плечистые, с надменными лицами. Их старший, рыжий детина с бычьей шеей, обвёл таверну взглядом и остановился на столике, где сидел отряд Вайса.

- Гляньте, - громко произнёс он, - свежее мясо. С севера, что ли?

- С севера, - спокойно ответил Лиам.

- И как там, на севере? Крыс уже едите?

- Только по праздникам. В будни предпочитаем эль.

За соседними столами засмеялись. Рыжий нахмурился.

- Остряк, значит? - Он шагнул ближе. - А ты знаешь, кто я?

- Понятия не имею, - сказал Лиам. - Но если ты сейчас скажешь, что ты важная персона, я, наверное, должен буду поклониться. Только предупреди заранее, у меня спина болит.

Рыжий побагровел.

- Ты, видимо, не понял, - процедил он. - Я сержант дворцовой гвардии. А ты - никто.

- Ну, - Лиам откинулся на спинку стула и улыбнулся, - это как посмотреть.

Рыжий замахнулся. Лиам нырнул под удар. Стефан запустил в рыжего глиняной кружкой. Кружка попала точно в лоб. И началось.

Это был хаос. Ханс и Гюнтер, близнецы-копейщики, действовали синхронно: один отвлёк ближайшего гвардейца, другой заехал ему в ухо. Гвардеец рухнул на пол, опрокинув стул. Марк, обычно тихий, вдруг оказался в гуще схватки и дрался с холодной методичностью - короткие, точные удары. Торн просто встал у стены, и когда один из гвардейцев попытался напасть на него, ветеран одним движением перехватил его руку и аккуратно, почти ласково, приложил лбом о столешницу. Гвардеец обмяк.

Грета не дралась. Она сидела в углу с арбалетом на коленях и, когда один из гвардейцев попытался схватить стул и запустить им в дерущихся, негромко произнесла:

- Если ты это сделаешь, я прострелю тебе колено.

Гвардеец замер. Посмотрел на арбалет. Перевёл взгляд на Грету. Медленно поставил стул на место.

Риса сидела на подоконнике, закинув ногу на ногу, и наблюдала. Но когда один из гвардейцев попытался подобраться к Лиаму со спины, она бросила короткий взгляд на Алекса. Алекс перехватил гвардейца и отправил его в полёт через стол.

Лиам дрался весело. Он уклонялся, подныривал, иногда отвечал, но больше дурачился. В какой-то момент он схватил со стола чью-то недопитую кружку и плеснул эль в лицо

очередному противнику.

- Прошу прощения! - крикнул он. - Это был не я, это эль!

- Ты!.. - зарычал гвардеец.

- Я! - радостно подтвердил Лиам и толкнул его в объятия Стефана.

Драка закончилась так же внезапно, как и началась. Рыжий сержант лежал на полу, придавленный перевернутым столом. Двое его спутников сидели у стены. Ещё двое стояли, подняв руки, - Грета держала их на прицеле. Шестой сидел на полу и икал.

- Ну что, - Лиам вытер пот со лба и обвёл взглядом поле боя, - кто-нибудь хочет добавки? Нет? Тогда предлагаю мировую.

- Какую ещё мировую? - прохрипел рыжий из-под стола.

- Обычную. Мы выпиваем вместе, и всё забыто.

- Ты думаешь, я буду пить с тобой после того, как ты...

- Да! Я угощаю. За мой счёт. То есть за счёт моего друга,

- он кивнул на Алекса, - но это детали.

Рыжий помолчал. Потом, кряхтя, выбрался из-под стола, отряхнулся и неожиданно расхохотался:

- А вы, ребята, не промах. Я думал, вы просто сброд с севера.

- Мы и есть сброд с севера, - подтвердил Лиам. - Но мы ещё и хорошо дерёмся.

- Это я заметил. - Рыжий потёр ушибленный лоб. - Меня зовут Гейб. А это мои парни.

- Лиам. А это мои парни. И девушки. Девушки у нас тоже дерутся. Или стреляют. Или сидят с арбалетом и смотрят так, что хочется сдаться.

Гейб посмотрел на Грету, которая всё ещё держала арбалет, на Рису, которая слезла с подоконника и теперь стояла, скрестив руки, и на всякий случай отступил на шаг.

- Понял. С такими девушками лучше дружить.

- Вот именно, - кивнула Риса.

Через полчаса все сидели за одним большим столом: отряд Вайса и дворцовые гвардейцы, и пили эль.

- Ты откуда такой ловкий? - спросил Гейб Лиама.

- Долгая история.

- Он у нас вообще загадочный, - вставил Стефан.

Когда принесли третью порцию эля, Лиам вдруг встал и постучал кружкой по столу.

- Так, народ! И ты, Гейб, тоже слушай. У меня важное сообщение.

- Ты женишься? - спросил Стефан, а сам косо смотрел на Рису.

- Нет.

- Ты проиграл все деньги? Хотя у тебя их и нет.

- Нет!

- Тогда что?

Лиам глубоко вздохнул.

- Я должен вам кое-что рассказать. Я скрывал это. Но сегодня - выходной, и я хочу, чтобы всё было честно. Я - на-

следный принц Фелдоры. Эдвард Лиам Фелдорский. Сын короля Эдриана.

В таверне стало тихо. Даже незнакомые солдаты за соседними столами обернулись.

Стефан открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Гейб поперхнулся элем и закашлялся.

- Ты... - прохрипел Гейб, утирая рот, - Вы - принц?!

- Ну да.

- Тот самый принц, которого я только что пытался ударить по лицу?!

- Ты не пытался, ты ударил, - уточнил Лиам, потирая скулу. - И, кстати, до сих пор больно.

Гейб побелел. Потом позеленел. Потом медленно сполз со стула и встал на одно колено.

- Ваше высочество, я... я не знал... прошу прощения...

- Встань, - вздохнул Лиам. - Встань, Гейб. Я тебя прощаю. Ты не знал. И вообще, это была отличная драка. Давно так не разминался.

- Но я ударил наследного принца!

- И я ударил тебя в ответ. Мы квиты.

Гейб медленно поднялся. Выглядел он так, словно ему только что сообщили, что он случайно пнул спящего дракона.

- А я вчера назвал тебя придурком! - вдруг осознал Стефан. - Я назвал принца придурком!

- Ты меня каждый день так называешь, - заметил Лиам.

- Но я не знал! Я думал, ты обычный придурок! А ты - королевский!

- Стефан, ты не помогаешь.

- Я вообще не помогаю! Я в шоке!

Грета, которая всё это время молчала, вдруг произнесла:

- Значит, когда ты проиграл мне спор и сказал, что отдашь королевство...

- Я пошутил

- А я уже прикидывала, куда поставлю трон.

- Грета!

- Что? У меня были планы.

Близнецы переглянулись и одновременно встали.

- Мы должны поклониться? - спросил Ханс.

- Нет! - простонал Лиам. - Не надо кланяться! Этого я и боялся! Поэтому и не говорил!

- А чего ты боялся? - спросил Марк.

- Что вы перестанете считать меня своим. Что начнёте кланяться. Стефан, перестань!

Стефан, который уже наполовину сполз со стула, замер.

- Я просто хотел выразить почтение.

- Выражай почтение, как обычно - называя меня придурком!

- Ты серьёзно?

- Серьёзно! Я для вас - просто Лиам. Понятно?

- Понятно, - хором ответили все, хотя Стефан всё ещё выглядел так, словно его ударили мешком по голове.

Гейб, который к этому моменту немного пришёл в себя, вдруг расхохотался:

- Ну и ну. Я пришёл в таверну выпить эля, а в итоге подрался с наследным принцем и остался жив. Это будет лучшая история для моих внуков!

- Только рассказывай её аккуратно, - предупредил Лиам.
- Без подробностей про то, как ты меня стукнул.

- Я скажу, что мы сражались плечом к плечу!
- Это мы тоже делали. Пять минут спустя. Против моих же друзей.

- Детали!
- Вот именно.
- Слушай, - Гейб вдруг стал серьёзным, - а зачем ты вообще здесь? В армии, на севере, в этой таверне? Почему не во дворце?

Лиам помолчал. Потом ответил:

- Потому что я хотел узнать, чего стою сам. Без титула. Без охраны. Без всех этих «ваше высочество». И знаешь что? - Он обвёл взглядом свой отряд. - Я узнал. Я стою ровно столько, сколько готов отдать. И у меня есть друзья, которые принимают меня таким, какой я есть. Даже когда я пою.

- Особенно когда ты поёшь, - вставил Алекс. - Тогда мы тебя особенно принимаем. Потому что это надо пережить.

- Эй! У меня прекрасный голос!
- У тебя прекрасный голос для того, чтобы пугать врагов,
- уточнила Риса.

Все рассмеялись. Даже Гейб, который уже окончательно расслабился.

- Ладно, - сказал Лиам, поднимая кружку, - за нас! За сброд с севера! За новых друзей! И за выходной!

- За выходной! - проревел весь стол.

А потом они пели.

Лиам затянул первым. Он хлопнул ладонью по столу, и над таверной понеслась старая армейская песня, та, что поётся в походе, чтобы не думать о мозолях, и в таверне, чтобы не думать о завтрашнем дне.

*Эх, сапоги мои худые,
Шагаем мы в края чужие!
Врага найдём - побьём, прогоним,
А после - выпьем и застонем,
Что эль не тот, что суп не густ,
Зато в груди огонь, не хруст!
Наш капитан - орёл степной,
Ведёт нас в бой, ведёт домой,
А если ранят - не беда,
Подлечат, вставят, хоть куда!
И снова в строй, и снова в путь,
Солдату надо отдохнуть,
Налить, поднять, за друга пить,
И завтра - снова вражью пруть
Крушить, ломать, колоть, рубить!*

Отряд подхватил с первой строки. Стефан орал громче всех, Марк выводил мелодию на удивление чисто, близнецы бухали в такт кружками, даже Торн что-то басовито гудел себе под нос. Грета снисходительно кивала, а Риса, не удержавшись, тихонько отбивала ритм пальцами по столу. Гейб и его гвардейцы тоже запели, песня была известна каждому, кто хоть раз держал в руках меч.

Когда последний куплет отгремел, в таверне на мгновение повисла тишина. Лиам, покрасневшийся и довольный, обвёл взглядом слушателей:

- Ну? Как вам?

- Честно? - спросил Алекс.

- Только честно.

- Уши заживают дольше, чем раны.

Гейб поперхнулся элем. Стефан заржал в голос. Марк, не удержавшись, фыркнул, а Риса, закрыв лицо ладонью, тихо засмеялась - беззвучно, вздрагивая плечами.

- Это, между прочим, оскорбление королевской особы! - возмутился Лиам, но глаза его сияли. - Когда-нибудь я напишу это в мемуары!

- Ты писать не любишь, - заметил Марк.

- Тогда Алекс напишет! Он свидетель. Пусть запомнит. И напишет.

Алекс поднял кружку:

- Запомню. И напишу. «На войне самое страшное - не

враг, не голод и не холод. Самое страшное - когда твой друг-принц решает поднять боевой дух и начинает петь. Уши заживают дольше, чем раны». Пойдёт?

- Пойдёт! - хохотнул Гейб. - Я эту фразу на всю жизнь запомню.

- Я тебе запомню, - пообещал Лиам. - Прямо на лбу.

- Драться опять будем? - оживился Стефан.

- Нет! Мы уже дрались. Теперь - пьём.

И все выпили. А фраза осталась, чтобы однажды, много лет спустя, Алекс действительно включил её в свои мемуары. Но это будет потом.

Вечер продолжился в банях - в тех самых, что славились на весь Лунный град горячими источниками. Стефан, войдя в парную, немедленно поскользнулся и рухнул в бассейн, подняв фонтан брызг. Марк, сидевший на краю, был облит с головы до ног и посмотрел на брата с выражением, которое обещало долгую и мучительную месть.

- Я не специально! - отфыркивался Стефан.

- Ты никогда не специально. Но это всегда происходит.

- Это дар!

- Это проклятие. Для окружающих.

Торн сидел в самом горячем бассейне и молча наслаждался теплом. Грета, единственная, кто отказалась от купания, сидела в предбаннике с арбалетом и читала брошюру. Близнецы плавали наперегонки. Орlando просто сидел в воде и смотрел в потолок.

Риса в бани не пошла, сказала, что подождёт снаружи. Но когда Лиам вышел, раскрасневшийся и довольный, она стояла у входа и ела яблоко.

- Ну как? - спросила она.

- Отлично! Жаль, что ты не пошла.

- Я предпочитаю мыться одна.

- Когда я стану королём, я построю тебе личную баню.

- Ты уже раздал полкоролевства. Грете - трон, мне - баню.

Что останется тебе?

- Армия. И друзья. - Он улыбнулся. - Мне этого достаточно.

«Золотая лилия» встретила их красными шторами и запахом духов. На пороге стояла немолодая женщина с пышной причёской и оценивающим взглядом.

- Добрый вечер, господа офицеры, - пропела она. - Желаете отдохнуть?

- Желаем, - ответил Лиам. - У вас есть свободные комнаты?

- Для такой большой компании? Найдём. - Она обвела взглядом отряд и задержалась на девушках. - А девушки с вами?

- Они наш моральный ориентир, - пояснил Лиам.

- Что?

- Они следит, чтобы мы не слишком увлекались.

- Понятно. - Женщина кивнула, хотя явно ничего не поняла. - Проходите.

Внутри было тепло, уютно и пахло духами. Девушки в красивых платьях сидели на диванах и смотрели на вошедших с профессиональным интересом. Стефан немедленно покраснел и начал заикаться.

- Я... это... здравствуйте...

- Здравствуй, - улыбнулась одна из девушек. - Как тебя зовут?

- Сте... Стефан. Я солдат. С севера. Там холодно. А здесь тепло. У вас красивое... платье.

- Спасибо.

- Я, наверное, пойду... посижу... вон там... - И он буквально отступил в угол, где и просидел следующие полчаса, пытаясь слиться со стеной.

Марк сохранял невозмутимость. Торн, к удивлению всех, подошёл к одной из девушек, той самой, с которой говорил Стефан, и вежливо спросил:

- Не желаете ли сыграть в кости?

- В кости? - Девушка удивлённо подняла бровь. - Здесь обычно играют в другое.

- Я предпочитаю кости.

Она рассмеялась, но согласилась. Через десять минут они уже сидели за маленьким столиком и увлечённо бросали кости, а Торн что-то тихо объяснял про тактику и стратегию.

Близнецы, Ханс и Гюнтер, устроились на диване и о чём-то спорили, как всегда, вполголоса, заканчивая фразы друг за другом. Орландо просто сидел в кресле с кружкой. Риса

стояла у стены, скрестив руки, и смотрела на всё это с выражением, которое Алекс не мог расшифровать.

- Ты как? - спросил он, подходя.

- Нормально. Это забавно.

- Что именно?

- Смотреть, как Стефан пытается заговорить с женщиной.

Алекс обернулся. Стефан всё ещё сидел в углу и теперь разговаривал с другой девушкой, которая, кажется, сама к нему подошла. Он отчаянно жестикулировал, пытаясь что-то объяснить, а девушка смеялась. Не над ним, а вместе с ним.

- У него получается, - заметил Алекс.

- Удивительно, - признала Риса.

Поздней ночью, когда все возвращались в казармы, Стефан, шатаясь, подошёл к Алексу и обнял его за плечи. От него пахло элем, духами и ещё чем-то сладким, кажется, пирогом, который он где-то раздобыл.

- Слушай... я хочу сказать...

- Ты пьян, Стефан.

- Я знаю! - радостно подтвердил он. - Но я хочу сказать: я рад, что я в этом отряде. Даже если Лиам - принц. Даже если Торн играет в кости с девушками из борделя. Даже если Грета угрожает всем арбалетом. Вы - лучшие. Правда.

- Ты тоже, Стефан.

- Я знаю! - Он просиял. - Я вообще замечательный! Просто вы ещё не поняли!

- Мы поняли, - сказал Марк, поддерживая брата с другой

стороны. - Мы поняли это в тот момент, когда ты упал в бассейн.

- Это был тактический манёвр!

- Это был просто Стефан, - сказала Риса, и все засмеялись.

Утро обещало быть тяжёлым. Все знали, что завтра Калиостр наверняка вызовет их и даст новое задание. Что война никуда не делась. Но это будет завтра.

А сегодня они смеялись, пили, пели, дрались и мирились. Сегодня Торн играл в кости, Грета угрожала арбалетом, Стефан падал в бассейн, а Лиам пел, и никто не жаловался. Ну, почти никто.

- Я всё ещё не верю, что ты принц, - пробормотал Гейб, когда они прощались у входа в казармы.

- Привыкай, - ответил Лиам.

- И я всё ещё не верю, что ударил тебя.

- Это был хороший удар. У тебя талант.

- Спасибо, ваше высочество.

- Просто Лиам.

- Просто Лиам, - повторил Гейб и вдруг улыбнулся. - Знаешь, это звучит лучше.

Он отдал честь, не формально, как на плацу, а как-то подружески, и ушёл в темноту, насвистывая ту самую походную песню, которую они орали хором.

Отряд зашёл в казарму. Все расселись по койкам. Торн сразу лёг. Грета ещё раз проверила арбалет, просто на всякий случай. Близнецы затихли. Орландо свернулся калачи-

ком. Стефан рухнул на койку и тут же захрапел. Марк аккуратно сложил одежду и лёг. Риса сидела у печи и смотрела в огонь.

- Ты как? - спросил Лиам, садясь рядом.

- Нормально.

- Правда?

- Правда. - Она помолчала. - Хороший был день.

- Согласен. Даже несмотря на то, что меня стукнули.

- Ты сам напросился.

- Я всегда напрашиваюсь. Это часть моего обаяния.

- Это часть твоей глупости, - сказала Риса, но уголки её губ дрогнули.

- Ты улыбаешься!

- Нет.

- Улыбаешься! Алекс, ты видел? Она улыбается!

- Я видел, - подтвердил Алекс с койки. - Это исторический момент. Надо записать на стене.

- Не надо, - сказала Риса. - Я умею улыбаться. Просто делаю это редко.

- Почему?

- Потому что если я буду улыбаться часто, вы расслабитесь. А вам нельзя расслабляться.

- Мудро, - признал Лиам. - Но сегодня можно. Сегодня - выходной.

Риса ничего не ответила. Но когда Лиам уже лежал на койке, она тихо произнесла:

- Спокойной ночи, Лиам.

- Спокойной ночи, Риса.

Глава 19 «Волк и Ястреб»

«Старые друзья - как старые мечи: чем дольше лежат в ножнах, тем больше встреча».

— Из записок неизвестного офицера

Ночь над крепостью Арто была тихой.

Слишком тихой.

Тысячник стоял на стене, опираясь на меч, и смотрел в темноту. Где-то там, за пеленой тумана, притаилась армия Эльдории. Десять тысяч клинков против его потрёпанного гарнизона. Семь дней боёв. Семь дней он слушал, как осадные машины крушат стены, которые строил ещё его отец. Семь дней хоронил людей, с которыми служил годами.

Сегодня будет восьмой. И, возможно, последний.

За его спиной, в полуразрушенном зале, ещё горели факелы. Офицеры ждали приказа. Карта на столе была исчерчена пометками: синие стрелки подкреплений, которые так и не пришли, красные круги вражеских позиций, которые с каждым днём сжимались всё туже. Тысячник знал эту карту наизусть. Знал каждый овраг, каждый камень, каждую тропу. Но знание не заменяло людей.

— Граф Бире в двух днях пути, — доложил адъютант. — Если продержимся...

— Если, — повторил Тысячник. — Мы держимся сядь-

мой день. Люди вымотаны. Стены трещат. Ещё одна атака — и ворота не выдержат.

Он не добавил: «И я знаю, кто стоит напротив». Но эта мысль жгла его сильнее, чем все раны, полученные за эти дни.

Генерал Эдвард.

Десять лет назад они были наёмниками. Тысячнику тогда было под тридцать, Эдварду -едва восемнадцать: мальчишка, только начинавший свой путь, но уже с холодными серыми глазами и талантом, который пугал даже бывалых во-як. Они дрались плечом к плечу в одной из бесчисленных пограничных стычек, делили хлеб и вино, спорили о тактике, мечтали о будущем. У них не было имён, только кликухи, которые дают в отрядах. «Волк» и «Ястреб». Волк - за упрямство, с которым Тысячник держался за жизнь. Ястреб - за стремительность, с которой Эдвард наносил удары.

Теперь Ястреб стоял по ту сторону стены.

И Волк ждал его.

В полночь началось.

Сперва огонь. Эльдорийские катапульты, до этого молчавшие несколько часов, ожили разом. Глиняные горшки с горячей смолой полетели через стену, разбиваясь о камни и заливая двор крепости жидким пламенем. Затем стрелы. Тысячи стрел взмыли в небо и обрушились на стены, впиваясь в дерево, камень, плоть. Защитники пригнулись за зубцами, прикрываясь щитами.

А потом пошли они.

Тени в ночи. Безмолвные, быстрые, неумолимые. Тысячник видел, как они карабкаются по приставным лестницам, как перемахивают через проломы в стене, как скользят между его солдатами, словно сама смерть обрела плоть. Это были лучшие бойцы Эльдории, те, кого Эдвард лично отбирал для ночной атаки. Они двигались без криков, без команд, и в этой тишине было что-то нечеловеческое.

Первый прорвался на стену справа от Тысячника. Он убил двоих, прежде чем его самого пронзили копьём. Второй - слева. Третий - в центре. Они лезли и лезли, словно муравьи, и каждая смерть лишь освобождала место для следующего.

Тысячник дрался.

Он не помнил, сколько времени прошло. Час? Два? Вечность? Его меч, старый клинок с потёртой рукоятью, рубил и колот, отражая удары, которые сыпались со всех сторон. Он уже не думал о тактике, только о том, чтобы удержать этот участок стены. Его люди гибли вокруг. Адьютант, тот самый, что докладывал о подкреплении, лежал у его ног с пробитым горлом. Знаменосец, старый ветеран с седой бородой, упал, сжимая древко. Знамя упало вместе с ним.

И вдруг натиск стих.

Враги отступили. Не побежали, а именно отступили, организованно, слаженно, как отступают те, кто выполнил свою задачу. Тысячник, тяжело дыша, огляделся. Стена была усеяна телами. Его люди, те, кто выжил, смотрели на него с на-

деждой и страхом.

— Они отошли, — прохрипел кто-то. — Мы отбились?

Тысячник не ответил. Он знал: это не отступление. Это - приглашение.

Ворота крепости, те самые, что держались семь дней, были открыты.

Эльдорийцы сделали своё дело. Они прорвались не для того, чтобы захватить стену, они прорвались, чтобы открыть ворота изнутри. И теперь, когда путь был свободен, в проёме ворот появился он.

Генерал Эдвард.

Он был в полном доспехе - воронёная сталь с золотой насечкой, та самая, что сверкала на солнце при Долине смерти. Его меч, длинный и узкий, был обнажён. За его спиной выстроились элитные гвардейцы, те, кого он лично отбирал для последнего удара. Но вперёд он вышел один.

Тысячник спустился со стены. Его солдаты расступились. Два командира стояли друг напротив друга в десяти шагах, старый Волк и молодой Ястреб.

— Ты знал, что это я, — произнёс Эдвард. Голос его звучал ровно, без торжества.

— Знал, — ответил Тысячник. — С первого дня. Твои люди слишком хорошо обучены. Слишком точно бьют. Так может только один человек.

— Ты мог сдаться.

— Я мог. — Тысячник поднял меч. — Но я не сдаюсь.

Никогда.

Эдвард усмехнулся. В его холодных серых глазах мелькнуло что-то, не радость, не гнев, а скорее тень старой дружбы, которую время и война превратили в пепел.

— Тогда пусть всё будет, как раньше, — сказал он и поднял меч.

Они сошлись в центре двора, и первый удар прозвучал как гром.

Эдвард атаковал первым, молниеносный колющий выпад, направленный точно в горло. Тысячник отбил его в сторону, и клинки запели. Это был не бой, это был разговор. Каждый удар нёс в себе память о прошлом, каждый блок - признание былого мастерства. Они знали друг друга слишком хорошо, чтобы тратить время на разведку. Эдвард бил быстро, стремительно, как и десять лет назад, серия из трёх ударов, рассчитанная на то, что противник откроется. Тысячник держал оборону, глухую, непробиваемую, ту самую, за которую его прозвали Волком. Он принимал удары на меч и щит, не отступая ни на шаг.

— Ты не изменился, — проговорил Эдвард, не прекращая атаки. — Всё так же упрям.

— Ты тоже, — ответил Тысячник, уходя от косого удара. — Всё так же спешишь.

Эдвард сменил тактику. Теперь он двигался по кругу, нанося удары с разных углов, резкие, хлёсткие, каждый из которых мог стать смертельным. Тысячник поворачивался

вместе с ним, и его меч, старый клинок с потёртой рукоятью, ни разу не дрогнул.

Первый серьёзный момент наступил, когда Эдвард сделал ложный выпад в лицо и тут же перевёл удар в колено. Тысячник не купился на обман, он предвидел его. Щит ушёл вниз, и клинок Эдварда, скользя по стали, ушёл в пустоту. В ту же секунду Тысячник контратаковал, широкий горизонтальный удар на уровне груди. Эдвард отклонился назад, и лезвие прошло в дюйме от его горла.

— Хорошо, — выдохнул Эдвард, и в его голосе впервые прозвучало нечто похожее на восхищение.

Они снова сошлись. Теперь уже Тысячник атаковал. Он обрушивал на противника серию мощных, тяжёлых ударов: сверху, сбоку, опять сверху. Каждый из них был направлен не столько на то, чтобы пробить защиту, сколько на то, чтобы измотать. Эдвард парировал, но с каждым ударом его движения становились чуть медленнее, чуть менее точными. Он привык к быстрым схваткам, где всё решается в первые мгновения. Затяжной бой был не его стихией.

Но и Тысячник уставал. Он был старше. Его раны, полученные за семь дней осады, давали о себе знать. Он загнал Эдварда к стене, но в последний момент его правая нога, раненная в утреннем бою, подвернулась. Он споткнулся, всего на мгновение, но этого хватило. Эдвард воспользовался заминкой и нанёс колющий удар. Тысячник успел подставить щит, но клинок, скользя по дереву, рассёк ему плечо.

Кровь брызнула на камни.

— Первая кровь, — произнёс Эдвард, отступая на шаг.

— Первая, но не последняя, — ответил Тысячник.

Он рванул вперёд, игнорируя боль. Его меч описал широкую дугу и обрушился на шлем Эдварда. Генерал пошатнулся. Удар был такой силы, что воронёная сталь прогнулась. Эдвард отступил на два шага, трясая головой, и в этот момент Тысячник ударил снова, в корпус. Эдвард парировал, но поздно: клинок Тысячника рассёк ему бок. Кровь Эдварда смешалась с кровью Тысячника на камнях.

Они замерли друг напротив друга. Оба дышали тяжело, оба истекали кровью. Их люди, эльдорийцы и защитники крепости, стояли в отдалении, не вмешиваясь. Это была дуэль не для чужих глаз.

— Помнишь то ущелье? — вдруг спросил Эдвард. — Возле Торнхилла?

— Помню, — ответил Тысячник. — Ты тогда едва не погиб, потому что полез на рожон.

— А ты меня вытащил.

— Ты был мальчишкой. Глупым мальчишкой.

— Я и сейчас глупый, — усмехнулся Эдвард. — Просто теперь у меня больше власти.

— Власть не делает человека умнее, Ястреб.

— Зато делает опаснее.

Они снова сошлись. На этот раз бой был иным, не яростным, а расчётливым. Они прощупывали друг друга, обмени-

ваясь осторожными ударами, проверяя реакцию. Тысячник бил редко, но каждый его удар был подобен удару молота. Эдвард, напротив, осыпал его быстрыми, почти невидимыми уколами. Ни один не мог взять верх.

Так прошло несколько минут. Затем Тысячник сделал ложный замах сверху и ударил снизу, приём, которому он научился ещё в молодости. Эдвард, знавший этот приём, парировал. Но Тысячник, завершая движение, ударил его щитом в лицо. Эдвард рухнул на одно колено.

Тысячник занёс меч для последнего удара.

И в этот момент Эдвард, не поднимаясь, сделал выпад. Его клинок, направленный снизу вверх, вошёл Тысячнику в бедро. Тот пошатнулся, и удар, предназначенный для шеи, раснёк лишь воздух.

Они оба упали.

Эдвард - на колени, зажимая рану в боку. Тысячник - на спину, пытаясь подняться, но правая нога больше не слушалась. Меч выпал из его руки и зазвенел о камни.

Воины с обеих сторон бросились к своим командирам. Эльдорийцы подхватили Эдварда и потащили его назад, к воротам. Защитники крепости окружили Тысячника, прикрывая его своими телами. Ничья.

— Отступаем, — приказал Эдвард, и его голос, хоть и ослабленный болью, прозвучал властно. — На сегодня хватит.

— Удерживайте ворота, — прохрипел Тысячник. — Не

дайте им войти.

Их глаза встретились в последний раз. Через пространство, заполненное телами и кровью, через дым и пламя. И в этом взгляде не было ненависти. Только понимание. Только память. Только сталь, которая когда-то была дружбой, а теперь стала приговором.

Эльдорийцы отступили. Их элитные гвардейцы, те самые, что открыли ворота, теперь прикрывали отход своего генерала. Защитники крепости, те немногие, что уцелели, закрыли ворота и навалили на них груды камней. Времени на то, чтобы восстановить запоры, не было.

Тысячника подняли и отнесли в полуразрушенный зал. Там, в свете догорающих факелов, его перевязали. Рана на бедре была глубокой, но кость не задета. Рана на плече - поверхностная. Он потерял много крови, но был жив.

— Граф Бире в дне пути, — доложил новый адъютант, совсем мальчишка, которому едва исполнилось шестнадцать. — Гонец только что прибыл. Они идут форсированным маршем.

— Хорошо, — ответил Тысячник. — Значит, мы ещё повоюем.

Он попытался встать, но боль в бедре заставила его опуститься обратно.

— Помогите мне, — сказал он адъютанту. — Я должен обойти людей.

— Господин, вам нужно лежать...

— Я сказал - помоги.

Мальчишка подставил плечо, и Тысячник, опираясь на него, проковылял через двор крепости. То, что он увидел, было хуже любой битвы.

Раненые лежали рядами вдоль внутренней стены. Те, кому повезло, на плащах и одеялах. Те, кому не повезло, прямо на камнях. Стоны, хрипы, молитвы и проклятия смешивались в один непрерывный гул. Санитары, те немногие, что уцелели, метались между рядами с бинтами и водой. Бинтов не хватало. Воды тоже.

Тысячник проходил мимо каждого. Одним клал руку на плечо, другим - просто кивал. Слова были не нужны. Люди видели его, живого, хоть и раненого, и этого было достаточно, чтобы в их глазах загоралась искра надежды.

— Командир, — окликнул его слабый голос.

Тысячник обернулся. На земле лежал молодой солдат, почти мальчик, лет семнадцати. Его грудь была перевязана, но повязка уже пропиталась кровью. Рядом сидел седой ветеран и держал его за руку.

— Командир, — повторил мальчик, — мы победили?

Тысячник опустился на одно колено, здоровая нога подогнулась, раненая горела огнём. Он посмотрел на солдата. Тот умирал. Это было видно по серому цвету лица, по стекленеющим глазам, по тому, как слабо вздымалась грудь.

— Да, — ответил Тысячник. — Мы победили. Они ушли. Мальчик улыбнулся, бледной, едва заметной улыбкой.

— Я знал... я знал, что вы их прогоните.

— Правда?

— Правда.

Мальчик закрыл глаза. Его дыхание стало реже, тише, а потом остановилось. Седой ветеран, всё ещё держа его руку, молча склонил голову.

Тысячник поднялся. Адъютант снова подставил плечо. Они пошли дальше.

В углу двора, у остатков конюшни, расположились те, кто уже не мог сражаться, но ещё мог держать оружие. Они сидели, привалившись спинами к обгоревшим балкам, и смотрели на своего командира. Тысячник остановился перед ними.

— Завтра подойдёт Бире, — сказал он. — Мы выстояли.

— Мы выстояли, — повторил кто-то, и эти слова прокатились по рядам, как эхо.

Тысячник смотрел на них, измученных, израненных, но не сломленных, и чувствовал, как к горлу подступает ком. Это были его люди. Его стая. И он едва не потерял их всех.

— Спасибо вам, — произнёс он глухо. — Я горжусь каждым из вас.

Он отвернулся, не в силах продолжать, и захромал обратно в полуразрушенный зал. Там, в темноте, он наконец позволил себе то, чего не позволял при всех. Он сел на пол, привалился спиной к холодной стене и закрыл лицо рукой.

Он не плакал. Но где-то глубоко внутри, там, куда не дотягивались ни меч, ни воля, что-то надломилось. Он вспо-

минал лица погибших. Аdjутанта. Знаменосца. Мальчика, который умирал с улыбкой. И многих, многих других.

«Я вытащил тебя тогда, — подумал он, и мысль эта была обращена к Эдварду. — А теперь ты пришёл меня убить. И убил их».

Завтра будет новый день. Завтра подойдёт Бире. Завтра крепость, возможно, устоит. Но сегодня, в этой тишине, нарушаемой стонами раненых, Тысячник чувствовал только одно: старый друг стал врагом. И эта мысль ранила больше любого меча.

Этой же ночью в осадном лагере Эльдории генерал Эдвард сидел в своей палатке. Лекарь зашивал ему бок. Рана была неглубокой, но болезненной. Эдвард не обращал внимания на боль. Он смотрел на карту, разложенную перед ним, и думал.

Волк. Упрямый, негибаемый Волк. Он всегда был таким. Всегда стоял до конца. И сегодня он снова выстоял.

— Генерал, — обратился адъютант, — разведка доносит, что граф Бире будет здесь через день. Если мы не возьмём крепость до его подхода...

— Знаю, — перебил Эдвард. — Мы не возьмём. Волк не сдастся. А штурмовать крепость, когда у тебя в тылу семитысячная армия - самоубийство.

— Тогда что прикажете?

Эдвард откинулся на спинку походного кресла. Рана в боку пульсировала, напоминая о себе. Он коснулся её пальца-

ми и усмехнулся. Волк всегда умел оставить след.

— Готовьте приказ об отступлении. Мы уходим на соединение с основными силами. Крепость Арто... — он помедлил, — пусть остаётся Волку. Я ещё вернусь за ним. Но не сегодня.

Адъютант поклонился и вышел. Эдвард остался один. Он взял со стола меч, тот самый, которым дрался сегодня, и провёл пальцем по лезвию. Кровь Тысячника ещё не до конца засохла на стали. Их кровь. Волка и Ястреба.

«Ты вытащил меня тогда, — мысленно произнёс он, обращаясь к человеку, которого когда-то называл другом. — Но сегодня я не смог тебя убить».

Наутро эльдорийская армия снялась с лагеря и ушла на восток. Крепость Арто устояла. Но от неё осталась лишь тень: обгоревшие стены, выщербленные башни, двор, заваленный телами. Из двух тысяч защитников в живых осталось меньше трёх сотен. И все они знали: это была не победа. Это была отсрочка.

А через день к стенам крепости подошла армия графа Бире. Семь тысяч пехоты, две тысячи лучников, пятьсот тяжёлой конницы. Они опоздали всего на сутки. Граф, немолодой уже человек с усталым лицом, спешился у ворот и прошёл внутрь. Его взору предстало то, что осталось от крепости.

— Где Тысячник? — спросил он.

— Здесь, — ответил знакомый голос.

Тысячник вышел ему навстречу, прихрамывая. Его плечо

и бедро были перевязаны, но он держался прямо. Граф посмотрел на него, на разрушенные стены, на измученных солдат, и молча склонил голову.

— Прости, — произнёс он. — Мы шли, как могли.

— Ты пришёл, — ответил Тысячник. — Остальное не важно.

Они стояли среди руин, и ветер, гулявший по пустым бойницам, пел свою печальную песню. Песню о тех, кто не дождался. О тех, кто уже никогда не вернётся домой. О Волке и Ястребе, которые когда-то были друзьями, а теперь стали врагами.

Война продолжалась.